Николай Лебедев

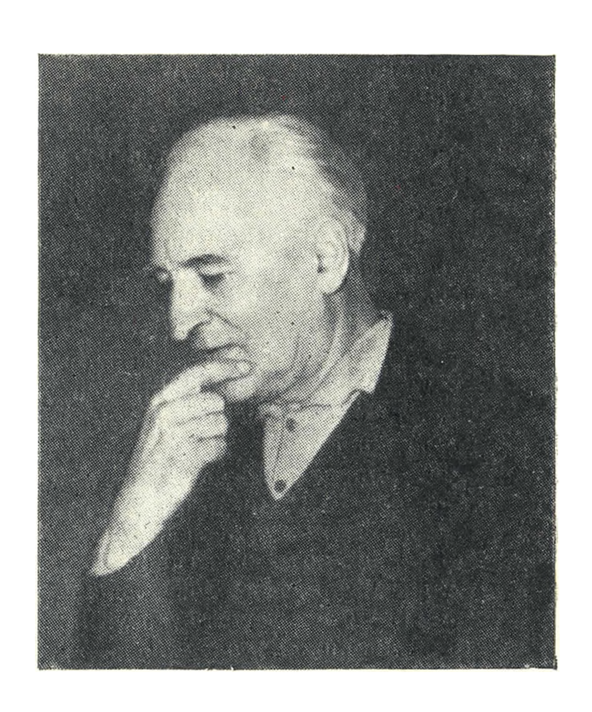
СМОЛЬНЫЙ
МОСКВА
РОССИЯ

Николай Лебедев

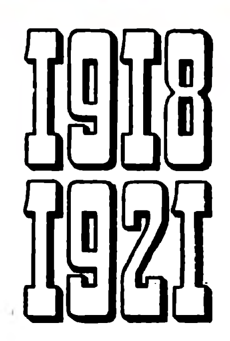
СМОЛЬНЫЙ, МОСКВА, РОССИЯ
(1918—1921)

Николай Лебедев

СМОЛЬНЫЙ МОСКВА РОССИЯ

ЗАПИСКИ ЖУРНАЛИСТА

Издательство
«Советская Россия»
Москва — 1978

002
Л33

Лебедев Н. А.

Л33 Смольный. Москва. Россия. (1918—1921). Записки журналиста. М., «Сов. Россия», 1978.

208 с.

Один из старейших советских журналистов, активный участник Октябрьской революции и гражданской войны, Н. А. Лебедев в 1919—1921 гг. редактировал фронтовые газеты, работал в политотделах Южного фронта и Первой Конной армии, Реввоенсовете Кавфронта, Реввоенсовете республики.

В своих записках автор рассказывает о становлении советской журналистики: от низовых армейских газет до центральных органов советской печати и учредительного съезда журналистов. Н. А. Лебедеву посчастливилось слышать выступления В. И. Ленина на съездах Советов, он встречался с М. И. Калининым, С. М. Кировым, И. В. Сталиным, М. Н. Тухачевским, Джоном Ридом, Бела Куном, Н. Наримановым, В. Потемкиным и другими.

Ныне Н. А. Лебедев — профессор Всесоюзного государственного института кинематографии, доктор искусствоведения, заслуженный деятель искусств.

Л $\frac{70202—087}{М—105(03)78}$—79—78 002

©Издательство «Советская Россия», 1978 г.

С фронта в революционный Петроград.— В редакции «Известий ВЦИК».— Учредительное собрание.— На III съезде Советов.— Выступления В. И. Ленина.— «Социалистическое отечество в опасности».— Военный корреспондент «Известий».— Переезд в Москву.— Первая командировка по стране.— Северный Кавказ.— С Высшей военной инспекцией Н. И. Подвойского.— Самара.— Чехословацкое восстание.— Симбирск.— Мятеж подполковника Муравьева.— Снова в Москве.— Агитпоезд имени В. И. Ленина.— Первая годовщина Октября.— В. И. Ленин на VI Чрезвычайном съезде Советов.— I съезд советских журналистов.

...Весть об Октябрьской революции застала меня под Одессой — прапорщиком в одном из запасных полков Румынского фронта.

Полком наша часть называлась только юридически, ибо уже к сентябрю 17-го года трудно было понять, что она собой представляла. Большинство солдат разбежалось: одни не вернулись из отпуска, другие под разными предлогами отсиживались в лазаретах, третьи (украинцы, белорусы, кавказцы) уехали в формируемые в тылу национальные части. В некоторых взводах офицеров, главным образом новоиспеченных прапорщиков, насчитывалось в два, а то и в три раза больше, чем рядовых.

Полковое начальство растерялось и опустило руки. Учебные занятия не велись. Обязанности личного состава сводились к несению очередных караулов.

Кадровые офицеры кляли Временное правительство, Керенского, мечтали о сильной руке, все чаще упоминая при этом о генерале Корнилове. Среди нашего брата — прапорщиков — в большинстве девятнадцати-двадцатилетних юнцов разного происхождения царил разброд. Выходцы из зажиточных семей тянулись к кадровому офицерству и требовали «наведения порядка». Менее состоятельные мечтали поскорей вернуться домой и заняться собственным жизнеустройством. И лишь единицы связывали свою судьбу с дальнейшим развитием революции, коренным переустройством общества. К последним принадлежал и я.

Но как добиться этой перестройки? С кем и за кем идти?

Оглушенные лозунгами и высокопарными декларациями бесчисленных партий — эсеров русских и украинских, меньшевиков, кадетов, анархистов-максималистов и анархистов других тол-

ков,— мы мучительно старались понять: где же настоящая правда?

Большевистские газеты доходили до нас редко: видимо, принимались меры, чтобы они не попадали на фронт. В полку не было членов ленинской партии. И об очередных лозунгах этой партии мы узнавали либо из буржуазной и меньшевистско-эсеровской печати, либо по слухам. Оба источника были малонадежны и противоречивы.

Но инстинктивно я тянулся к ленинцам и прислушивался к их призывам. Здесь, вероятно, сказались и трудовое воспитание в большой рабочей семье, и детские впечатления от революции 1905 года в Донбассе, и собственный, пусть скромный, политический опыт, накопленный за годы студенчества и службы в армии.

До шестнадцати лет я жил на Украине — сначала в Сватово Купянского уезда Харьковской губернии, потом в Изюме — в семье отца, железнодорожного машиниста. Железнодорожниками были и все ближайшие родственники: дед по отцовской линии и пятеро его сыновей водили паровозы; дед по материнской линии работал медником в паровозоремонтных мастерских; брат матери также был машинистом.

Большинство родственников принимало участие в революции 1905 года. Дядя Вася и дядя Саша были членами стачечных комитетов, позже просидели по нескольку лет в тюрьме.

Несмотря на материальные трудности, мне удалось окончить реальное училище. С четырнадцати лет я начал зарабатывать уроками и, скопив немного денег, в августе 1914 года поступил в Петроградский политехнический институт.

В Петрограде я впервые увидел большой мир с его противоречиями и контрастами.

Во время антивоенных студенческих забастовок в институте выступал на митингах. На детские воспоминания о первой русской революции начали наслаиваться новые впечатления той же эмоциональной и политической направленности.

Осенью 1916 года вместе с другими студентами младших курсов меня призвали в армию. Отслужил два месяца в Нижегородском студенческом батальоне и был направлен в Петергофскую школу прапорщиков. Там узнал почем фунт лиха и всеми фибрами души возненавидел царскую армию с ее бесчеловечной муштрой, нелепым чинопочитанием, самодурством...

По окончании школы — в последних числах февраля 1917 года — получил направление в Самару, в один из расквартированных там запасных полков.

С начала Февральской революции накинулся на незнакомую до того, еще совсем недавно нелегальную или полулегальную социально-политическую литературу: труды Маркса, Энгельса,

Плеханова, Лафарга, Кропоткина. Был потрясен идеями и пафосом «Манифеста Коммунистической партии».

Пытался разобраться в разноголосице газет различных направлений. Усердно посещал митинги. Постепенно втянулся в полковую общественную жизнь: неоднократно избирали меня в низовые комиссии и комитеты, избирали, главным образом, голосами солдат, с которыми у меня установились дружеские отношения.

Полковому и гарнизонному начальству это не нравилось, и меня старались под разными предлогами удалять из полка: посылали в дальние и длительные командировки, потом с эшелоном солдат-фронтовиков отправили в Красноярск. Там, после одного из митингов, на котором я поддержал резолюцию большевиков, начальник гарнизона вызвал меня к себе, разнес в пух и прах и приказал в недельный срок отбыть на фронт.

Так в конце лета я очутился на Румынском фронте, в Бессарабии. На передовых позициях было затишье, как я уже говорил, в прифронтовых запасных полках прапорщиков скопилось больше, чем нужно. И по каким-то неясным мне по сей день соображениям нас — в одиночку и мелкими группами — перебрасывали из части в часть.

За три осенних месяца я побывал в молдавских городах Сороках, Оргееве, Бендерах, затем очутился под Одессой — в одном из поселков немецких колонистов Зельце. (В этих местах немцы поселились еще в XVIII веке при Екатерине II.)

В Зельце и застала меня весть об Октябрьской революции в Петрограде и переходе власти в руки Советов.

Многое было неясно. Транспорт и связь работали с перебоями. Газеты приходили редко и с большим опозданием.

Но при всей противоречивости информации я воспринял Октябрь как выход из тупика. Как прорыв в будущее. Как победу народа. Было обидно в то время, когда где-то совершаются великие события, сидеть сложа руки в сонном немецком селе среди мечтающих о Корнилове штабс-капитанов и растерявшихся прапорщиков...

Надо попытаться вырваться отсюда. «Помогло» воспаление легких. После выздоровления я попросил направить меня для поправки в Петроградский военный округ.

Путешествие в столицу оказалось сложнейшим предприятием. Поезда ходили нерегулярно, и никто не знал, будет ли поезд в нужном направлении. Люди сидели по несколько суток на станции в ожидании составов. Тысячная толпа набрасывалась на каждый поезд, захватывая места в вагонах, на крышах, буферах, ступеньках. Неудачники возвращались на вокзал и готовились к новому штурму. После двухдневных попыток я забрал-

ся, наконец, на крышу пассажирского вагона, привязался к вентиляционной трубе и почувствовал себя счастливым: еду!

Вскоре обнаружилась неприятность: поезд шел не в Петроград, а в Харьков. Обидно! Но есть и утешение — заеду в Изюм к отцу.

Через несколько часов езды — новое огорчение: стал замерзать. Шел конец ноября, и хотя днем под южным солнцем было сравнительно тепло, во время движения ветер пронизывал до костей. К вечеру крыша обледенела, и я с трудом удерживался за трубу. Соседи по крыше начали на остановках сползать куда-то вниз.

На одном из полустанков, повиснув над двумя высунувшимися из ближайшего окна головами, взмолился:

— Ребята, товарищи, пустите, замерзаю, только что из госпиталя...

Головы с любопытством посмотрели вверх, потом слышу — совещаются:

— Ну что, пустим? — спросил сочувственно добродушный голос.

— Так ведь он золотопогонник... — ответил другой с ноткой иронии, но беззлобно.— Стоит ли?

— Какой же золотопогонник?! — возразил первый.— Обыкновенный прапорщик. А ну, малец, ползи. Ногами, ногами вниз, мы поддержим. Давай мешок. Вот так, все в порядке...

Через минуту я сидел в сизом от махорки купе жесткого вагона среди десятка разомлевших от тепла и внимательно рассматривавших меня солдат...

...Поезд шел медленно, с бесчисленными остановками. Большинство пассажиров ехали на небольшие расстояния. Их места занимали другие, и мне, наконец, удалось улечься на багажную полку.

Запомнился один эпизод, оказавший влияние на мое политическое самоопределение.

Где-то в районе Знаменки молча протиснулся в купе и занял освободившуюся верхнюю полку мужчина, видимо, рабочий, лет тридцати — в короткой теплой куртке и с солдатским вещевым мешком. Забравшись наверх и отвернувшись к стене, он сразу уснул. За сутки лишь один раз вышел в коридор, пожевал кусок хлеба с салом и снова завалился на боковую...

...На третьи сутки пути выяснилось, что нам предстоит пересечение «демаркационной линии»: до сих пор мы ехали по территории, подчиненной Центральной украинской раде, а со следующей станции начинались места, признавшие Советскую власть.

Как и полагается на границе, мы подверглись двойной про-

верке. Сначала нас «прочесали» гайдамацкие офицеры, арестовавшие несколько солдат по подозрению в большевизме. На следующей станции мы предъявили документы красногвардейцам.

Каково же было мое удивление, когда, взглянув на удостоверение, а потом в лицо нашего молчаливого попутчика, руководитель красногвардейского отряда вдруг вытянулся во фрунт, козырнул и радостно отрапортовал:

— С счастливым возвращением, товарищ комендант! А мы ждали вас еще вчера. Думали, не случилось ли чего!

Сосед мой оказался комендантом Харьковского укрепленного района Войцеховским. Он ездил в Житомирскую губернию повидаться с родными и теперь возвращался к исполнению своих обязанностей.

Покончив с конспиративной «игрой в молчанку», Войцеховский оказался энергичным, разговорчивым, остроумным человеком, опытным агитатором, быстро овладевшим вниманием нашего купе, а затем и всего вагона. Переспорив всех оппонентов, он доказал, что единственная партия, не на словах, а на деле защищающая рабочих и крестьян,— это партия большевиков и что только она выведет страну из войны.

На каждый вопрос, возражение, реплику он находил меткий, если и не исчерпывающий, то убедительный ответ.

На мое замечание, что трудно было в полку разобраться в политике разных партий, тем паче что в части не было ни одного большевика, Войцеховский сказал:

— Разобраться надо в основном. А большевики везде есть. Да и вы, товарищ прапорщик, большевик. Я слышал вчера, как вы рассуждали насчет войны и мира и ругали помещиков, чиновников и капиталистов. Это и есть наша платформа. Вам прямая дорога к нам.

В Харькове на вокзале мы расстались. Я больше никогда не встречался с этим человеком и не знаю, как сложилась его судьба. Но слова случайного спутника глубоко запали в сознание, поддерживая мое стихийное влечение к партии большевиков.

В Изюм я не поехал, так как на привокзальных путях обнаружил поезд, готовившийся к отправлению на север. Мне удалось втиснуться в него, и через пару дней мы добрались до Москвы. Здесь мне снова повезло: я попал в эшелон, идущий в Петроград.

Так за десять-двенадцать дней я добрался до берегов Невы.

Петроградский эвакопункт направил меня в офицерский госпиталь для выздоравливающих. Как явствовало из сохранившейся вывески, до революции госпиталь был подшефным какой-то великой княгини и, видимо, предназначался для «избранных»: большие, теплые, светлые палаты, хорошая медицинская часть.

Мне он показался отличным местом для жилья: неплохое по тем временам питание, минимум лечения и полная свобода действий. Можно было уходить и приходить в любое время. Отоспавшись после длинной дороги, я начал вылазки в город.

В Политехническом, как и в других учебных заведениях, занятий не было, и никто не знал, когда они возобновятся. Не удалось встретиться ни с кем из знакомых: одни были на фронте, другие уехали на периферию, третьих не застал дома. В Лесном, где находился Политехнический и где жил я до призыва в армию, стояла тишина, не ходили даже трамваи.

Но в центре и в рабочих районах обстановка была накалена до предела. Магазины и большинство учреждений были закрыты — продолжался саботаж торговцев и чиновников. Заводы и фабрики работали с перебоями — не хватало топлива и сырья. Надвигался голод. Торговля переместилась на черный рынок.

По городу ползли слухи о заговорах, забастовках, готовящихся восстаниях. По улицам шагали красногвардейские патрули. Строго соблюдался комендантский час: с десяти вечера до пяти утра движение без пропусков запрещалось.

Буржуазная и меньшевистско-эсеровская печать злобно шипела, предсказывала близкое падение Советской власти.

Главные надежды контрреволюция связывала с Учредительным собранием, созыв которого был назначен на начало января 1918 года.

«Правда», «Известия», вечерняя газета «Рабочий и солдат» разоблачали измышления антисоветской прессы, разъясняли планы и задачи власти рабочих и крестьян. Ежедневно сотни агитаторов выступали на предприятиях, в казармах, в рабочих клубах. Особенно запомнились мне митинги в цирке, где часто выступали А. В. Луначарский и П. И. Лебедев (В. Полянский).

Отдохнув и осмотревшись, я решил обратиться в студенческую организацию при Петроградском комитете РСДРП (большевиков) с просьбой направить меня на работу.

Организация помещалась на Литейном проспекте в просторном, некогда роскошном, а теперь замусоренном и замороженном барском особняке с огромным двухсветным холлом и широкой витой лестницей на второй этаж. Дом был обставлен случайной мебелью: остатками дорогих ампирных гарнитуров, солдатскими топчанами и некрашеными табуретками.

Немногочисленные сотрудники сидели в пальто и шинелях, обогреваясь кипятком из жестяных кружек.

Встретили приветливо.

— Насчет работы? Пожалуйста! На второй этаж — к Бухбиндеру. Это наш главный секретарь.

Я поднялся к главному.

Меня встретил худой и усталый молодой человек в шерстяном свитере с синей университетской шинелью на плечах.

— Работы? — спросил он. Просмотрев мои воинские документы и выслушав несложную биографию, оживился:

— Сколько угодно и какой угодно! Люди нужны везде. Выбирайте. Вы — прапорщик, значит, что-то вроде офицера. Нам нужен интеллигентный комендант в Мариинский театр. Если любите искусство, прекрасная должность. Там комиссар Бакрылов совсем зашился с актерами: не выполняют приказов, требуют автономии, грозят забастовкой. Вы поможете ему навести порядок...

Я в нерешительности молчал.

— Сходите, посмотрите... А не понравится — можно подыскать и другую работу. Вы говорите, что перешли на третий курс Политехнического, значит, уже почти инженер? Могу предложить и по этой специальности. Сейчас организуется Высший Совет Народного Хозяйства. Там нужны инженеры и экономисты. Сходите на Тучкову набережную в бывшее Министерство торговли и промышленности. Переговорите. Не договоритесь — приходите к нам...

С бумажками за подписью Бухбиндера на имя комиссара Мариинского театра и председателя ВСНХ я на другой день с утра побывал по обоим адресам.

Бакрылова не оказалось в театре — уехал в государственную комиссию по просвещению. Я побродил по холодным фойе, коридорам, лестницам. Тщательно изучил афиши за ноябрь и декабрь. Как и прошлогодние, как и пятилетней давности, они приглашали на «Спящую красавицу», «Аиду», «Травиату», «Щелкунчика».

Побеседовал с бородатым швейцаром, нарисовавшим мрачную картину: «Не театр, а светопредставление! Актеры простужены, какое уж там пение».

Студентом я несколько раз бывал на спектаклях в этом пышном здании. И хотя слушать и смотреть приходилось с самой «верхотуры» (откуда видна только авансцена), воспоминания о театре ассоциировались с чем-то ярким, торжественным, праздничным. Сейчас он мне казался каким-то не нужным: революция и «Аида», революция и «Щелкунчик»! Какая фантасмагория!

Пройдут годы, и мне станет ясным, что в этом противопоставлении был элемент «загиба».

Но кому нужны, думалось мне в декабре 17-го года, в суровые дни, когда решаются судьбы страны и народа, все эти роскошные, никак не соприкасающиеся с жизнью оперы и балеты?!

Перед революцией тысячи нерешенных задач. Не сегодня-завтра немцы попытаются нас задушить. Там и тут зреют контр-

революционные восстания. А я буду охранять неизвестно от кого допотопные спектакли! Нет! Не пойду в коменданты!

И, не дождавшись Бакрылова, зашагал по давно не чищенным от снега улицам на Тучкову набережную...

Не понравилось мне и в бывшем Министерстве торговли и промышленности. Казенное, давно нетопленное многоэтажное здание. Длинные пустые коридоры с покрытыми изморозью серыми стенами, десятки стандартных дверей. Я прошел из конца в конец первый этаж: ни единого человека! Постучал в одну, другую, третью, десятую дверь — заперто. И никакого движения за ними. Поднялся на второй этаж — та же картина. Ни души! Видимо, чиновники, включая швейцаров, саботировали.

Позже мне объяснили, что Высший Совет Народного Хозяйства, или, точнее, его зародыш, ютился в это время в дальнем конце первого этажа, в кухне, где можно было топить плиту и таким образом чуть обогреваться. Но нигде не было указателей и не у кого было спросить. Так я и не нашел ВСНХ.

Но перспектива работать в этом пустом и промерзшем доме меня привлекала еще меньше, чем Мариинский театр.

На другой день я снова был у Бухбиндера и попросил направить куда-нибудь, где больше живых людей:

— Тогда идите в Смольный,— предложил он.— Только что пришло требование на секретаря в редакцию «Известий».

Он повертел в руках какую-то бумажку: — Если согласны, выпишу путевку...

Я, не раздумывая, согласился. Кто же откажется от такой перспективы — попасть в самый центр революции!..

...Первое впечатление от Смольного: прифронтовой вокзал. Вестибюли, лестницы, коридоры заполнены непрерывно движущимися людьми: солдаты, матросы, рабочие с вещевыми мешками на плечах, с сумками, связками газет. Многие солдаты с винтовками, матросы и штатские с кобурами на поясе. Все спешат: кто-то озабоченно ищет нужную ему комнату, группа людей торопится на заседание, самокатчик бежит к выходу с толстым пакетом в руках...

Бывшие классы, гостиные, дортуары до отказа забиты учреждениями. Тесно, на долю некоторых наркоматов приходится по одной комнате.

В этих условиях редакция «Известий» жила почти роскошно. На втором этаже за дверью под номером 49 я обнаружил квартиру из трех комнат: в первой — самой большой в два окна — располагались хозяйственная часть и канцелярия (включая машинисток), во второй — поменьше — секретариат, т. е. собственно редакция, и в третьей — совсем маленькой — редколлегия.

В комнате секретариата за письменным столом, поставленным боком к окну, сидел взлохмаченный человек лет сорока пяти с донкихотской бородкой. Это был ответственный секретарь газеты В. Ю. Мордвинкин, с которым я должен был вести переговоры о работе. Против него за другим столом сидела пожилая женщина: как я узнал позже — литературный редактор, старая большевичка П. Ф. Куделли. Третий стол был пуст.

Мордвинкин, оказавшийся добродушным, любящим шутку человеком, расспросил меня и, выяснив мою полную неосведомленность в редакционно-журналистском деле, показал на свободный стол:

— Никогда не работал в газете? Вот здесь и научитесь. Не боги горшки обжигали. Главное — хотеть, остальное приложится. Будете работать в вечернюю смену — с четырех до десяти-одиннадцати. Завтра и начинайте...

На другой день я сидел в редакции, присматриваясь к процессу формирования тех десятков страниц машинописного текста, которые завтра станут содержанием очередного номера «Известий».

Душой газеты был В. Мордвинкин, выносивший на своих плечах львиную долю труда по ее выпуску.

Больной туберкулезом, сутулый и близорукий от правки бесчисленных рукописей и гранок, он походил на колдуна. Он сутками не выходил из редакции, нередко забывал забежать в столовку и вместо обеда ограничивался стаканом морковного чая с черным сухарем.

Вместе с пятью другими сотрудниками секретариата Мордвинкин делал от начала до конца ежедневную четырехполосную газету большого формата. Он работал за десятерых: планировал содержание каждого номера, привлекал авторов, заказывал и правил статьи, читал гранки, давал разметку выпускающему, бывал в типографии, просматривал верстку и успокаивался, только подписав полосы в печать.

До революции Мордвинкин печатался в прогрессивной прессе, выступал с сатирическими сказками в духе ершовского «Конька-горбунка». Сейчас не писал: все время съедали редакционные дела.

Работал Мордвинкин споро, весело, с прибаутками, никогда не жалуясь на усталость.

Ко мне он относился по-отечески. Учил, журил, подбадривал, когда я оказывался в затруднении. С таким крестным отцом было легко и интересно вступать в новую для меня и увлекательную область — журналистику.

В мои обязанности входили чтение, правка и отсылка в набор информационных материалов.

Собственного информационного аппарата «Известия» не имели — ни городских репортеров, ни корреспондентов в провинции и за рубежом. Почти все сведения поступали из двух источников — из Петроградского телеграфного агентства (ПТА) и из Бюро печати при Совете Народных Комиссаров.

ПТА было государственным учреждением, возникшим еще в царское время; теперь им руководил комиссар-большевик Л. Н. Старк. Работало оно очень слабо. Так как старые корреспонденты отказались сотрудничать с Советской властью, агентству приходилось пользоваться случайными источниками: буржуазными радиопередачами и сообщениями иностранных газет — о событиях за рубежом, периферийной прессой — о событиях внутри страны.

Бюро печати при Совнаркоме было новым учреждением, размножавшим и снабжавшим редакции (главным образом петроградские) правительственными материалами: текстами декретов и постановлений Совнаркома и наркоматов, отчетами о заседаниях и решениями съездов Советов, ВЦИКа, Петроградского исполкома, информацией о мирных переговорах с немцами, а также о важнейших советских и профсоюзных конференциях и совещаниях, о резолюциях рабочих и солдатских коллективов.

Бюллетени ПТА и Бюро печати мы нередко посылали в набор без правки, а порой и не читая. Сортировка по рубрикам производилась в процессе верстки,

Зарубежные известия, особенно о военных действиях на фронтах все еще продолжавшейся мировой войны, отличались крайней противоречивостью. Об одном и том же событии англо-французские и немецкие источники сообщали прямо противоположные сведения. Мы печатали их без всяких комментариев, предоставляя читателю самому разбираться в этой информационной каше...

Работать приходилось в быстром темпе, с большим напряжением.

Дело осложнялось тем, что кроме четырехполосных «Известий» на редакцию была возложена обязанность выпуска ежедневной вечерней газеты Петроградского Совета «Рабочий и солдат». Созданная в октябре 1917 года, эта малоформатная газета не имела своего редакционного аппарата и делалась руками «известинцев». Формировавшаяся из отходов наших материалов, она не пользовалась спросом, выходила ничтожным тиражом, просуществовав около трех месяцев, и в феврале 1918 года была ликвидирована.

Статьи и обзоры, за исключением передовых, писали нештатные авторы, которые либо забегали в редакцию и работали в комнате редколлегии, либо заносили готовые рукописи.

Чаще других в газете печатались П. Керженцев, М. Ольминский, Л. Рейснер. Несколько статей по вопросам внешкольного образования опубликовала в этот период Н. К. Крупская.

Передовые писал ответственный редактор Ю. М. Стеклов. Как и другие руководящие работники, он ежедневно выступал на митингах, на рабочих собраниях, в воинских частях, заседал в партийных комитетах и советских комиссиях, составлял проекты резолюций и постановлений ЦИК, Петросовета...

Стеклов забегал в редакцию во второй половине дня на два-три часа — высокий, в военном френче. Быстрой размашистой походкой проходил секретариат и скрывался в комнате редколлегии. Там обсуждал с Мордвинкиным и дежурным членом коллегии огрехи последнего номера, просматривал основные статьи и писал передовицу. Опытный журналист Стеклов писал быстро, на едином дыхании, без помарок.

Из членов редколлегии больше других проводил времени в редакции Борис Малкин, левый эсер, вступивший позже в партию большевиков. Невысокий брюнет с длинным худым лицом и грустными глазами, он был застенчив, считал себя плохим оратором и уклонялся от выступлений на митингах и больших собраниях. Бывая подолгу в редакции, он фактически выполнял обязанности замредактора.

Из авторов мне особенно запомнился Платон Михайлович Керженцев, почти ежедневно заходивший в редакцию и много писавший для газеты. В сером, из грубошерстного сукна с искоркой пиджаке, каких до того я ни на ком не видел, в необычных по тому времени коричневых башмаках на массивной подошве, в очках с толстенными стеклами, сквозь которые на вас смотрели увеличенные во много раз глаза, Керженцев походил на западноевропейского туриста, каким-то чудом попавшего в центр русской революции. Это впечатление усугублял его иностранный акцент: казалось, что у него во рту все время перемещаются мелкие камешки, мешающие ему произносить «р» и «л».

При ближайшем знакомстве выяснилось, что Керженцев только что вернулся из Англии, где долго жил в эмиграции, и оттуда вместе с костюмом и окулярами вывез и английский акцент.

Человек большой и разносторонней культуры, Керженцев был великолепным газетчиком. Ему можно было заказать статью на любую политическую тему, и через полтора-два часа статья была готова. В экстренных случаях редколлегия обращалась к нему. Он присаживался к углу стола в секретариате, отключался от шума и покрывал один бумажный листок за другим четкими и ясными строчками. К назначенному сроку Мордвинкин получал квалифицированную статью на заданную тему.

Частым посетителем редакции был коренастый молодой че-

ловек в голубой шинели солдата австрийской армии. С красным, обветренным от мороза лицом, постоянно простуженный, он тем не менее всегда был в великолепном расположении духа. Приветливо улыбаясь темными выпуклыми глазами, он протягивал Мордвинкину очередную статью. «Простите, я все еще не очень карашо пишу по-русски,— говорил он с каким-то новым для моего уха акцентом,— пожалуйста, редактируйте...»

Это был Бела Кун — левый венгерский социал-демократ, два года пробывший в Сибири в лагере для военнопленных, теперь организатор интернациональных красногвардейских отрядов. В «Известия» он писал либо о положении в Австро-Венгрии, либо о революционном движении среди военнопленных. Вскоре, вернувшись на родину, Бела Кун возглавил молодую Компартию Венгрии, а во время революции 1919 года стал одним из руководителей Венгерского советского правительства...

...С точки зрения наших современных представлений «Известия» того времени (как, впрочем, и все другие советские издания первых лет революции) в плане газетного мастерства оставляли желать много лучшего. Они не блистали изобретательностью в расположении материала и разнообразием полиграфического оформления.

Весь материал делился на две части: информацию — правительственные сообщения, отчеты о заседаниях, события внутренней и иностранной жизни — и статьи. Статьи печатались на первой полосе, лишь изредка переползая на вторую. Всю остальную площадь занимала информация, включая многочисленные декреты, постановления, приказы.

Статьи заказывали и редактировали Малкин и Мордвинкин. Весь остальной материал обрабатывали сотрудники секретариата, работавшие в две смены.

Материал набирали одним шрифтом, верстали длинными лентами под повторяющимися заголовками: «За рубежом», «Сообщения из-за границы», «В Петрограде», «Положение в провинции».

Нередки были редакционные накладки. Иногда они носили относительно невинный и даже юмористический характер.

Так, например, по недосмотру выпускающего на первой полосе появилось большое платное объявление о предстоящем выходе журнала анархистов «Революционное творчество». Издатели будущего журнала обещали рассматривать все вопросы социальной жизни с точки зрения «общего анархизма» и, в частности, с точки зрения **отрицания государства** и борьбы **за максимум** индивидуальной свободы.

Страннoвато выглядело это объявление на страницах советского печатного органа.

Но не надо забывать, что газеты делали шесть-восемь штатных работников, среди которых по крайней мере половина не имела до революции никакого редакционного опыта.

Начало моей работы в «Известиях» совпало с тревожными днями созыва и ликвидации Учредительного собрания.

Открытие Учредительного собрания было назначено на 5 января 1918 года.

Это событие ждали все или, во всяком случае, вся политически активная часть страны. Но ждали с разными чувствами.

В предреволюционные годы все социалистические и демократические партии, включая и партию большевиков, считали созыв Учредительного собрания одним из обязательных условий создания нового политического строя в бывшей Российской империи. Но после победы Февральской революции отношение Ленина, партии большевиков к лозунгу Учредительного собрания изменилось. Для партии и передовых рабочих этот лозунг был изжит. По сравнению с буржуазной парламентской республикой, органом которой только и могло стать Учредительное собрание, Республика Советов представляла собой более высокий тип государства — пролетарский демократизм. Но, выполняя требование миллионных масс трудящихся о созыве Учредительного собрания, партия стремилась помочь им избавиться от иллюзий в отношении этого «всенародного представительства».

Между тем, по предварительным, хотя и неполным данным о результатах выборов в это представительство, можно было предположить, что правые эсеры вкупе с меньшевиками, кадетами и реакционной частью национальных групп могут составить большинство и попытаются противопоставить Учредительное собрание Советам.

За это и ухватились контрреволюционные силы.

Все антисоветские газеты, начиная с черносотенного «Вечернего времени», кончая псевдоинтернационалистской «Новой жизнью», воспевали Учредительное собрание как панацею от всех бед и истошно призывали к освобождению страны от «большевиков-узурпаторов».

Меньшевистская газета «День» предупреждала, что 5 января народ отвергнет Советскую власть и будет разговаривать не с большевиками, а с «народным представительством».

Стали поступать сведения о назначенном на 5 января вооруженном восстании. И как бы в подтверждение слухов на стенах домов и заборах появились воззвания «Союза защиты Учредительного собрания» с призывом провести 5 января широкую «народную» демонстрацию.

В Смольный поступала информация о лихорадочной подготовке в подполье ударных офицерских групп для захвата Таврического дворца.

В ответ на эти маневры были приняты меры.

В обращении «Ко всем рабочим, солдатам, всем честным гражданам» Петроградский Совет призывал жителей столицы не принимать участия в демонстрации, организуемой с целью свержения власти рабочих и крестьян.

Постановление ВЦИК, опубликованное в печати, недвусмысленно предупреждало:

«...Вся власть в Российской Республике принадлежит Советам и советским учреждениям.

Поэтому всякая попытка со стороны кого бы то ни было или какого бы то ни было учреждения присвоить себе те или иные функции государственной власти будет рассматриваема как контрреволюционное действие и подавляться всеми имеющимися в распоряжении Советской власти средствами, вплоть до применения вооруженной силы».

Не менее энергичное обращение было опубликовано Всероссийской чрезвычайной комиссией по борьбе с контрреволюцией, саботажем и спекуляцией.

Это был охлаждающий душ на разгоряченные головы авантюристов, рассчитывавших под знаменем Учредительного собрания покончить с Советской властью.

Накануне открытия Учредительного собрания в Таврическом дворце и вокруг него были размещены наиболее дисциплинированные красногвардейские отряды и отряды моряков. Они получили приказ не допускать к дворцу никаких демонстрантов.

5 (18) января было воскресенье, редакция не работала, и с утра я отправился на Невский посмотреть, что творится в центре и на основных магистралях по направлению к Таврическому дворцу.

В районе Литейного я увидел хвост колонны, завернувшей с Невского на Литейный и медленно двигающейся в северном направлении. Среди демонстрантов господствовала молодежь из мелкобуржуазной интеллигенции. На плакатах лозунги: «Да здравствует Учредительное собрание!», «Вся власть Учредительному собранию!», «Да здравствуют избранники народа!».

Кто-то пытается петь «Марсельезу», но, не поддержанный массами, замолкает.

Гораздо больше, чем в рядах демонстрантов, публики на тротуарах — господа в добротных шубах, щеголеватые чиновники с кантами разных ведомств, хорошо одетые дамы — обычная толпа дореволюционного Невского проспекта. Зеваки предпочитали держаться на расстоянии от демонстрантов.

Вдруг колонна остановилась. Пронесся слух: «Голова демонстрации столкнулась с матросами! К Таврическому не пускают!»

Демонстранты в растерянности топтались на месте. Затем, параллельно с основной колонной, началось небольшое движение в обратном направлении. Сначала это была группка в пятнадцать-двадцать разъяренных молодых людей. Они шагали от Литейного в сторону Адмиралтейства, потрясая древком порванного плаката.

Помню, как, взобравшись на пьедестал одного из Клодтовских коней, кричала миловидная девушка в изящной шубке, по-видимому, гимназистка. Она была смертельно напугана и в тоже время горда своей смелостью.

— Товарищи! — кричала гимназистка охрипшим от мороза и напряжения голосом.— Вернемся к Таврическому дворцу! Да здравствует Учредительное собрание!

Недалеко от моста на деревянном ящике бился в истерике бледный бородатый юноша в синей университетской шинели. Он потрясал кумачом, проклинал большевиков и звал идти к Таврическому дворцу «поддерживать избранников народа»...

Около юных ораторов останавливались прохожие и, покачав головой, шли дальше, не проявляя ни малейшего желания следовать их призывам.

Хвост колонны подался назад, затем она начала стремительно редеть и в течение нескольких минут бесследно рассосалась.

...Мне не удалось попасть на открытие Учредительного собрания. Количество пропусков для печати было ограничено, и мне, только что начавшему работать в газете, пропуск не достался.

Мордвинкин подробно рассказал об этой трагикомедии, да и в исторической литературе она многократно описана. Когда правое большинство собрания отказалось обсуждать предложенную от имени ВЦИКа и Совнаркома «Декларацию прав трудящегося и эксплуатируемого народа», тем самым продемонстрировав свою враждебность Октябрьской революции, большевики, а позже и левые эсеры покинули заседание.

Оставалась лишь контрреволюционная часть «Учредилки». В 4 часа утра к председателю подошел начальник отряда, несшего караул в Таврическом дворце, матрос А. Г. Железняков и, сославшись на усталость караула, предложил депутатам немедленно покинуть зал.

Так закончилось единственное заседание этого незадачливого форума. 6 (19) января ночью в редакцию принесли текст только что принятого ВЦИКом декрета о роспуске Учредительного собрания, как отказавшегося признать Октябрьскую революцию и Советскую власть и разорвавшего «всякую связь между собой и Советской республикой России».

Так была ликвидирована попытка врагов молодого Советского государства использовать популярный еще недавно лозунг Учредительного собрания для того, чтобы повернуть вспять колесо истории...

...Через несколько дней после роспуска Учредительного собрания — 10 (23) января в Таврическом дворце открылся III Всероссийский съезд Советов рабочих, солдатских и крестьянских депутатов.

Он призван был подвести итоги двух с половиной месяцев революции и решить важнейшие вопросы дальнейшего ее развития. Вместе с другими сотрудниками редакции мне поручено было давать в газету материалы о съезде, и я получил возможность присутствовать на большинстве заседаний.

Я впервые попал в Таврический дворец, впервые оказался на таком историческом собрании, впервые услышал Ленина и других деятелей революции, имена которых не сходили со страниц газет, с замиранием сердца следил за всем происходившим в этом величественном зале.

Я явился пораньше, чтобы осмотреть дворец и занять место получше. Мне удалось обосноваться в первом ряду ложи печати — против президиума и трибуны для ораторов. Это позволило не только хорошо видеть и слышать выступающих (в те годы не было микрофонов), но и обозревать весь зал...

Свыше десяти лет здесь заседал парламент царской России — буржуазно-помещичья Государственная дума. Пять дней назад скончалась контрреволюционная «Учредилка». И вот теперь, впервые в истории, на респектабельных креслах дворца — народ, люди в простреленных солдатских шинелях, в подбитых ветром пальто, в замызганных крестьянских тулупах.

Собравшись в самый разгар триумфального шествия революции, съезд сыграл историческую роль в законодательном оформлении и укреплении советского государственного строя и упрочении диктатуры пролетариата.

Открыл съезд председатель ВЦИК Я. М. Свердлов. Он поднялся на трибуну и, поблескивая пенсне в металлической оправе, сильным, легко перекрывавшим шум зала голосом обратился к съезду с краткой приветственной речью.

Я. М. Свердлов сообщил, что уже прибыло 625 делегатов с решающим голосом и это позволяет считать его правомочным представителем воли трудящихся Советской России[1].

Зал ответил бурными аплодисментами. Раздались звуки Ин-

---

[1] На заключительном заседании съезда присутствовало 1587 делегатов.

тернационала, исполненного оркестром моряков и подхваченного делегатами.

В небольшом вступительном слове Свердлов охарактеризовал задачи, стоящие перед съездом. «Перед нами один из важнейших вопросов: строительство новой грядущей жизни и создание всероссийской власти...»

Нужно решить вопрос о власти: «будет ли эта власть иметь какую-либо связь с буржуазным строем, или окончательно и бесповоротно установится диктатура рабочих и крестьян».

«Вторым, главнейшим вопросом является вопрос о войне и мире». О нем будет сделан специальный доклад.

«Еще один наболевший вопрос — это вопрос национальный. Вы знаете уже о том, что Советом Народных Комиссаров издан Декрет о независимости Финляндии... и вы должны, товарищи, и в этом направлении вынести свое решение».

Я. М. Свердлов выразил уверенность, что Всероссийский съезд одобрит проделанную ВЦИК и Совнаркомом работу.

Нет сомнения, закончил он свое вступительное слово, что в конце концов «мы придем к торжеству братства, к полному уничтожению войн и эксплуатации человека человеком!».

Первое заседание было посвящено главным образом приветственным выступлениям гостей, представителей зарубежных рабочих и революционных партий.

От имени Швейцарской социал-демократической рабочей партии выступил Фриц Платтен. (Известно было, что весной 1917 года он явился одним из организаторов переезда В. И. Ленина и его соратников из Швейцарии через Германию и Швецию в Россию.)

— Мое сердце радуется,— с глубоким волнением сказал оратор,— что во главе революционной России стоит правительство, выдвинутое рабочими и солдатами, правительство, которое своей героической политикой будит народные массы Запада на такую же борьбу...

Угнетенные классы Европы,— продолжал Платтен,— с восхищением следят за событиями в вашей стране, единственной в мире стране, имеющей подлинно революционный парламент — Советы рабочих, солдатских и крестьянских депутатов...

Наш швейцарский друг выразил уверенность, что недалек тот момент, когда русские рабочие и крестьяне услышат ответный отклик со стороны западноевропейской демократии.

(В 1919 году Платтен участвовал в создании III Коммунистического Интернационала, был членом Президиума I его конгресса, позже работал в Исполкоме Коминтерна.)

От других иностранных делегаций выступили представители Британской социалистической партии, румынских социал-демок-

ратов, литовской социалистической конференции. Выступили левые американские журналисты Альберт Рис Вильямс и Джон Рид.

Из русских делегатов съезд приветствовали прибывший из Лондона Г. В. Чичерин; представитель Украины В. П. Затонский; городской голова Петрограда М. И. Калинин; начальник отряда моряков матрос А. Г. Железняков.

С особым вниманием было выслушано выступление Г. В. Чичерина. Революционер-эмигрант, не успевший в период Февральской революции выехать из Англии, он работал в Лондоне в качестве секретаря организации по возвращению политических эмигрантов в Россию. После Октября за активную и энергичную поддержку революции Чичерин был посажен в тюрьму, только что обменен на английского посла в России Бьюкенена и прибыл в Петроград. Он рассказал о влиянии Октябрьской революции на рабочий класс Великобритании, о симпатиях широких масс английского пролетариата к Советской России, о революционных настроениях на Западе.

В ту пору мы каждый день ждали начала революций на Западе и всякое слово человека, только что прибывшего оттуда и подтверждавшего наши надежды, встречали с величайшим энтузиазмом. Чичерин, не обладавший большим ораторским искусством, говорил тихо, смущаясь, но его выступление сопровождалось овацией зала.

Через несколько недель Чичерин был назначен народным комиссаром по иностранным делам.

Едва ли не кульминацией первого заседания съезда явилось выступление большелобого человека лет тридцати с открытым взглядом и юношеской улыбкой — в те годы еще мало кому известного Джона Рида.

Его представил съезду американский социалист Рейнштейн, говоривший по-русски. Рейнштейн рассказал, что Рид, как сотрудник недавно закрытого в США революционного журнала «Массы», заочно отдан под суд. Рида и его товарищей обвиняют в агитации против набора в войска и пропаганде восстания в американской армии. Обвиняемым грозит сорокалетнее тюремное заключение. Несмотря на это, Джон Рид решил вернуться в Америку и там продолжать борьбу с реакцией.

Появление Рида на трибуне вызвало бурю аплодисментов. Среди делегатов слышались реплики: «Американец, а с нами!», «Едет к черту в лапы!», «Вот это парень!».

Растроганный и смущенный овацией зала, Рид произнес небольшую речь. Он сказал, что, уезжая в Америку, страну закоренелой реакции и господства капитала, он черпает глубокое удовлетворение в сознании, что победа пролетариата в одной из

крупнейших стран мира — не сон, а действительность. Он обещал рассказать американским рабочим обо всем, что делается в революционной России...

Как известно, Джон Рид не только свято выполнил свое обещание, написав замечательную книгу «Десять дней, которые потрясли мир», но и стал одним из основателей Коммунистической рабочей партии США, слившейся в 1921 году, уже после смерти Рида, с Коммунистической партией США.

Начиная с 13(26) января в работе съезда приняли участие делегаты начавшего свою работу III Всероссийского съезда крестьянских депутатов, тем самым было полностью закреплено слияние двух представительных органов Советов.

Кроме большевиков и стоявших тогда на платформе Советской власти левых эсеров, в нем участвовали небольшие группки представителей обанкротившихся мелкобуржуазных партий: меньшевиков, правых эсеров, эсеров-максималистов, анархистов, которые пытались отстаивать свои позиции. Их выступления дали возможность делегатам воочию убедиться в антинародности этих партий.

Но самыми волнующими были вечера, когда выступал Владимир Ильич Ленин. На протяжении восьми дней работы съезда он выступал трижды: с докладом о деятельности Совета Народных Комиссаров, с заключительным словом по докладу и с заключительным словом на закрытии съезда.

До этого я неоднократно видел Владимира Ильича в коридорах Смольного. Наша редакция располагалась на том же этаже Смольного, где жили в двух небольших комнатках В. И. Ленин и Н. К. Крупская. И мне не раз приходилось встречать Ильича, когда он стремительной походкой — одно плечо чуть вперед — спешил на очередное заседание или возвращался домой.

Но до сих пор я не слышал Ленина.

И вот на второй день съезда Свердлов предоставил слово для доклада Председателю Совета Народных Комиссаров.

Его встретили громом аплодисментов. Но я бы не сказал, что они были более продолжительными, чем аплодисменты в адрес зарубежных друзей. То были гости, их нужно было поощрить, подчеркнуть наши симпатии, а Ленин был свой. Он появился на трибуне не с приветственным, а с деловым отчетом, и нужно было беречь его время.

Начал он удивительно просто:

— Товарищи! От имени Совета Народных Комиссаров я должен представить вам доклад о деятельности его за 2 месяца

и 15 дней, протекших со времени образования Советской власти и Советского правительства в России.

Начало его выступления меня не столько поразило, сколько удивило своей необычностью. Мне приходилось слышать крупных политических деятелей, среди которых были блестящие трибуны, в совершенстве владевшие приемами ораторского искусства и умевшие вызывать энтузиазм слушателей. Но в этих выступлениях всегда чувствовался какой-то элемент актерства, профессионального ремесла, деланности. В Ленине не было ни грана этого «профессионализма».

Владимир Ильич говорил деловито, я бы сказал, буднично, в манере, более подходящей для беседы, чем для выступления перед большой аудиторией. Казалось, что речь идет не о судьбах величайшей из революций, а об очередном «текущем» отчете.

Но уже следующей фразой он поднял слушателей на огромную историческую высоту, раскрыв грандиозность событий, свидетелями и участниками которых мы являлись.

— 2 месяца и 15 дней,— чуть повышая голос, сказал Ленин,— это всего на пять дней больше того срока, в течение которого существовала предыдущая власть рабочих над целой страной, или над эксплуататорами капиталистами,— власть парижских рабочих в эпоху Парижской Коммуны 1871 года...

В этом сопоставлении Октябрьская революция, которая для меня, ее рядового солдата, была сегодняшним днем, повседневной реальностью, бытом, вдруг засверкала особенным, романтическим светом. Я увлекался Великой французской революцией, читал книги о революциях XIX века, работу Маркса «Гражданская война во Франции». В моем сознании Франция рисовалась самой революционной страной мира, Парижская Коммуна — вершиной героизма народных масс. И вот мы уже превзошли эту вершину! Пролетарская революция в России продержалась дольше Парижской Коммуны!

Быть участником такого события — для этого стоило родиться!

Так думал я, вникая в ленинское сопоставление Октября с первой пролетарской революцией во Франции.

В этой исторической параллели Ильич видел источник великого оптимизма.

— Мы находимся в гораздо более благоприятных обстоятельствах,— говорил В. И. Ленин,— потому что русские солдаты, рабочие и крестьяне сумели создать аппарат, который об их формах борьбы оповестил весь мир,— Советское правительство... Мы сразу же опирались на Советскую власть и поэтому для нас никогда не было сомнения в том, что Советская власть пользуется сочувствием и самой горячей, самой беззаветной поддержкой ги-

гантского большинства масс, и что поэтому Советская власть непобедима.

Постепенно голос Ленина креп. Слова оставались простыми, понятными, гипнотизирующими своей неотразимой логикой. Они были наэлектризованы, насыщены могучей волей и величайшей убежденностью гения, и это удваивало и утраивало их силу.

Моментами в голосе возникали нотки иронии, переходившие в сарказм, когда речь касалась врагов революции — буржуазии, саботажников, псевдосоциалистов...

Зал слушал, затаив дыхание.

Охарактеризовав положение Советской власти на третьем месяце революции и раскритиковав теоретические концепции меньшевистско-эсеровских могильщиков Октября, Ленин, однако, ни на йоту не преуменьшил опасностей, окружавших революцию.

— Победа над буржуазией,— предупреждал В. И. Ленин,— будет стоить многих трудностей, жертв и ошибок, это дело новое, невиданное в истории, которое нельзя прочитать в книжках.

Мы прекрасно знаем, какие трудности лежат перед нами, но мы убеждены, из сравнения с прошлыми революциями, что достигнем гигантских успехов и что мы стоим на таком пути, который обеспечивает полную победу.

В полуторачасовом докладе Владимир Ильич затронул много вопросов: о значении советской формы диктатуры пролетариата, о важности союза рабочего класса и крестьянства, о необходимости создания сильной Красной Армии, о рабочем контроле в промышленности и налаживании производства, о национализации банков.

Особенно врезались в мое сознание два положения, неоднократно возникавшие в выступлениях Ленина: массы, революционный народ — вот источник силы и непобедимости Советской власти и интернациональное значение Октября, как важнейшего этапа мировой революции.

— И то обстоятельство, что в России создалась Советская власть,— разъяснял оратор,— показало, что богаче всего революционным опытом является сама революционная масса,— когда на помощь немногим десяткам партийных людей являются миллионы.

В. И. Ленин призывал трудящихся смелее брать в свои руки управление государством и всей общественной жизнью страны.

Владимир Ильич говорил, что обилие больших и сложных задач внутри страны не дает нам права забывать о наших международных связях и обязанностях.

Наш отряд рабочих и крестьян — один из отрядов всемирной армии, которая раздроблена мировой войной, но которая стремится к объединению. Наша социалистическая республика —

факел международного социализма, пример для трудящихся всего мира...

Каким жалким лепетом прозвучали выступления представителей оппозиции, пытавшихся полемизировать с Лениным!

Выступил лидер меньшевиков Ю. Мартов. Долго и нудно убеждал он делегатов, что Парижская Коммуна была «правильней» Октября, так как она избегала насилия, и призывал Советскую власть вернуться к тактике Парижской Коммуны...

Еще менее вразумительно выступили представители эсеро-меньшевистского лагеря Абрамович, Авилов, Суханов, которые всячески чернили Советскую власть, заявив в прениях, что она ничего не принесла стране и трудовому народу, кроме хаоса.

В заключительном слове Владимир Ильич не оставил камня на камне от их аргументации. Под смех зала он назвал их «жалкими человеками в футляре».

Как негодную ветошь, Ленин отбросил в сторону попытки кабинетных лжесоциалистов остановить революционную поступь народа, воздвигнув перед ним баррикаду из устаревших догм.

«...Ум десятков миллионов творцов создает нечто неизмеримо более высокое, чем самое великое и гениальное предвидение».

Итак, подводя итоги, можно было сказать, что III Всероссийский съезд высказался по всем животрепещущим вопросам. Съезд принял резолюцию, которая одобряла политику Советского правительства, и выразил ему полное доверие. Он утвердил «Декларацию прав трудящегося и эксплуатируемого народа»; одобрив роспуск Учредительного собрания, съезд принял постановление «О федеральных учреждениях Российской республики»; съезд одобрил национальную политику Советского правительства. На III съезде был принят «Основной закон о социализации земли».

III Всероссийский съезд Советов не решил самого трудного вопроса — вопроса о мире.

Владимир Ильич сказал, что о мирных переговорах будет сделан специальный доклад. (Как стало известно позже, в эти дни Ленин вел в ЦК и среди актива партии энергичную борьбу за немедленное подписание мира с Германией, но, не имея большинства в ЦК, он не считал возможным выносить разногласия на съезд Советов.)

Одобрив все заявления и шаги Советской власти, направленные на достижение «всеобщего демократического мира», резолюция съезда заканчивалась так:

«Провозглашая снова перед лицом всего мира стремление русского народа к немедленному прекращению войны, Всероссийский съезд поручает своей делегации отстаивать принципы мира на основах программы русской революции. Да здравствует

честный демократический мир! Да здравствует революционное братство народов!»

Между тем положение в Бресте крайне осложнилось.

Проведя закулисные переговоры с прибывшей в Брест делегацией Украинской центральной рады, германские империалисты объявили, что они признают Центральную раду единственным полномочным правительством Украины. 27 января между немцами и Радой был подписан сепаратный мирный договор, закреплявший отторжение Украины от Советского государства.

В ответ на этот шаг Троцкий от имени советской делегации сделал официальное заявление об отказе подписать аннексионистский мир и о выходе Советской России из войны с отдачей приказа о полной демобилизации русской армии.

Действительно, 30 января был опубликован приказ Верховного главнокомандующего Н. В. Крыленко о прекращении военных действий и начале демобилизации.

Перед Советской властью встала жесточайшая дилемма: либо «похабный» мир, либо революционная война.

Подписать «похабный» мир значило отказаться от провозглашенного революцией и в течение многих месяцев отстаивавшегося принципа «общего демократического мира — без аннексий и контрибуций», санкционировать оккупацию немецким империализмом на неопределенный срок Польши, значительной части Украины, Белоруссии, Прибалтики, согласиться на выплату контрибуции в размере трех миллиардов рублей золотом.

...И вдруг дилемма решена: «Ни мира, ни войны!»

Смотрите, как «остроумно» разрублен гордиев узел: и не поступились принципами, и уклонились от войны, и облегчили участь солдат, открыв перед ними перспективу близкого возвращения домой!

Так рассуждали люди, поверившие в реальность иллюзорного выхода из войны. И рассуждали так не только малоискушенные в политике молодые люди, «революционеры чувства», так же, как и я, лишь несколько месяцев назад прочитавшие первые марксистские работы и еще ничего не смыслившие в диалектике, но и опытные политические деятели, вплоть до членов ЦК большевиков — А. Бубнов, М. Урицкий и др.

Пять долгих, пять бесконечно томительных дней германское правительство хранило молчание... Мы почти не покидали редакции, каждую минуту ожидая сообщений из Бреста.

16 февраля в редакцию забежал заведующий бюро печати при СНК Тивель Аксельрод и, заикаясь от волнения, сообщил: в Совнаркоме получена телеграмма начальника штаба герман-

ского восточного фронта генерала Гофмана. Генерал уведомляет, что послезавтра в 12 часов дня кончается перемирие и возобновляется состояние войны...

Наступило горчайшее отрезвление от пятидневного самообмана...

И дальше драматические события развивались с катастрофической быстротой.

18 февраля стало известно о начале немецкого наступления: был занят Двинск (нынешний Даугавпилс) и отмечено продвижение немецких частей на других участках фронта.

В ночь на 19 февраля Совет Народных Комиссаров отправил радиограмму правительству германской империи, в которой заявил протест против вероломного наступления и изъявил согласие подписать мир. Но немцы продолжали наступление: заняты Минск, Луцк, Ровно...

Перехвачена радиограмма о выступлении одного из видных милитаристов Германии командующего северо-западным фронтом принца Леопольда Баварского, подводившего идеологическую платформу под разбойничьи действия генерала Гофмана.

«Исторической задачей Германии издавна было,— вещал этот предтеча Гитлера,— устроить плотину против сил, угрожающих с Востока. Победы Гинденбурга — победы не только Германии, но и Европы вообще.

Однако теперь с Востока угрожает новая опасность: моральная инфекция. Теперешняя больная Россия старается заразить своей болезнью все страны мира. Против этого мы должны бороться. Мировому беспорядку... мы должны противопоставить мировой порядок, охраняющий свободу. Германия должна осознать, что она имеет счастье в своих национальных стремлениях воплощать стремление других народов...»

Итак, генерал Гофман идет спасать свободу от моральной инфекции. Есть и солдаты. Да не так много их и нужно — по сведениям прибывших с фронта, Двинск был занят отрядом в сто человек.

20 февраля — нет ответа германского правительства, но продолжается наступление немецкой армии: занят Полоцк.

21 — германское правительство продолжает молчать, но действует немецкая армия: заняты Орша и Режица.

Немцы продвигались на пятьдесят-сто километров в день.

За исключением случайных телеграмм мы не имели никакой достоверной информации о положении на фронте.

21 февраля «Правда» опубликовала большую статью «О революционной фразе» за подписью «Карпов».

Статья — поразительной силы, громящая аргументацию сторонников немедленной революционной войны.

Мы не готовы к войне. Старой армии нет. Красная только-только зарождается.

«Кто не хочет себя убаюкивать словами, декламацией, восклицаниями,— клеймил автор противников подписания мира,— тот не может не видеть, что «лозунг» революционной войны в феврале 1918 года есть пустейшая фраза, за которой ничего реального, объективного нет. Чувство, пожелание, негодование, возмущение — вот единственное *содержание* этого лозунга в данный момент».

Противники сепаратного мира миллионы раз повторяли, что Германия «не сможет наступать», что не позволит ее растущая революция. Неумолимые факты опровергли эти прогнозы.

— Кто такой Карпов?— спросил я Мордвинкина.

— Это один из псевдонимов Ленина. Разве не узнаете стиля?

Да, это был ленинский стиль и ленинская логика.

Подробно разобрав аргументы сторонников революционной войны, Владимир Ильич подвел читателей к единственно целесообразному выводу:

«Мы идем на невыгодный договор и сепаратный мир, зная, что *теперь* мы еще не готовы на революционную войну, что надо уметь выждать (как выждали мы, терпя кабалу Керенского, терпя кабалу нашей буржуазии, с июля по октябрь), выждать, пока мы будем крепче. Поэтому, *если можно* получить архиневыгодный сепаратный мир, его *обязательно принять* в интересах социалистической революции, которая *еще* слаба (ибо к нам, русским, *еще* не пришла на помощь зреющая революция в Германии)».

Следовало ли из этого, что Ленин в то время исключал всякую перспективу революционной войны? Нет.

«Только при *полной* невозможности сепаратного мира тотчас придется бороться — *не потому, что это будет правильной тактикой, а потому, что не будет выбора*. При такой невозможности не будет и возможности спора о той или иной тактике. Будет только неизбежность самого ожесточенного сопротивления»...

Статья кончалась вдохновенным призывом:

«Надо воевать против революционной фразы, приходится воевать, обязательно воевать, чтобы не сказали про нас когда-нибудь горькой правды: «революционная фраза о революционной войне погубила революцию».

Между тем война стала фактом, от которого некуда было уйти. Немцы продолжали стремительно продвигаться на восток. При таких темпах они через неделю могли быть у Петрограда.

У нас в редакции — подавленное настроение. Мы продолжаем читать, править, размечать, но знаем не больше наших читателей. Стеклов забегает на час, пишет передовую и исчезает до

завтра. Малкин целыми днями сидит за столом редактора, зажав голову руками (он страдает мигренями) и механически листает гранки...

В ночь на 22 февраля из Бюро печати принесли бюллетень с Декретом, только что принятым правительством. Заголовок его до боли резанул сердце:

«СОЦИАЛИСТИЧЕСКОЕ ОТЕЧЕСТВО В ОПАСНОСТИ!

Чтобы спасти изнуренную, истерзанную страну от новых военных испытаний, мы пошли на величайшую жертву и объявили немцам о нашем согласии подписать их условия мира.

Наши парламентеры 20(7) февраля вечером выехали из Режицы в Двинск, *и до сих пор нет ответа.* Немецкое правительство, очевидно, медлит с ответом. Оно явно не хочет мира. Выполняя поручение капиталистов всех стран, германский милитаризм *хочет задушить русских и украинских рабочих и крестьян, вернуть земли помещикам, фабрики и заводы — банкирам, власть — монархии.* Германские генералы хотят установить свой «порядок» в Петрограде и Киеве. *Социалистическая республика Советов находится в величайшей опасности».*

Перечислив конкретные меры для отпора врагу, для защиты каждой позиции до последней капли крови, для наведения революционного порядка в ближайших к фронту тыловых районах, Декрет заканчивался так:

«Социалистическое отечество в опасности! Да здравствует социалистическое отечество! Да здравствует Международная социалистическая революция!»

Меня поразил Декрет в целом и особенно слово «Отечество». Оно впервые зазвучало в обращении большевиков к народу.

Один из первых марксистских принципов, который усваивали мы, был принцип интернационализма. «Рабочие не имеют отечества,— читали мы в «Манифесте Коммунистической партии».— У них нельзя отнять то, чего у них нет. Пролетарии всех стран, соединяйтесь!»

О защите отечества кричали царское правительство и правительство Керенского, черносотенцы и либералы, помещики и буржуазия. О защите отечества продолжают кричать кадеты и меньшевики, правые и левые эсеры...

Неужели у нас есть с ними что-либо общее?..

В эти дни в «Правде» была напечатана статья «Тяжелый, но необходимый урок». Ленин преподал здесь новый урок диалектики.

«Мы — оборонцы теперь, с 25 октября 1917 г., мы — за защиту отечества с этого дня. Ибо мы доказали *на деле* наш разрыв

с империализмом. Мы расторгли и опубликовали грязные и кровавые империалистические договоры-заговоры. Мы свергли *свою* буржуазию. Мы дали свободу угнетавшимся *нами* народам. Мы дали землю народу и рабочий контроль. Мы — за защиту Советской социалистической республики России».

Но как защищаться без армии или, что еще хуже, с вконец разложившейся армией, панически бегущей с фронта?

Н. В. Крыленко, продолжавший выполнять обязанности Верховного главнокомандующего, докладывал на заседании Петроградского Совета:

— Войсковые части отходят стихийно, не оказывая сопротивления. Волны беженцев запрудили наши железные дороги и грозят совершенно остановить железнодорожный аппарат. Надвигается голод.

Необходимо было поднять энергию масс, мобилизовать лучших рабочих и организовать отпор. Обстановка требовала мобилизации лучших пропагандистов и отправки их в армию и на места...

И, опираясь на питерский рабочий класс, партия берется за организацию обороны и наведение порядка.

В Петрограде создается Комитет революционной обороны во главе с Я. М. Свердловым. По его указанию Чрезвычайный штаб Петроградского военного округа объявляет округ на осадном положении. Издается приказ о сдаче оружия всеми, не имеющими разрещения. Бандиты и другие уголовные элементы предупреждаются о расстреле на месте преступления. Такое же предупреждение получили контрреволюционные агитаторы и шпионы. Закрывается вся буржуазная печать. Объявлена запись добровольцев в Красную Армию, открыты вербовочные пункты. Впредь до особого распоряжения приостановлена демобилизация армии...

23 февраля стало известно о полученной накануне радиограмме генерала Гофмана: ответ германского правительства вручен нашему курьеру, который немедленно отправился в обратный путь.

На заседании ВЦИК состоялось бурное обсуждение новых, значительно ухудшенных условий мира.

Ленин и его сторонники защищали необходимость принятия этих условий.

Большинством (116 — за, 85 — против, 26 — воздержавшихся) ВЦИК поддержал точку зрения Ленина.

24 февраля Советское правительство известило Берлин о принятии новых немецких условий мира. В Брест-Литовск для его подписания выехала наша мирная делегация...

Но германское наступление продолжалось. 24 февраля нем-

цы заняли Юрьев (Тарту), Остров, Псков; 25 — Борисов и Ревель (Таллин). В последующие дни — Бердичев, Гомель, Киев.

Угроза нависла над столицей страны и цитаделью революции.

На рассвете 26 февраля Петроград проснулся от прерывистого рева фабричных гудков: партия сзывала рабочих на предприятия, чтобы предупредить о грозной опасности и призвать к мобилизации всех сил.

Комитет революционной обороны Петрограда обратился к населению с воззванием.

На предприятиях начали срочно создавать отряды добровольцев для отправки на фронт и рытья окопов на подступах к Петрограду. Была объявлена мобилизация автомашин и других видов транспорта, введено круглосуточное движение трамвая.

Город готовился к бою.

К Смольному непрерывно подходили представители райкомов партии, райсоветов, фабрик и заводов, красногвардейских и матросских отрядов с сообщениями о положении на местах, числе записавшихся добровольцев, наличии оружия, приходили за распоряжениями, за информацией...

Но с информацией дело обстояло из рук вон плохо. Особенно о положении на фронте. Вчера немцы вступили в Псков. Где же они сегодня? Ни у нас в редакции, ни в ПТА, ни в Бюро печати СНК никто не знал.

— А не попробовать ли нам приступить к организации собственной информации?— сказал Мордвинкин и вопросительно уставился на меня.— Вы говорили, что собираетесь записаться в Красную Армию и идти на фронт. А почему бы вам не поехать корреспондентом? Будете первым собкором «Известий», военным собкором. Не правда ли, здорово?..

Я действительно собирался записаться добровольцем в Красную Армию. Предложение Мордвинкина мне польстило, и после короткого размышления я согласился...

Через два дня снабженный мандатом и прикомандированный к штабу путиловско-юрьевского отряда, отправляющегося на Ямбургско-Нарвское направление, с головным эшелоном отряда я ехал на запад, навстречу наступающим немцам.

Первая корреспондентская командировка оказалась непродолжительной.

В день отъезда из Питера положение на фронте оставалось неясным. По одним сведениям, немцы продолжали нажимать: 1 марта они совершили налет на Петроград, бомбы упали на Фонтанке — трое убитых, пятеро раненых. По другим данным,

наступление как будто было приостановлено. Нарвский ревком рапортовал по прямому проводу, что в городе спокойно, идет формирование отрядов Красной Армии, настроение боевое, готовы к отпору врагу.

На поверку рапорт оказался излишне оптимистичным. Когда через полтора дня, утром 3 марта, наш эшелон подошел к Ямбургу (20 километров не доезжая Нарвы), выяснилось, что Нарва уже оставлена защищавшими ее отрядами Дыбенко и они отходят к Ямбургу.

Связи с Дыбенко не было. Разгрузившись в Ямбурге, наш отряд занял оборону вокруг города.

Я отправился в ревком. Председатель ревкома сказал мне:

— Что сейчас на фронте, мы не знаем. Позавчера шли бои к западу от Нарвы, но пришлось отступить. Телефонная связь прервана, разведка не вернулась. По непроверенным данным, город ничей: мы эвакуировались, а немцы не вошли. Готовимся к отпору на новом рубеже.

Согласовав текст, я отправил свою первую телеграмму в два адреса: в редакцию «Известий» и в Бюро печати Совнаркома. В ней я сообщил о сосредоточении наших сил у Ямбурга, об объявлении в городе осадного положения и привлечении местной буржуазии к трудовой повинности. «Настроение бойцов,— заканчивалась телеграмма,— несмотря на потери, бодрое. Есть надежда на успех».

Однако уже на другой день прошел слух, что мирный договор подписан и военные действия прекращаются.

В ожидании распоряжений из Петрограда сгруппировавшиеся в Ямбурге отряды организовали разведку и начали наводить порядок вокруг города. Вдоль железнодорожной магистрали с запада и юга нескончаемым потоком двигались пешком и на санях солдаты старой армии, многие с оружием. Среди них было немало мародеров с мешками награбленного добра. С ними поступали по законам военного времени: оружие и награбленное имущество отбирали, сопротивлявшихся расстреливали на месте.

6 марта было получено официальное подтверждение о подписании мира. В отряде Дыбенко, состоявшем из «левых» коммунистов, левых эсеров, анархистов, началось брожение: «Позор! Лучше умереть в бою, чем мир на коленях! Не допускать ратификации! Едем протестовать к Крыленко!» Эти настроения были широко распространены и в других отрядах.

На митинге была выбрана делегация, и ей дан наказ срочно выехать в Смольный, добиться свидания с главковерхом, потребовать разрыва с немцами.

На следующий день специальным поездом делегация отбыла в Петроград.

С ней выехал и я за указаниями, что же делать дальше. Но инструкций получать было не у кого. Редколлегия и Мордвинкин уже уехали в Москву, оставшиеся работники редакционного аппарата готовили последние петроградские номера.

С очередным эшелоном отправили в Москву и меня...

Москва середины марта 1918 года встречала приезжих мокрым снегом. Город казался запущенным и негостеприимным...

До того я бывал в Москве только проездом, знал вокзалы, бывал в Кремле и в Третьяковской галерее, об остальном имел представление только по журнальным фотографиям. На снимках при солнце московские пейзажи выглядели эффектно.

Сейчас, в пасмурную погоду, город потускнел. После Петрограда бросались в глаза и раздражали архитектурные контрасты. Даже в центре, напротив Большого театра и Благородного собрания (ныне Дом союзов), теснились маленькие домишки Охотного ряда: киоски букинистов, продовольственный рынок, заколоченные лавки мясников.

На главных улицах — булыжные, с огромными выбоинами мостовые, узенькие — едва разминуться двоим — тротуары, разнокалиберные и разностильные торговые и жилые дома.

Конечно, и тогда в Москве было немало замечательных зданий и ансамблей: Кремль и Красная площадь, храм Василия Блаженного и Румянцевская библиотека, университет на Моховой и Музей изящных искусств на Волхонке, особняки в районе Пречистенки и Арбата.

Но не они, а облупившиеся, давно неремонтированные дома с пыльными, разбитыми и затянутыми фанерой витринами определяли облик московских улиц.

Всего несколько дней как Москва стала столицей революционной России.

Бытовые трудности навалились на меня сразу же. В Москве у меня не было ни родных, ни знакомых.

Спать первое время пришлось на столе в редакции. А питаться — 200 граммов хлеба в день плюс тарелка пшенного супа на обед.

С жильем постепенно утряслось. Помог Тивель Аксельрод, которого я встретил на Страстной (ныне Пушкинской) площади.

Мягкий и застенчивый, с пышной волнистой шевелюрой и грустными карими глазами, Тивель был олицетворением доброжелательности и готовности помочь товарищу. Он продолжал заведовать Бюро печати Совнаркома, помещавшемся, как и весь Совнарком, в Кремле.

Аксельрод был очень озабочен и жаловался на отчаянную не-

хватку людей: часть сотрудников осталась в Петрограде, в Москве нелегко найти новых — наркоматы рвут друг у друга.

Узнав, что я еще не включился в редакционную работу, начал усиленно уговаривать перейти в Бюро печати. Обещал достать ордер в гостиницу, предоставить свободу в выборе смены, дал слово в ближайшее же время предоставить возможность съездить к отцу (я четыре месяца не имел вестей от родных и очень хотел побывать в Изюме).

После небольших колебаний и совета с Мордвинкиным я дал согласие. По просьбе Аксельрода управделами Совнаркома Бонч-Бруевич договорился со Стекловым о моем переходе, и через пару дней я приступил к новой работе — редактором бюллетеня.

Бюро печати имело две большие комнаты на втором этаже здания бывших судебных установлений. По сравнению с шумным, обогреваемым дыханием тысяч людей Смольным высокие и пустынные коридоры Совнаркома выглядели холодными и неприютными. Допуск в Кремль был строго ограничен, и сюда приходило значительно меньше посетителей, чем в Смольный.

Натопить огромное здание в те времена не было возможности. Работали в пальто и шапках, ходили в галошах, владельцы валенок вызывали тихую зависть.

Моя работа заключалась в отборе, обработке и включении в бюллетень поступавших в Бюро печати материалов: декретов и постановлений, сводок о военных действиях, отчетов и решений съездов и конференций.

Политические страсти продолжали кипеть вокруг подписанного, но еще не ратифицированного мирного договора.

Снова начавшие выходить буржуазные и социал-соглашательские газеты поносили Брестский мир и требовали его разрыва.

14—16 марта состоялся IV Чрезвычайный Всероссийский съезд Советов, большинством голосов ратифицировавший договор и тем на некоторое время продливший мирную передышку.

Но положение продолжало оставаться напряженным.

Несмотря на триумфальное шествие Советской власти по стране, классовая борьба на местах принимала все более острые формы. То там, то тут вспыхивали очаги контрреволюции. Продолжалось наступление немецких войск. Не ограничиваясь захватом Польши и Прибалтики, германские войска оккупировали большую часть Украины, Белоруссии и продвигались в сторону Дона и Кавказа.

Поступили первые сообщения о подготовке военной интервенции странами Антанты. В Мурманске бросил якорь английский крейсер, вскоре к нему присоединился крейсер французский. На Дальнем Востоке японцы и англичане открыто готовились к высадке десанта.

Из Москвы и Петрограда уехали посольства.

...С информацией по-прежнему дело обстояло из рук вон плохо. Для того чтобы осведомлять народ о положении в стране, нужно было регулярно получать сведения о том, как реагируют массы трудящихся на происходящие события: как относятся к Брестскому миру, как работают фабрики и заводы, что творится в деревне, как выполняются правительственные решения. Отрывочная информация, доходившая с мест, была явно неудовлетворительной.

Петроградское телеграфное агентство (ПТА), переехавшее в Москву, в большинстве губерний все еще не имело корреспондентов. Важнейшие источники сведений — периферийные газеты приходили нерегулярно и с огромным опозданием.

И хотя Бюро печати СНК неоднократно обращалось со страниц «Правды» и «Известий» с настоятельной просьбой ко всем партийным, советским, профессиональным организациям присылать сведения о своей работе, а всем редакциям газет и журналов направило директиву СНК, обязывавшую высылать в СНК по два экземпляра изданий — сведения и газеты поступали туго, информация продолжала носить отрывочный характер.

Тогда возникла идея отправить на периферию несколько разъездных корреспондентов, уполномоченных Бюро печати, которые бы давали обзоры о событиях в определенном районе и одновременно выясняли бы возможности организации постоянной информации силами местных органов печати.

Для первой такой поездки Аксельрод выдвинул мою кандидатуру. Предложение было одобрено В. Д. Бонч-Бруевичем, и в конце марта — первых числах апреля 1918 года я отправился в поездку по стране.

Ориентировочный маршрут был выбран в южном направлении: Москва—Курск—Харьков—Ростов-на-Дону — Минеральные Воды—Грозный—Петровск (Махачкала) и, если удастся, Баку.

Маршрут давал возможность ознакомиться с обстановкой в наиболее «горячих» местах того времени — в восточной Украине, на Дону и Кубани, в национальных районах Северного Кавказа.

Приходившие оттуда сведения были противоречивы. Немецкие оккупанты вместе с украинскими гайдамаками успели продвинуться до Кременчуга, Полтавы, Кривого Рога, захватили часть Донбасса, но Харьков, Луганск, Таганрог оставались в наших руках. В Новочеркасске — Советская власть, в Ростове объявлена Донская советская республика. На Кубани освобожден от белогвардейской Добровольческой армии Екатеринодар. Главнокомандующий советскими войсками на Северном Кавказе Авто-

номов решительно утверждал, что Кубань и вся железнодорожная линия до Баку очищены от белых банд.

На дорогу мне был выдан мандат с многочисленными правами: правом внеочередного получения железнодорожных билетов и проезда во всех поездах — пассажирских, служебных, воинских и т. д., правом внеочередной и бесплатной отправки телеграмм, правом свободного входа во все учреждения, организации, собрания. Всем чрезвычайным комиссиям, исполкомам и другим советским учреждениям предлагалось оказывать предъявителю мандата всемерное содействие...

Однако, несмотря на все многочисленные права, как показали уже первые дни поездки, путешествовать было трудно.

Поезда ходили без расписания, подолгу, иногда сутками, простаивали на станциях в ожидании паровоза, воды, топлива. Вокзалы были забиты демобилизованными солдатами, ходоками, мешочниками. Буфеты закрыты. У привокзальных торговок можно выпить стакан молока или съесть соленый огурец за бешеные деньги либо в обмен на соль, спички, иголки. Питаться приходилось хлебом, полученным в Москве по карточкам.

Но по сравнению с прошлогодней поездкой из Одессы в Петроград я чувствовал себя уверенней. Во-первых, я ехал с ясным и конкретным заданием. Во-вторых, ехал весной на юг (что после студеной зимы было куда как приятно). В-третьих, я был под защитой солидного мандата.

Но даже с пересадками удавалось продвигаться в день максимум на сто — сто пятьдесят километров...

Остановки я сделал в Орле, Курске и Харькове. Побывал в редакциях, познакомился с подшивками газет, просмотрел неопубликованные материалы и послал в Москву небольшие обзоры об обстановке в городе и губернии. Договаривался с ответственными редакторами (или их замами) об установлении постоянной связи с Бюро печати.

Из Харькова заехал в Изюм к отцу. В родном, с детства знакомом уездном городке видел, как бушевали разбуженные революцией классовые страсти.

Небольшая группа большевиков, рабочих паровозоремонтного завода, старалась отстоять только что утвердившуюся в городе Советскую власть. А на них наскакивало, стремясь опорочить, смять, уничтожить, озлобленное мещанство: пригородное кулачье, чиновники, лавочники, меньшевики и эсеры.

С каждым днем все больше наглели украинские националисты. Они открыто радовались приближению немцев и готовились встретить их хлебом-солью.

Хулиганские выходки против советских учреждений переростали в физические расправы с их руководителями: толпа разъ-

яренных торговок выволокла председателя горисполкома Францева на базарную площадь, повалила на землю и начала топтать ногами. Только подоспевший отряд красногвардейцев спас его от смерти.

Какая гигантская разъяснительная и организаторская работа предстоит еще в таких мещанских городках, прежде чем здесь укрепится Советская власть!

Мы много спорили с отцом. Он переменил работу: из паровозных машинистов перешел на паровозоремонтный завод мастером. Жили трудно: шесть едоков в семье. Отец никак не мог понять, что происходит вокруг. Умный, трудолюбивый, волевой, знающий себе цену, на сей раз он казался растерянным: когда же кончится разруха?

Он отрицал царский режим, презирал Керенского, ненавидел помещиков и капиталистов, но не верил и в диктатуру пролетариата.

— Посмотри, что творится у нас на заводе — бестолковщина, ералаш! Производство катится вниз. Раньше ремонтировали пять паровозов, теперь один. Если так работают везде — подохнем с голоду...

Он был очень расстроен, что я «связался» с большевиками.

Моя аргументация в защиту политики Советской власти отвергалась им начисто:

— Вы — мальчишки, не знаете жизни — все из книжек. Вот поживете с наше, увидите, ваши фантазии не стоят ломаного гроша...

К Изюму приближались немцы, и я торопился уехать. Мать плакала: никто не мог сказать, когда увидимся вновь. С отцом простились сухо.

...От Изюма до Ростова-на-Дону добирался несколько дней. Несмотря на мандат, не удалось пробиться ни в один пассажирский вагон. Ехал либо в теплушках, либо на тормозных площадках. Благо пригревало южное апрельское солнце.

Наконец, приехал в Ростов. В редакции ростово-нахичеванских «Известий» редактор В. Филов принял меня очень радушно. На ночь предоставлял в полное распоряжение свой редакторский кабинет с мягким кожаным диваном.

Обстановка в городе была сложной. С запада через Донбасс надвигались немцы и гайдамаки, и, хотя Ростов и Донецкая область не входили в состав Украины, никто не мог предсказать, остановятся ли оккупанты на границе с Россией или двинутся дальше.

В сорока километрах от Ростова, в Новочеркасске — столице войска Донского, как и на всем Дону, было неспокойно, и каждый день можно было ждать новых восстаний.

Не лучше обстояло дело и на Кубани, где под командованием генерала Корнилова продолжали формироваться части белогвардейской Добровольческой армии. Противоречивые и тревожные вести поступали из национальных районов: часть горцев была против белых и казаков и поддерживала Советскую власть, другая, подстрекаемая богатеями и мусульманским духовенством, призывала к «газавату» — священной войне против иноверцев.

Организацию борьбы с контрреволюцией возглавлял уполномоченный Совнаркома чрезвычайный комиссар Южного района России Серго Орджоникидзе. Со свойственной ему неиссякаемой энергией он наводил порядок в Ростове: формировал красноармейские части, налаживал работу советских учреждений, подтягивал снабженческие организации.

Он был весь в движении. И когда удалось, наконец, поймать его в горисполкоме, наотрез отказался дать мне интервью:

— Нет ни одной минуты! Сегодня еще два заседания и два митинга. Разбирайтесь сами!

А разбираться было трудно.

В одном из последних номеров ростовских «Известий» я прочел передовую, которая утверждала, что полоса гражданских войн внутри страны окончилась, вооруженная реакция доживает последние дни, устои старого капиталистического мира разрушены до основания...

Правда, дальше говорилось, что Донская область в этом отношении отстает от Центральной России. Поэтому необходима максимальная самодеятельность масс и мобилизация всех сил.

Но общий тон был эпический: еще немного, и победа за нами.

...Через пару дней Новочеркасск с ходу захватили белоказаки. И на первой странице «Известий» появилось воззвание:

«РЕВОЛЮЦИЯ НА ДОНУ В ОПАСНОСТИ!

Контрреволюционные бандиты заняли Новочеркасск и ведут наступление на Ростов. Их цель — залить улицы города кровью трудящихся масс...

Все трудящиеся к оружию!

Все на защиту Советской власти!»

Врагу был дан отпор: белоказаки откатились от Ростова, но опасность продолжала нарастать.

Стало известно, что германское командование вступило в контакт с казачьими генералами и те согласовали с немцами действия против Советской власти...

Отправив несколько телеграмм в Москву и договорившись с В. Филовым о том, что он берет на себя функции корреспондента Бюро печати по Донской области, я выехал дальше по своему маршруту: Тихорецкая—Кавказская—Армавир...

На сей раз мне повезло: удалось попасть в пассажирский вагон и захватить верхнюю полку. Я уложил чемодан под голову и растянулся во весь рост.

Никто не мог сказать точно, до какого конечного пункта идет поезд. Одни уверяли — до Минеральных Вод, другие — до Грозного, третьи — куда удастся дойти. Решил: поеду туда, куда довезет, и, укрывшись шинелью, крепко уснул...

Спал, видимо, долго. С трудом продрал глаза: в окно бьет яркое весеннее солнце. Поезд стоит. В купе пусто. Оглянулся: нет чемодана! Вытащили из-под головы! Бросился к выходу. Ни в вагоне, ни в поезде — ни души!

На фасаде вокзала вывеска: Кавказская.

Как объяснил попавшийся навстречу железнодорожник, между Кавказской и Армавиром разобраны рельсы. Дальше движения нет. Когда восстановят — неизвестно...

Пропажа чемодана — крупная неприятность. В нем все мое имущество: пара белья, запасная рубашка, полотенце, бритва, записные книжки, полученный в Ростове недельный продовольственный паек.

Надо идти к местному начальству. Схватился за карман гимнастерки: нет мандата! Вывернул все карманы, вплоть до внутреннего кармана брюк — никаких следов. Неужели и его стащили? Это похуже чемодана!

Иду на вокзал. На одной из дверей табличка: «Штаб командующего Кавказской армией».

Дверь открыта. Большая комната. Человек десять в полувоенных костюмах, стоя и сидя, перебрасываются репликами. За письменным столом крепкий большеголовый мужчина лет сорока в тужурке, пересеченной кожаными ремнями: портупея, огромный полевой бинокль, маузер. Это и был командующий. Как выяснилось, он командовал не армией Кавказского фронта, а отрядами, защищавшими станцию Кавказскую, такие же «армии» существовали и на других станциях: на Кущевской, Тихорецкой, Армавирской и т. д.

Выслушав мой рассказ, командующий с любопытством посмотрел на меня:

— Корреспондент? Из Москвы? Из Совнаркома? Говоришь, обокрали? Бывает! Подались с твоим чемоданом в станицу — ищи ветра в поле... Так, так... Корреспондент, говоришь?

Он с головы до ног оглядел меня. Мне показалось, что ему не понравился мой военный костюм:

— И документы тоже украли? Это хуже!— командующий задумался.— Когда будет связь, запросим Москву. Только когда она будет? Позавчера прорвало на два часа, а вот второй день опять ни звука... Не знаю, что с тобой и делать...

Я набросал телеграмму в адрес Бюро печати и попросил срочно — как только восстановится связь — отправить ее в Москву.

— Будет сделано,— дружелюбно сказал командующий и встал из-за стола.— А пока придется посидеть в вагоне. Сидоренко,— крикнул он адъютанту,— отведи!

Молодой, бойкий и веселый парень в кожаной тужурке с наганом за поясом повел меня запасными путями к кузову бывшего товарного вагона. Кузов был снят с колес, поставлен на землю и использовался как камера предварительного заключения.

Охранял его сумрачный старик в железнодорожной фуражке, с винтовкой за плечами. Я вошел в вагон: решетка на окне, топчан, стол, табуретка и — никаких заключенных. Что-то вроде одиночки.

— Можешь располагаться...— сказал старик сухо,— если нужно до ветру — стучи, отведу — тут рядом. Меня зовут Карпыч. Обед — в двенадцать. Запру тебя на замок и принесу.

Оглушенный неприятным оборотом дела, я растерянно шагал от двери к окну и обратно. Бывают же такие превратности судьбы! А что, если Москва не ответит?!

Около полудня охранник принес два котелка жирного украинского борща, буханку белого хлеба, два куска сахара, чайник с кипятком. Обедали вместе.

Разговорились. Узнав, что я из семьи железнодорожников, Карпыч, в прошлом стрелочник, почувствовал ко мне доверие. Его напускная строгость сменилась сочувствием.

— Ты, Николай, не робей. Наберись терпения,— отечески наставлял он.— Главное — связь с Москвой. Нет этой проклятой связи и, может, неделю не будет... А кругом — каша: на станциях красные, в станицах — белые. Набежало офицерья видимо-невидимо. Кругом — отряды. Сегодня здесь, завтра там. В Екатеринодаре то наши, то белые, то опять наши. У нас на хуторе тоже неспокойно. Начнется заварушка, что мы будем с тобой делать? Без документов ты неизвестный человек. Как ты докажешь, кто ты есть?— И, подумав, Карпыч дал совет:— Главное, не скандаль. Не зли начальство...

Вечером Карпыч принес одеяло, и я решил на ночь раздеться. И вдруг, как в классических драмах, спасительная находка: в сапоге обнаруживаю «украденный» мандат. «Ура!»

Видимо, вчера бумажка скользнула мимо внутреннего кармана брюк, куда я прятал деньги и документы и провалилась в сапог. Она помялась, но фотокарточка уцелела.

Карпыч радовался не меньше меня. Побежал в штаб, рассказал о находке, привел Сидоренко. Сидоренко срочно доставил меня в штаб.

Командующий долго и внимательно изучал документ, показы-

вал окружающим, сличал фотографию с личностью. Наконец, пришел к выводу, что документ мой.

Еще раз расспросив, что у меня украли, приказал снабженцу выдать вещевой мешок, пару белья, полотенце, мыло и зачислить на довольствие.

Итак, я на свободе и могу продолжать путешествие.

Но куда и как?

Движение в сторону Армавира прекращено, и неизвестно, когда возобновится. Телеграфная связь в восточном направлении кончается на третьем полустанке. Связи с Москвой через Ростов нет, и, по-видимому, надолго. Через Царицын время от времени возобновляется, но тут же рвется то в одном, то в другом месте.

Что же делать?

На станции я разговорился с петроградским студентом, армянином из Азербайджана Саркисяном. Недели полторы назад он приехал по поручению Бакинского Совета на Кубань выяснить возможности закупки хлеба для рабочих-нефтяников. Саркисян побывал в Армавире, Екатеринодаре, Тихорецкой и вот третий день как сидит на Кавказской.

Хлеб, хотя и с трудом, закупить можно. Но как доставить? По рассказам прибывших из Армавира, дорога на Баку перерезана в нескольких местах. Где-то в районе Грозного разобраны чуть ли не пять километров пути и рельсы увезены в горы. Туда же увезены и десятки вагонов.

— Как их туда тащили,— разводил руками Саркисян,— уму не постижимо. Говорят, видели вагоны в тридцати километрах от полотна! Волокут на буйволах! Но смех смехом, а с транспортом дрянь. Не знаю не только, как доставить хлеб, но и как самому добраться до Баку...

Стало ясно, что план моего дальнейшего путешествия по направлению Минводы — Грозный—Петровск по крайней мере в ближайшие дни неосуществим. А без телеграфной связи с Москвой поездка вообще становится бесцельной...

Начала созревать мысль о возвращении домой. Но до возвращения хотелось бы побольше собрать информации. Для этого нужна не станция Кавказская, а Екатеринодар и другие крупные населенные пункты.

Следовательно, нужен транспорт. А наиболее совершенным видом передвижения в те времена оставалась железная дорога...

И тут мне снова повезло. Саркисян познакомил меня со своим коллегой по продовольственным делам москвичом Лезиным. Еще в конце прошлого года он прибыл на Северный Кавказ с заданием ускорить отправку хлеба в Москву. В длинном мандате он именовался эмиссаром Московского Совета. Это редко употребляемое звание очень помогало ему в работе.

— Комиссаров много,— шутил он.— В каждой станице — пруд пруди. А эмиссар я один. Значит, чином постарше. И уважения больше.

Он неплохо знал свое «толкаческое» дело и за четыре месяца работы на Кубани сформировал и отправил несколько продовольственных эшелонов.

Теперь он собирался в Москву. Но до отъезда хотел еще раз «прочесать» ближайшие станции и полустанки, подобрать задержавшиеся там вагоны с хлебом.

Возникла идея — объединить наши усилия. Мы обратились к комиссару узла Кавказской с общей докладной запиской, в которой ставили вопрос о предоставлении в наше распоряжение на несколько дней вагона и паровоза для срочного объезда основных железнодорожных пунктов Кубани.

Докладная возымела действие.

— Будет сделано, товарищ эмиссар,— с подчеркнутым уважением сказал начальник узла моему спутнику,— завтра в восемь ноль-ноль на втором пути будет ждать служебный вагон. Дадим запасную паровозную бригаду, двух проводников, охрану. Куда выписать путевку? В сторону Екатеринодара? Путевка будет у машиниста, копия у проводника. Счастливого пути, товарищ эмиссар! До свидания, товарищ корреспондент!

На другой день наш микропоезд двинулся к Екатеринодару. Мы делали короткие остановки на каждой станции и полустанке, выясняли, нет ли груженных зерном вагонов. «Урожай» оказался небольшим. За два дня пути до Екатеринодара только в одной станице удалось обнаружить три бесхозных вагона с пшеницей и прицепить к нашему поезду.

...В Екатеринодаре была восстановлена Советская власть, объявлена Кубанская советская республика, создан Совнарком, началось переформирование красногвардейских и партизанских отрядов в красноармейские части.

В недавних тяжелых боях с корниловской Добровольческой армией, пытавшейся вновь овладеть городом, советские войска нанесли поражение белогвардейцам, а сам Корнилов попал под артиллерийский огонь и был убит. Потрепанные полки противника под начальством нового командующего генерала Деникина отступили в Сальские степи.

Но настроение в Екатеринодаре оставалось нервозным. В ближайших станицах скрывались контрреволюционные банды, нападавшие на станичные советы, прерывавшие коммуникации, делавшие налеты на окраины города.

Хлеба мы здесь не получили. Но выяснили, что готовится свой, екатеринодарский, продовольственный маршрут и что, как только восстановится сообщение, он будет направлен в Москву.

Я побывал в редакции местной газеты, просмотрел последние номера: агитационные статьи, отчеты о заседаниях и резолюции митингов, информацию.

Редактора я не застал, секретарь разводил руками: с Москвой телеграфная связь урывками. Когда бывает — забита служебными телеграммами, на долю газеты достаются крохи. О том, что творится в России, газетчики имели самое смутное представление. Не больше знали в редакции и о делах кубанских.

— Похоже, что разгорается настоящая война,— сказал секретарь.— Неспокойно и в горах. Обстановка меняется каждый день. Живем как на вулкане. Хотите узнать подробней — сходите в штаб армии, к Автономову.

В сопровождении сотрудника редакции я отправился на станцию и на запасных путях нашел вагон командующего Кубанской армией. Уже издали вагон привлекал внимание яркой голубой окраской, блеском огромных зеркальных окон. Еще больше поразил меня его интерьер: обширный, обставленный дорогой мебелью салон, большая уютная спальня, блистающая белизной и никелем кухня, ванная.

Как не без тщеславия объяснил мне начальник охраны, до революции эти апартаменты принадлежали главнокомандующему русскими войсками на турецком фронте, великому князю Николаю Николаевичу. После революции вагон отстаивался на запасных путях сначала в Тбилиси, потом в Баку. Несколько недель назад его доставили в Екатеринодар...

В салоне меня встретил щеголеватый человек лет двадцати восьми с военной выправкой в отлично сидящем офицерском мундире. Это и был командующий армией Автономов. Посреди салона на большом столе расстелена большая карта, видно, только что он изучал ее.

Автономов дружески пожал мне руку.

— Ну, как там в Москве? Трудно? Представляю, представляю... Да и у нас не легче. Пожалуйста, присаживайтесь. Вы свободны,— повернулся он к начальнику штаба,— зайдите через час.

Автономов зашагал по ковровой дорожке от стены к стене.

— Правда, мы не голодаем...— продолжал он.— В казачьих амбарах припасено всякого — и муки, и сала. Только попробуйте их тронуть. В Екатеринодаре и вдоль железной дороги — мы хозяева. Да и то никак не можем наладить регулярного движения до Грозного. А несколько верст в сторону от рельс — война! Там, где удается установить Советскую власть, актив спит с винтовками.

Дважды беседу прерывал нагловатый человек в ярко-красной черкеске с серебряными газырями и в белой папахе. Он задавал

какие-то вопросы Автономову и стремительно исчезал. Как мне объяснили позже, это был Сорокин, один из ближайших помощников командующего, бывший казачий офицер. Автономов морщился, его явно раздражала бесцеремонность Сорокина, но он терпеливо выслушивал, отвечал...

— Главное, готовиться к войне с немцами,— продолжал Автономов после очередного исчезновения Сорокина,— до Ростова им осталось недалеко. Не сегодня-завтра они двинутся на Кавказ. Нужна настоящая армия, с дисциплиной, порядком, уставом.

Автономов рассказал об обстановке в районах Кубани, рекомендовал проехать по Тихорецкой ветке и дальше по главной магистрали — до Ростова.

— Познакомитесь с настроениями железнодорожников. Кстати, на маленьких станциях могут попасться вагоны с хлебом...

Снова ворвался Сорокин, на сей раз с группой взволнованных военных. Они требовали немедленного разговора с командующим.

— Извините,— повернулся ко мне Автономов,— неотложное дело. Если будет время, заходите. Если не увидимся, кланяйтесь Москве.

Мы распрощались.

Сложное и противоречивое впечатление осталось у меня от этой встречи. Автономов — явно неглупый, знающий и любящий свое дело офицер, связал свою судьбу с революцией. Возможно, он талантливый военачальник. Но эта актерская манера держаться! И роскошный вагон! И развязный помощник в красной опереточной черкеске! И, наконец, высокомерно пренебрежительное замечание о «разных комитетах». Куда заведут его эти противоречия?..

Как я узнал позже, в результате разногласий с Чрезвычайным штабом обороны и ЦИК Кубано-Черноморской республики Автономов был отстранен от командования армией. Сорокин, назначенный командующим войсками Северного Кавказа, в октябре 1918 года изменил Советской власти, расстрелял ряд ответственных работников Северо-Кавказской республики, был объявлен вне закона, арестован и подвергнут высшей мере наказания.

После Екатеринодара мы, Лезин и я, без особых приключений «прочесали» Тихорецкую ветку, подобрав еще пятнадцать бесхозных вагонов с пшеницей.

...В Тихорецкой узнали, что готовится сборный поезд, к нему могут быть присоединены и наши вагоны и, как только восстановится движение, состав отправят в Москву. У нас появилась надежда попасть домой.

В ожидании отправки я познакомился еще с одним москвичом, студентом университета Ильей Стрелковым, сотрудником Центрального отделения Петроградского телеграфного агентства.

В Тихорецкой он оказался по личным делам — навещал родных. Они жили в станице недалеко от Тихорецкой, от них долго не было писем, доходили слухи, что их притесняют местные власти, вот Илья и приехал повидаться со стариками.

Слухи оказались ложными. Стариков никто не беспокоил. Его отец, как и мой, был расстроен, что сын подался к большевикам и кто знает, чем все это кончится...

Но сын есть сын. Напекли пирогов, набили ими вещевой мешок, добавили три фунта сала и фунт сахара и надолго проводили Илью в далекие края.

Стрелков обрадовался, узнав, что я работаю в Бюро печати СНК. Оказались общие знакомые, и мы быстро подружились. Решили возвращаться в Москву вместе.

Через пару дней в Тихорецкую прибыла направлявшаяся в Москву делегация армавирского совнаркома, которая также везла несколько вагонов продовольствия. Делегация взяла в свои руки формирование всего эшелона, и вскоре поезд из трех пассажирских и тридцати товарных вагонов в сопровождении отряда усиленной охраны двинулся на северо-восток.

Ехали медленно, ощупью. По ночам отстаивались на станциях. В Донских степях дважды подверглись нападению небольших банд. Но, получив отпор, банды откатывались, оставляя на вагонах следы пуль. Один из членов армавирской делегации был легко ранен.

За границами Донской области стало спокойнее, эшелон двигался быстрее, и в первых числах мая мы въехали в Москву.

При майском солнышке город показался более приветливым. И хотя дома оставались такими же обшарпанными, а улицы грязными, нежная листва на бульварах омолаживала город.

Узнав, что в Москве у меня нет постоянного жилья, Стрелков предложил остановиться у него в общежитии, или, как оно торжественно именовалось, коммуне ПТА № 1.

Коммуна оказалась комфортабельной четырехкомнатной квартирой в небольшом особняке на Сивцевом Вражке. Как и многие барские квартиры, брошенные бежавшими из Москвы хозяевами, она была реквизирована Моссоветом и передана для размещения эвакуированных из Питера сотрудников.

Мое внимание привлекла висевшая над входом в коммуну дощечка с тщательно выведенной надписью: Вилла Стребаноре.

Что это значит?

Стрелков объяснил: виллой им нравится именовать свою квартиру, а ее название составлено из первых слогов фамилий ее обитателей: СТРЕ-лков, БА-хметьев, НО-вохатный, РЕ-во. Вечером мы познакомились. Это были молодые веселые ребята, не старше 25 лет, ответственные работники агентства.

Бахметьев, бывший матрос «Авроры», вместе с нынешним комиссаром ПТА Л. Н. Старком бравший в октябрьские дни главный почтамт и помещение ПТА, был теперь первым заместителем Старка.

Новохатный и Рево — студенты разных московских вузов — редактировали бюллетени.

Члены коммуны вели единое хозяйство: складывали в общий котел пайки и продовольственные посылки из провинции, по очереди готовили тощие завтраки и такие же ужины, мыли посуду, убирали комнаты. В котел пошли и привезенные нами со Стрелковым кубанские пироги и сало.

В последнее время часть домашних забот взяла на себя соседка по смежной квартире, молодая киноактриса, снимавшаяся в нескольких салонных драмах под псевдонимом Анна Ли. Владелец фирмы, в которой работала Ли, удрал в Одессу, и, оставшись без ангажемента, она получила карточки самой последней категории. Четверка пригласила Анну примкнуть к их коммуне, она оказалась хорошей хозяйкой, навела порядок в квартире, и я не без зависти наблюдал их вечернее чаепитие — с черным хлебом и сахарином, но на необычной для того времени белоснежной скатерти и с уютно шумящим самоваром.

В вилле Стребаноре я прожил несколько дней, пока Аксельрод не достал номера в гостинице.

Стрелков познакомил меня со структурой и работой ПТА и его руководителем — комиссаром агентства Леонидом Николаевичем Старком.

Центральный аппарат ПТА представлял собой небольшое учреждение, состоявшее из десятка редакционных работников и пятнадцати—двадцати административно-технических сотрудников (машинисток, бухгалтеров, хозяйственников).

Со времени переезда из Петрограда агентство несколько улучшило снабжение газет информационным материалом. Но все еще работало слабо.

Не имея собственной корреспондентской сети за границей, оно по-прежнему принуждено было в своих бюллетенях распространять буржуазно-тенденциозные передачи зарубежных агентств.

Не могло похвастаться агентство и корреспондентской сетью внутри страны. Если в Петрограде работало отделение, а в ближайших к Москве губерниях существовали корпункты, то в большинстве губерний ПТА не имело своих представителей.

Поэтому создание собственной сети корреспондентов на периферии оставалось первоочередной задачей агентства.

Л. Н. Старк, симпатичный интеллигент лет тридцати с вьющи-

мися волосами, похожий на Александра Блока, принял меня с распростертыми объятиями.

— Вот такие журналисты-путешественники нам нужны дозарезу. Переходите в ПТА. А если не можете, то в следующий рейс возьмите поручение и от нас.

И он подробно рассказал о задачах и трудностях агентства.

Радушие Старка покорило меня. В те суровые годы его изысканно вежливая манера общения с людьми казалась необычайной. Необычайной была и его биография.

Сын адмирала царского флота, гардемарин, любитель литературы, сам пишущий и печатающий стихи, он еще до революции вступил в партию большевиков и выполнял ее задания. Как уже упоминалось, в октябрьские дни Старк во главе отряда кронштадтских моряков участвовал в захвате главного почтамта, в здании которого помещалось и Петроградское телеграфное агентство. Затем он был назначен комиссаром ПТА.

Сотрудники ПТА отказались работать с большевиками, и комиссару с парой матросов пришлось заново создавать агентство. Нашли несколько студентов, склонных к литературной работе, и приступили к выпуску бюллетеней.

Делали массу ошибок, нередко попадались на удочку дезинформаторов — зарубежных и внутренних, часто подвергались критике. Но постепенно дело росло.

К сожалению, почти все сотрудники остались в Петроградском отделении, и в Москве пришлось начинать сначала.

— Трудно, дьявольски трудно,— жаловался Старк, рассказывая о полугодовой истории ПТА.— Так же как и у вас, в Бюро печати, как и в газетах, дико не хватает людей — и редакторов, и корреспондентов. Нужно искать на периферии...

Я обещал зайти перед новой командировкой и, если Аксельрод не будет возражать, взять задание и от ПТА...

За командировкой дело не стало.

Поздравив с благополучным возвращением с Северного Кавказа, Аксельрод предложил мне на выбор: либо остаться в Москве на редакторской работе, либо прикомандироваться к созданной недавно Высшей военной инспекции, возглавляемой Н. И. Подвойским, и выехать по маршруту Москва — Рязань—Тамбов—Саратов, затем по Волге до Самары, а оттуда на Урал.

На время поездки меня включили в штат инспекции, в мои обязанности входило освещение ее работы в печати и помощь агитпропу инспекции в выпуске листовок. Я должен был связываться с редакциями местных газет и находить корресподентов для Бюро печати СНК и ПТА.

С детства мечтавший о дальних путешествиях (и сохранивший эту страсть до старости), я, естественно, выбрал инспекцию...

Весной 1918 года, ратифицировав Брестский договор и получив временную передышку, Советское государство поставило своей главной задачей налаживание нового, социалистического порядка в стране.

В опубликованной в конце апреля работе «Очередные задачи Советской власти» В. И. Ленин изложил программу ближайших дел.

Нужен всенародный учет и контроль. Нужна борьба за всемерное повышение производительности труда. Нужна организация массового соревнования трудящихся. Нужна железная трудовая дисциплина.

Однако, сосредоточивая внимание на этих вопросах, партия ни на минуту не забывала, что Советское государство окружено врагами и в любой день может подвергнуться новому нападению.

Об этом напоминало и дальнейшее продвижение немецких войск (оккупация Крыма, Таганрога, Ростова-на-Дону), и недавний переход власти на Украине из рук Центральной рады в руки гетмана Скоропадского, и активизация белогвардейцев на Дальнем Востоке (захват Семеновым Читы).

Советское правительство продолжало заботиться о быстрейшем формировании вооруженных сил революции, о создании могучей всенародной армии.

Был издан ряд декретов, оформивших организацию армии, регулярной, массовой, основанной на обязательной воинской повинности.

Проведение этих декретов в жизнь требовало огромной политической и организационной работы в масштабах всей страны. Местные военкоматы нуждались в квалифицированной помощи и инструктаже со стороны центральных учреждений.

Так родилась мысль о создании особой организации — Высшей военной инспекции, которая бы регулярно и систематически осуществляла эту помощь. Постановлением наркомата по военным и морским делам от 23 апреля 1918 года такая инспекция была учреждена, а ее председателем был назначен один из активнейших участников Октябрьской революции и организаторов Красной Армии Н. И. Подвойский.

В распоряжение Высшей военной инспекции был предоставлен специально оборудованный поезд, на котором она выезжала по определенным маршрутам. Первый рейс был проведен по маршруту Москва — Орел — Брянск — Курск — Москва. Второй намечался на юго-восток европейской части России — затем по Волге и от Самары на Урал.

На время второго рейса меня и прикомандировали к ВВИ.

В состав инспекции входило десять—двенадцать военных специалистов, бывших офицеров разных званий, от юных поручиков

до седовласых генералов, группа политработников, хозяйственная часть, вооруженная охрана. При поезде была небольшая типография, склад агитационной литературы, столовая. Душой коллектива был Н. И. Подвойский, большевик с двадцатилетним партийным стажем, один из соратников Ленина по периоду дореволюционной «Правды» и Октябрьским дням. Он пользовался у сотрудников инспекции непререкаемым авторитетом.

Высокого роста, с отличной военной выправкой, быстрый и энергичный, он мог служить образцом аккуратности, подтянутости, внешней и внутренней дисциплины, того, за что шла борьба в нарождавшейся Красной Армии. Вместе с тем он обладал и другими, не менее важными достоинствами: душевной чистотой, доброжелательностью, внимательным отношением к людям. Безгранично преданный партии, принципиальный в большом и малом, непримиримый к обману, подлости, трусости, Николай Ильич в моих глазах являлся образцом коммуниста-ленинца.

...13 мая поезд ВВИ отбыл с Казанского вокзала, и на следующий день в Рязани инспекция приступила к работе.

В течение двух дней члены инспекции знакомились с работой и кадрами губернского и уездного военкоматов, с расположенными в Рязани воинскими частями, с состоянием снабжения. Агитпропгруппой был проведен ряд митингов и докладов о внутреннем и международном положении...

Я побывал в местной газете, переговорил с ее ответственным редактором, и он согласился взять на себя обязанности корреспондента Бюро печати СНК и ПТА одновременно.

После Рязани инспекция три дня работала в Тамбове. Здесь Подвойскому пришлось улаживать трения между Тамбовским губисполкомом и расквартированными в окрестностях города полупартизанскими отрядами под командованием двадцатитрехлетнего Василия Киквидзе.

Отряды храбро сражались с немцами на Украине и Дону и, понеся большие потери, были переброшены на переформирование в район Тамбова.

Местные власти жаловались на незаконные реквизиции и другие анархические поступки «киквидзевцев». Руководители губисполкома высказывали сомнение в возможности превращения этой «вольницы» в боеспособные части Красной Армии.

Н. И. Подвойский не согласился с губисполкомовцами. Обстоятельно ознакомившись с настроениями бойцов и командиров, побеседовав с Киквидзе и его ближайшими помощниками, Николай Ильич, как и вся инспекция, пришли к убеждению, что из «вольницы» может быть создана преданная революции часть Красной Армии.

Решено было отряды свести в дивизию и Киквидзе назначить

ее командующим. Перед подписанием приказа о создании дивизии отряды были приведены к присяге.

Помню, как в торжественной обстановке Н. И. Подвойский проводил эту процедуру. Если я не ошибаюсь, это был первый случай приведения к воинской присяге после недавнего опубликования ВЦИК «Формулы торжественного обещания» для красноармейцев.

Перед построенными на площади бойцами появился Подвойский. С ним вышел взволнованный праздничностью обстановки молодой грузин — в кожаной тужурке и серой папахе. Это и был вчерашний партизан, а с сегодняшнего дня начдив Василий Киквидзе.

После приветствия и краткого слова Н. И. Подвойского о значении присяги Киквидзе скомандовал:

— К торжественному обещанию готовсь!

С огромным воодушевлением, четко и ритмично, как стихи, Подвойский чеканил каждое слово обещания:

— Я, сын трудового народа, гражданин Советской Республики.

И ему вторит тысячеустое эхо:

— ...гражданин Советской Республики...

— ...принимаю на себя звание воина рабочей и крестьянской армии...

— ...рабочей и крестьянской армии...— повторяет эхо.

Чувствовалось, что слова эти произносились не формально, а от души, шли из глубины сердца.

Последний пункт присяги звучал как клятва:

— Если по злому умыслу отступлю от этого моего торжественного обещания, то да будет моим уделом всеобщее презрение и да покарает меня суровая рука революционного закона.

Слова присяги звучали с такой силой убежденности, что не могло быть сомнения: за дело революции дивизия будет драться до последнего... Ближайшие месяцы подтвердили это. Летом и осенью 1918 года дивизия вела победоносные бои с белогвардейцами на Дону и под Царицыном. А в начале 1919 года в одном из боев в районе Урюпинской пал смертью храбрых ее молодой талантливый командир. Тогда же дивизии было присвоено имя Киквидзе...

В редакции тамбовской газеты я договорился о корреспондировании в Бюро печати и ПТА с ее ответственным секретарем, в ту пору двадцатипятилетним начинающим журналистом, а позже известным театральным критиком Осафом Литовским.

После небольших остановок в Кирсанове и Аткарске инспекция прибыла в Саратов.

Город застали в смятении: только что было ликвидировано опасное контрреволюционное восстание.

Приехавшие в поезде ВВИ руководители губернской большевистской организации во главе с В. П. Антоновым (Саратовским) рассказали о ходе событий. В ночь с 16 на 17 мая часть солдат местного гарнизона, подстрекаемая бывшими офицерами, предъявила горсовету ряд необоснованных требований. Получив отказ, взбунтовавшиеся солдаты пытались захватить здание Совета. Были пущены в ход не только винтовки и пулеметы, но и артиллерия. Создалось острое положение.

Расследование показало, что за кулисами событий стояли правые эсеры, но к ним примыкали анархисты и эсеры-максималисты (существовала еще и такая партия).

Как стало известно позже, попытки аналогичных восстаний и в те же сроки имели место в Самаре, Нижнем Новгороде и ряде других городов Поволжья. Похоже было, что это не отдельные стихийные вспышки, а заранее запланированные акции, либо руководимые из единого центра, либо в той или иной степени скоординированные друг с другом.

Многие в ту пору, в том числе и в коллективе инспекции, недооценивали опасности этих путчей. Шестимесячное триумфальное шествие Советской власти по стране, почти повсеместная победа партии большевиков на выборах в Советы создали уверенность в прочности нового государственного строя.

Гнезда контрреволюции — это на Дону и Кубани, в сытых казачьих районах. А Саратов, Самара, Нижний Новгород — промышленные города — это же опора диктатуры пролетариата! Но жизнь вносила поправки.

Недооценивалась и опасность иностранной военной интервенции со стороны бывших союзников — государств Антанты. Высадки небольших десантов в Мурманске и Владивостоке — это же несерьезно, говорили наши военспецы, это простые демонстрации. Разве можно с несколькими тысячами солдат оккупировать Россию?

Ближайшие недели показали ошибочность и этих рассуждений.

...В Саратове инспекция разделилась на три части: основное ядро во главе с Подвойским выехало на пароходе в Самару. Вторая группа оставалась на несколько дней в Саратове для завершения проверки губернского и городского военкоматов, после чего должна была направиться вслед за первой вверх по Волге. Третья часть ВВИ — поезд с обслуживающим персоналом — перебрасывался своим ходом в Симбирск, где намечалась встреча всех трех групп.

Самару, как и неделю назад Саратов, мы застали в состоянии тревоги. После подавления недавнего восстания пришлось распустить губисполком, оказавшийся в руках анархо-кулацких элементов. Власть взял на себя Военно-революционный комитет во главе с председателем губкома В. В. Куйбышевым.

Гарнизон был разложен агитацией анархистов, призывавших не подчиняться большевистскому ревкому. Каждый отряд имел своего выборного «главкома», свой штаб, свое снабжение. Воинские части, сформированные недавно из рабочих, не были обучены, не умели стрелять, не имели представления о строевой подготовке, приемах боя. Многие солдаты не знали в лицо своих командиров.

Первый же день знакомства инспекции с расквартированными в Самаре частями обнаружил всю неприглядность положения. Помню, как на одном из заседаний, выслушав доклады членов инспекции, Н. И. Подвойский — при всей мягкости своего характера — разносил руководство ревкома за неорганизованность, отсутствие политической работы с бойцами, самотек в подборе кадров...

Тревожность обстановки усугублялась слухами о восстании вдоль железной дороги Челябинск—Иркутск эвакуирующегося из России через Владивосток чехословацкого корпуса.

Вскоре слухи подтвердились. Выяснилось также, что часть эшелонов задержалась к западу от Волги — в районе Ртищево—Пенза и ждет пропуска через Самару в Сибирь.

Советское правительство дало принципиальное согласие на дальнейшее продвижение корпуса на восток при условии сдачи оружия. Однако командование эвакуируемых частей, подстрекаемое агентами Антанты, отказалось выполнить это требование и в ряде мест захватило железнодорожное движение в свои руки.

На другой день после нашего приезда в Самару поступили сведения о захвате восставшими Златоуста и о попытках продвинуться от Златоуста в сторону Уфы и Самары.

Подвойский, оказавшийся в этом районе старшим военачальником, взял на себя руководство операциями по ликвидации мятежа. Вместе с несколькими военспецами из ВВИ он выехал в Уфу для организации отпора.

30 мая стало известно, что белочехи начали военные действия и к западу от Волги: захватив Пензу, они продвинулись к Сызрани и стали угрожать Самаре уже с другой стороны.

У меня сохранилась копия телеграммы, отправленной мною в этот день в Москву.

«Москва. Совнарком. Бюро печати.

Борьба с несдающими оружие чехословаками продолжается.

После занятия Сызрани их западные отряды несколько продвинулись вперед, ими заняты Батраки, сызранский мост через Волгу и станция Обшаровка на восточном берегу Волги. Советские части накапливают силы, чтобы воспрепятствовать дальнейшему продвижению и при благоприятных условиях — разоружить бунтовщиков.

О поведении чехословаков в захваченных ими местах имеются противоречивые сведения. По одним — они не вмешиваются во внутренние дела и Советы функционируют нормально, по другим — Советы арестовываются.

Прибывшие пароходом из Саратова члены Высшей военной инспекции передают, что по пути от Сызрани до моста пароход был четыре раза обстрелян из пулеметов. После остановки на него всходили офицеры чехословацкого отряда, тщательно проверяли документы пассажиров и все, предъявлявшие удостоверения, выданные советскими организациями, арестовывались и под конвоем отправлялись на берег.

Командованием чехословаков неоднократно предъявлялось ультимативное требование о немедленном пропуске их в Сибирь. Ультиматумы оставлены без ответа...

Сообщают о занятии Златоуста советскими войсками.

Операции происходят сейчас в направлении Челябинска к району Миаса, куда выехал из Уфы товарищ Подвойский.

Из Омска имеются по прямому проводу сведения о восстании чехословаков в Новониколаевске. Там образовалось временное правительство из казаков, меньшевиков и правых эсеров. Реальной силой, на которую опирается эта компания, являются находящиеся там чехословацкие отряды...

В Самаре продолжается интенсивная работа по организации вооруженного отпора движущимся сюда чехословацким бандам...»

...В этот же день Самарским ревкомом было объявлено осадное положение и организован Боевой революционный штаб под председательством В. В. Куйбышева.

31 мая в «Приволжской правде» за подписями В. В. Куйбышева, помощника Главнокомандующего Урало-Оренбургским фронтом Гузакова и коменданта Самары М. С. Кадомцева публикуется воззвание:

«Товарищи рабочие!

Вашему социалистическому отечеству грозит смертельная опасность!

Руководимые преступной рукой российской и международной контрреволюции отряды чехословаков подступают к Самаре...»

Воззвание призывало к мобилизации всех сил для отпора новому врагу.

Рядом, на той же полосе газеты было опубликовано другое воззвание, свидетельствовавшее, что далеко не все чехословаки, находящиеся в Советской республике, солидарны с мятежниками.

«Одна часть чехословацкого войска,— говорилось в этом документе,— изменила собственной идее революции и заняла вокзал и город Сызрань.

Она разрушила в Пензе и Сызрани наши чехословацкие коммунистические организации, арестовала наши социалистические организации, арестовала наших социалистических представителей в этих городах...»

Воззвание объявляло всех участвующих в авантюре изменниками революции и заканчивалось словами:

«Мы, чехословаки-коммунисты, призываем всех истинных чехословацких революционеров на защиту интересов Российской Советской Федеративной республики до полной победы над всеми предателями всемирной революции».

Обращение было подписано от имени исполнительного комитета чехословацкой секции РКП(б) никому неведомым в ту пору, а позже знаменитым чешским писателем Ярославом Гашеком, а также Францем Шебестом (от чехословацкой организации коммунистов Самары) и Иосифом Поспишилом (от отдела по формированию чехословацких отрядов Красной Армии).

В тот же день пришло сообщение об окончании в Москве съезда чехословацких революционных организаций, о полной солидарности съезда с политикой и тактикой русских большевиков, об образовании на этой платформе Чехословацкой коммунистической партии в России.

С чувством глубокой благодарности хочется отметить большую и самоотверженную помощь чехословацких коммунистов молодой Советской республике. Под влиянием их агитации сотни и тысячи солдат чехословацкого корпуса отказались выступать против Советов, покинули ряды мятежников и вступили в Красную Армию. Входивший в состав дивизии Киквидзе чехословацкий полк (до полутора тысяч человек) храбро сражался с белогвардейцами, потеряв в боях до половины своих солдат и командиров.

Но это стало известно позже. В описываемые же дни — в начале июня 1918 года — сосредоточенные в районе Сызрани и руководимые контрреволюционными офицерами чехословацкие части продолжали медленно продвигаться в сторону Самары.

Задержав их в нескольких десятках километров от города, в районе станции Иващенково, ревком попытался вступить в переговоры с командованием противника. Переговоры не увенчались успехом. На предложение советской делегации подчиниться

приказу Москвы о сдаче оружия чехословаки заявили, что оружие «необходимо им для продолжения войны с немцами на французском фронте», а поэтому предложение советской стороны они считают неприемлемым.

Это было прямое объявление войны.

Между тем оборонные возможности Самары были крайне ограничены. Дезорганизованный недавними беспорядками и контрреволюционной агитацией гарнизон был ненадежен. Мало боеспособными были и преданные Советской власти, но слабо обученные рабочие отряды: им не хватало дисциплины, командных кадров...

Вернувшийся из Уфы Подвойский взял на себя руководство обороной Самары.

Попытка укрепить командный состав за счет служивших в самарских военных учреждениях бывших офицеров не увенчалась успехом. На собрании военспецы заявили Подвойскому, что они согласились работать в советских учреждениях только для восстановления русской армии, призванной защитить родину от внешнего врага. От участия же в гражданской войне они категорически отказываются...

8 июня Самара пала, и на четыре месяца власть в городе перешла к созданному при поддержке чехословацких мятежников так называемому Комитету членов учредительного собрания (Комуч) — контрреволюционной, антисоветской организации, сформированной из съехавшихся сюда меньшевистско-правоэсеровских депутатов распущенной в январе «Учредилки».

Перед эвакуацией из Самары Н. И. Подвойский снова разделил ВВИ на две части: с основной, в которую включены были главным образом военспецы, он выехал в Уфу для организации нового рубежа обороны. Вторая группа, в которую вошел и я, была отправлена пароходом вверх по Волге для продолжения инспектирования городских и уездных военкоматов между Самарой и Симбирском. В Симбирске мы должны были получить дальнейшие указания.

На пути мы сделали несколько коротких остановок.

Запомнилась обстановка в Ставрополе. Сейчас в этих местах крупнейший промышленный центр Тольятти. Тогда здесь был небольшой приволжский городок. Местный военком, мрачный левый эсер из бывших поручиков, встретил нас с некрываемой враждебностью: под надуманными предлогами отказывался знакомить с документацией («заболел писарь — ключи у него»), с личным составом, со складом оружия. Видимо, был связан с белогвардейцами и ждал скорого прихода белочехов. Но явных нарушений не удалось обнаружить. Пришлось ограничиться перечислением в акте многочисленных недостатков да

устным предупреждением уездного руководства (которое тоже состояло из левых эсеров).

В Симбирске уже несколько дней нас ждал прибывший из Саратова поезд Высшей военной инспекции. Ждала и телеграмма от Подвойского, в которой он сообщал, что задерживается в районе Уфы до ликвидации чехословацкого мятежа, а нам предлагает вернуться в Москву и приступить к подготовке отчетов.

Однако восстание затянулось, и примерно через неделю после нас вернулся в Москву и Подвойский. К этому времени правительством было создано объединенное командование для борьбы с чехословаками, вскоре реорганизованное в командование Восточным фронтом, в которое не был включен Подвойский: ВВИ было предложено вернуться к исполнению своих прямых обязанностей — проверке работы по формированию военных учреждений и частей Красной Армии. Основное ядро инспекции взялось за подготовку нового рейса, который намечался не раньше, чем через месяц.

Тем временем Тивель Аксельрод предложил мне новую поездку, на сей раз индивидуальную.

— Пока будет готовиться очередной рейс,— сказал он,— ты сумеешь смотаться в новую командировку. У тебя нет в Москве постоянного жилья, нет семьи. А путешествовать ты любишь. Задание остается то же: организация корреспондентской сети, обзоры происходящего на местах.

Я не возражал.

Был намечен и новый маршрут: снова на Волгу, но если с ВВИ я поднялся от Саратова до Симбирска, то на сей раз я должен был спуститься — от Нижнего через Казань в тот же Симбирск и там ждать освобождения Самары (все были убеждены, что освобождение — вопрос двух-трех недель). Дальше, в зависимости от обстановки, я должен был двинуться либо вниз по Волге, либо на Урал. Через неделю я был снова в дороге...

Путешествие было длинным и утомительным: сначала больше суток по железной дороге до Нижнего, потом несколько дней на пароходе с бесчисленными остановками до Казани, потом еще пару дней на другом пароходе до Симбирска.

Впечатления от Нижнего вытеснены более ранними и более сильными от того же города, относящимися не к лету 1918, а к осени 1916 года. Здесь в студенческом батальоне начиналась моя военная служба в царской армии, здесь на собственном горбу почувствовал я, что такое солдатская муштра, здесь же осознал свою полную непригодность к военному делу.

Еще и сейчас в центре старой части Горького на площади пе-

ред входом в Кремль стоит трехэтажное здание казарменного типа — бывшая семинария. В 1916 году в нем размещался студенческий батальон, куда направляли призванных в армию учащихся высших учебных заведений. В мрачных и холодных стенах семинарии из восемнадцати-девятнадцатилетних юнцов (призывались только студенты первых двух курсов) выбивали штатскую расхлябанность, непочтительность к начальству, вольнодумство. Во дворе казармы и на площади перед ней обучали маршировать до упаду, колоть штыками чучело, козырять офицерам и «становиться во фрунт» перед генералом. За недостаточное усердие, иронические улыбки во время зубрежки уставов и другие проступки сыпались наказания — от внеочередных нарядов и лишения отпуска до карцера и отдачи под суд.

После двух-трехмесячной обработки призывников направляли в краткосрочные школы, откуда через четыре месяца выпускали полузнаек — второсортных офицеров, так называемых «прапорщиков военного времени», о которых профессиональные военные презрительно отзывались: «Курица — не птица, прапорщик — не офицер».

Нижний Новгород ассоциировался у меня с казармой, жестоким взводным по фамилии Скотницкий, непрерывной муштрой, внеочередными нарядами...

В Казань я попал впервые. Город показался грязным и неуютным, и, кроме Кремля и здания университета, ничто не привлекло внимания.

В Нижнем и Казани побывал в редакциях газет, просмотрел комплекты за последние недели, послал небольшие информационные обзоры. В Нижнем проинструктировал имевшегося там корреспондента ПТА, попросил посылать материалы и в Бюро печати. В Казани снабдил полномочиями журналиста, согласившегося работать корреспондентом обеих организаций.

Но если ни Нижний, ни Казань не оставили зарубок в памяти, то Симбирск очень запомнился.

Не успев рассмотреть его в первый приезд, сейчас без спешки бродил по его спокойным тенистым улицам.

После июньских дождей наполненный солнцем и запахами свежей зелени, он показался очаровательным. Чистый, уютный, с фруктовым садом вокруг каждого дома, он напомнил мне родные украинские городки.

Но, помимо солнца, садов и тишины, здесь была еще и красавица Волга, и городской обрыв с видом на бескрайние заречные просторы. Позже, и в молодые и более зрелые годы, я бывал во многих прославленных своей красотой городах и странах. Но и по сей день вид с симбирского обрыва возникает в моих воспоминаниях, как одно из приятнейших видений земли.

В Симбирске, как и намечалось, я задержался до выяснения положения на чехословацком фронте.

Ответственный редактор местных «Известий» А. И. Швер, худой добродушный «очкарик», мой сверстник, недавний студент, принял меня с исключительным радушием.

Достал ордер на комнату в центре города в тихой чиновничьей семье, прикрепил к губисполкомовской столовой, выхлопотал продовольственные карточки.

Он же познакомил меня с политической и военной обстановкой.

Сведения были не очень утешительными. Чехословацкие мятежники и организующиеся вокруг них белогвардейские отряды продолжали теснить наши части. От Самары противник продвигается на север: его разведку видели в семидесяти километрах от Симбирска. На востоке под угрозой Уфа.

Войну ведут небольшие вооруженные группы вдоль коммуникаций; настоящего фронта нет. У нас идет накопление сил: создаем и обучаем рабочие отряды, прибывает пополнение из центральных губерний. Укрепляем командные кадры, частично за счет мобилизованных офицеров. И хотя партизанщина еще сильна, уже есть несколько боеспособных частей. Имеются основания в ближайшие же дни ждать перелома.

В городе относительно спокойно. В губисполкоме силы распределены примерно поровну: половина большевиков, другая половина — левые эсеры и примыкающие к ним максималисты. Но работают дружно, и, за исключением мелких трений по текущим вопросам, никаких эксцессов.

Ведущая фигура в городе — председатель губкома большевиков и заместитель председателя губисполкома Иосиф Варейкис, литовец по национальности. Работал на Украине, недавно прислан ЦК РКП(б) в Симбирск. Опытный, энергичный коммунист. Неплохой оратор. Пользуется авторитетом и у беспартийных...

— Что же вы посоветуете мне? — спросил я Швера, выяснив из беседы с ним, что оба варианта моего плана — путешествия либо в Астрахань, либо на Урал — в ближайшие дни неосуществимы.

— Пока,— посоветовал он,— поживите у нас. Поработаете в газете. А через недельку-другую начнется наступление — двинетесь дальше.

Тут же Швер выдал мне удостоверение сотрудника газеты, служившее одновременно пропуском во все советские и общественные учреждения города.

Основная часть их — губисполком и его отделы, горсовет, так же как и редакция газеты,— помещалась в трехэтажном кирпичном здании — «Симбирском Смольном»...

Каждый день я бывал в редакции, знакомился с телеграммами из Москвы, с сообщениями с чехословацкого фронта, информацией о местных событиях.

Симбирские «Известия» походили на десятки других губернских газет того времени и делались по такому несложному плану: строгая, категорическая по тону передовица; международная и внутренняя информация (телеграммы ПТА); одна-две статьи на политические, экономические, культурные темы (иногда местных авторов, иногда перепечатки из центральной прессы); пространные отчеты о заседаниях советских, партийных, профсоюзных организаций; губернская, городская, уездная хроника; извещения о собраниях, изредка — платные объявления.

Тираж не превышал нескольких тысяч экземпляров. Но и при таком скромном тираже газета перманентно испытывала бумажный голод. Когда не удавалось доставать газетной, печатали на грубой оберточной бумаге то синего, то коричневого цвета. Подружившись с небольшим редакционным коллективом, я включился в его работу: участвовал в летучках, правил статьи, давал консультации авторам.

Постепенно начал расширять свое журналистское амплуа. Если до сих пор я был репортером и редактором информационных бюллетеней, то в Симбирске впервые попробовал силы в качестве публициста.

Перелистывая теперь комплект симбирских «Известий» за июль 1918 года, обнаружил с полдюжины статей, подписанных инициалами «Н. Л.».

Статьи были на среднем уровне журналистики. Сейчас даже начинающие пишут много лучше...

Но я благодарен А. Шверу и всему коллективу симбирских «Известий», давших мне путевку в новую, более сложную область литературной работы — публицистику...

В свободные часы я знакомился с полюбившимся мне городом, его достопримечательностями, его историей.

Побывал в местах, связанных со знаменитыми симбирцами — историком Н. М. Карамзиным, писателем И. А. Гончаровым.

Узнал, где находится, и посмотрел издали на двухэтажный деревянный домик, где некогда жила семья Ульяновых. Домик был занят жильцами, и я не решился в него войти.

Заходил в мужскую гимназию, в которой учился Володя Ульянов. Впервые услыхал, что директором ее в те годы был отец А. Ф. Керенского, будущего политического противника Ленина и злейшего врага Октябрьской революции.

Встречался, знакомился, беседовал с разными людьми — депутатами Советов, ходоками из деревни, бойцами охраны, служащими, обывателями.

Врезалась в память одна встреча.

Я сидел в коридоре «Симбирского Смольного» на деревянном диване в ожидании куда-то убежавшего Швера. Погрузился в чтение «Правды», после недельного перерыва прорвавшейся из Москвы.

Подошел и сел рядом красивый молодой военный, видимо, бывший офицер, стройный, с безукоризненной выправкой, в легкой гимнастерке со следами погон на плечах. Внимательный взгляд серых глаз, изящные манеры хорошо воспитанного человека, спокойный голос.

— Простите, у вас нет ли спичек? — обратился он ко мне.

Разговорились.

— Вы тоже ждете Швера? — спросил я.

— Нет, я на прием к Варейкису. Назначил на час. Но говорят, он задержался где-то на митинге; опять бузят анархисты...

Выяснилось, что мой собеседник — бывший поручик Семеновского полка, только что прибыл из Москвы. Там он работал инструктором военного отдела ВЦИК, а сейчас принимает командование одной из армий. Хочет установить контакт с губкомом РКП(б).

Я рассказал, что также имел некоторое отношение к военному делу — был прапорщиком, обнаружив при этом полное отсутствие таланта и призвания.

Разговор зашел о судьбе военных специалистов в условиях социалистической революции.

Я высказал радикальную точку зрения:

— Дело идет к мировой революции, следовательно, скоро конец капитализму, а вместе с ним и войнам. Кому же тогда понадобятся офицеры?! Допускаю, что некоторое время еще придется повоевать. Видимо, на какой-то срок нужны и армия, нужны и военные специалисты. Но я лично никогда бы не посвятил себя этой профессии.

— А я, напротив,— решительно возразил собеседник,— люблю военное искусство. И не представляю себе иного занятия...

— Но ведь эта профессия без будущего,— настаивал я.

— Решительно с вами не согласен,— спокойно ответил офицер.— Революция только начинается. И еще неизвестно, когда она кончится. Революции требуются полководцы. И чем масштабней революция, тем более крупные. Недаром Великая французская революция выдвинула столько талантливых полководцев...

Тут появился Швер, и, хотя разговор меня очень заинтересовал, я распростился с собеседником.

— Не знаешь, кто такой? — спросил я редактора.

— Вчера мельком видел его у Варейкиса. Гвардейский офи-

цер из Москвы. Тухачевский. Назначается командующим 1-й армией.

Тухачевский! Тогда, в Симбирске, это имя мне ни о чем не говорило.

Но уже через год-полтора оно стало известно всей стране. Это он громил белочешские и белогвардейские части на востоке. Это он в феврале-апреле 1920 года, командуя войсками Кавказского фронта, принимал активнейшее участие в разгроме Деникина. В апреле 1920 года, когда войска Пилсудского предательски вторглись на Украину и в Белоруссию, Советское правительство назначило молодого полководца командующим войсками Западного фронта. Позже он руководил ликвидацией кронштадтского и антоновского мятежей, участвовал в реорганизации Красной Армии, а впоследствии стал заместителем наркома обороны.

После Симбирска мне больше не довелось встречаться с Тухачевским. Но в памяти навсегда запечатлелась краткая беседа с ним в коридоре «Симбирского Смольного» о перспективах военной профессии и фраза о полководцах, вырастающих в огне революций...

Но кое-кто из военных мечтал о бо́льшем: перед ними маячил образ Наполеона, использовавшего революцию для утверждения личной диктатуры. И кандидатов в Бонапарты можно было обнаружить не только среди корниловых и врангелей, но и среди командиров, до поры до времени сражавшихся в рядах Красной Армии.

С одним из них пришлось столкнуться здесь же, в Симбирске.

Я имею в виду бывшего подполковника царской армии, командующего Восточным фронтом М. А. Муравьева.

Выдвинутый Советским государством на ответственный военный пост, он попытался поднять восстание и возглавить левоэсеровскую контрреволюцию.

Но об этом стоит рассказать подробней.

7 июля в Симбирск поступили тревожные сообщения из Москвы о провокационном убийстве германского посла Мирбаха и вспыхнувшем затем восстании левых эсеров: захвачены главный телеграф и телефонная станция; арестованы Ф. Э. Дзержинский, П. Г. Смидович, ряд других руководящих работников-большевиков; в центре города идут бои.

Сутки нас лихорадило. Что происходит в Москве?

8-го пришла телеграмма: восстание подавлено, зачинщики арестованы, значительная часть левых эсеров отмежевывается от мятежа и выражает солидарность с политикой большевиков.

Такую же позицию занял и симбирский губком левых эсеров, к которым принадлежал ряд работников, занимавших ключе-

вые посты в городе и губернии: губвоенком Недашковский, командующий симбирской группой войск Иванов и другие. Однако солидарность симбирских левых эсеров с Москвой носила формальный характер. В губком большевиков поступали сведения о закулисных маневрах и странных передвижениях войск, производимых Недашковским и Ивановым по приказу находившегося в Казани командующего фронтом Муравьева. Снимали с фронта и отводили в Симбирск на «отдых» одни части и, наоборот, выводили из города другие. 10 июля неожиданно из Казани на специальном пароходе прибыл Муравьев. По его распоряжению на телеграфе и телефонной станции были установлены дополнительные посты из его личной охраны, а в центр города введен бронедивизион, окруживший здание губисполкома.

Вечером площадь и ближайшие к «Смольному» улицы походили на военный лагерь. Кроме бронедивизиона здесь расположились бивуаком другие отряды: разбиты палатки, составлены в козлы винтовки, горят костры. Бродят, сидят, спят солдаты.

В чем дело?

В этот вечер у меня был приступ малярии, ходил с высокой температурой, глотал хинин. Но все же решил побродить по лагерю. Прислушиваюсь, осторожно вступаю в разговоры. Судя по отдельным репликам солдат, они ждут митинга: будут важные сообщения. Говорят, в Москве новое правительство, с чехами мир, объявлена война немцам...

Слухи трехдневной давности. Но что-то все-таки затевается. Пошел в редакцию. И хотя по вечерам там не работают, у дежурного можно прочесть последние телеграммы.

У входа в губисполком усиленная охрана: вместо одного — два часовых с винтовками.

Медленно прочитав удостоверение, один из часовых, жгучий брюнет с черными, как маслины, глазами, видимо, серб, сказал с легким южнославянским акцентом:

— Войти можно. Выйти не можно.

— Почему?

— Приказ никого не выпускать.

Пошел домой: разберемся завтра. Принял очередной порошок хинина, накрылся потеплее и уснул.

Во второй половине ночи слышал одиночные выстрелы и шум со стороны центра. Затем все стихло.

Рано утром пошел в редакцию. Губисполком по-прежнему окружен войсками. Бойцы взбудоражены. Там и тут небольшие группки оживленно спорящих солдат. Слышны реплики: «Подполковник он и есть подполковник», «Собаке — собачья смерть!», «Им ни одному нельзя верить!».

У входа в «Смольный» по-прежнему усиленная охрана, но не

вчерашние сербы, а венгры из интернационального отряда. Пропустили без предупреждения о «невыпуске».

В редакции встретил возбужденного, с воспаленными от бессонницы глазами Швера.

— Вот ты-то мне и нужен! — вскочил он, отрываясь от исписанного и перечеркнутого листа бумаги.— Сегодня ночью ликвидировали Муравьева. Срочно нужна статья. А я не спал ни минуты. Ничего не лезет в голову. Вот в папке документы. Сейчас расскажу, что произошло. Садись и пиши.

Выслушав взволнованный рассказ Швера, я просмотрел папку с документами: перехваченными телеграммами, донесениями, записками; вспомнил, что писали о Муравьеве в газетах, и передо мной встал образ честолюбца, не лишенного военных и политических способностей, готового, однако, во имя личной карьеры на любые авантюры.

В период Февральской революции Муравьев — активнейший сторонник политики Керенского, организатор ударных батальонов, председатель социал-патриотического «Добровольческого комитета».

В Октябрьские дни он круто поворачивает влево: переходит на сторону Советской власти, участвует в защите Петрограда от генерала Краснова, его назначают начальником обороны Петрограда. Он сближается с левыми эсерами. Весной 1918 года командует советскими войсками против контрреволюционной Украинской рады. После освобождения Киева назначен главнокомандующим всеми южными армиями.

Военные успехи и стремительное продвижение по службе вскружили ему голову, и, упоенный властью, Муравьев позволил себе ряд дисциплинарных проступков, повлекших за собой смещение его с поста главкома.

Некоторое время был не у дел. Но с началом чехословацкого мятежа проштрафившийся подполковник по настоянию Троцкого получает новое высокое назначение, на сей раз командующего Восточным фронтом...

Будучи не согласен с вводимой в РККА системой политических комиссаров, Муравьев с первых же дней деятельности на новом посту вступает в конфликт с реввоенсоветом фронта. Он требует от вышестоящих организаций отзыва из армии членов реввоенсовета — большевиков Г. Благонравова, П. Кобозева, К. Мехоношина. Отклонение этих требований он расценил как недоверие.

Левоэсеровское восстание в Москве он воспринял как сигнал к началу акции. Сняв с фронта и сосредоточив в Симбирске «верные ему» части, он тайно от реввоенсовета выехал из Казани в Симбирск и здесь при поддержке части местных левых

эсеров собирался объявить самостоятельную Поволжскую республику.

Передо мной телеграммы, разосланные Муравьевым вчера.

В Москву и всем фронтовым штабам сообщалось, что «защищая власть Советов, он от имени армий Восточного фронта разрывает позорный Брест-Литовский договор, объявляет войну Германии и двигает армии с Восточного на Западный фронт».

В белогвардейскую Самару и командованию чехословацких мятежников была отправлена телеграмма:

«От Самары до Владивостока всем чехословацким командирам.

Ввиду объявления войны Германии, приказываю повернуть эшелоны, двигающиеся на восток, и перейти в наступление к Волге и далее на западную границу. Занять на Волге линию Симбирск — Самара — Сызрань — Балашов — Царицын и в северо-уральском направлении — Екатеринбург и Пермь. Дальнейшие указания получите особо.

Главнокомандующий армией, действующей против германцев. Муравьев».

В папке было также обращение ко «Всем рабочим, солдатам, казакам, матросам и анархистам», в котором Муравьев призывал трудящихся «под свои знамена для кровавой и последней борьбы с авангардом мирового империализма — Германией». Воззвание заканчивалось левоэсеровскими лозунгами: «Долой позорный Брестский мир! Да здравствует всеобщее восстание!»

Как рассказал Швер, перехваченные на железнодорожном телеграфном узле, эти предательские документы сразу же были доставлены в губком РКП(б). Тогда же стало известно, что с аналогичными заявлениями Муравьев и его ближайшие соратники уже выступали на митингах в воинских частях.

И нужно воздать должное активу симбирских большевиков во главе с И. М. Варейкисом, проявившим в этой сложнейшей обстановке чудеса маневренности и оперативности.

Как только стали известны планы Муравьева, десятки агитаторов проникли в окружавшие губисполком отряды и в индивидуальных и групповых беседах разъяснили бойцам всю пагубность затеваемой главкомом авантюры.

Особенно успешно эти беседы прошли в бронедивизионе. Укомплектованные главным образом рабочими-латышами, среди которых было немало коммунистов, экипажи бронемашин быстро оценили обстановку и дали обещание губкому не поддаваться на провокации.

Более осторожно приходилось вести агитацию в отрядах анархистов и максималистов.

Ночью поставленные «муравьевцами» у входа в губисполком часовые были заменены коммунистами-венграми.

Нужно было найти способ, как, не доводя до вооруженного столкновения, малой кровью, арестовать или, в случае сопротивления, ликвидировать предателя. Для этого необходимо было вступить с ним в контакт.

Контакта, хотя и по другим мотивам, искал и Муравьев. Убежденный в преданности ему собранных вокруг «Смольного» частей, считая себя хозяином положения, он хотел опереться не только на левых эсеров, но и на большинство симбирского актива.

По этим соображениям он и согласился явиться на заседание губисполкома.

Около полуночи Муравьев с несколькими ближайшими помощниками вошел в зал заседания, оставив личную охрану в соседней комнате.

Заседание вел И. М. Варейкис.

Муравьев откровенно изложил свои соображения. Война с немцами неизбежна. Он за Советскую власть, но против московского Совнаркома, отстаивающего Брестский договор. Нужно образовать Поволжскую советскую республику. Левые эсеры поддерживают этот план. Он предлагает губисполкому присоединиться к нему. В частности, для Варейкиса, которого он хорошо знает еще по Украине и высоко ценит, зарезервирован в правительстве Поволжской республики пост наркома труда...

И вдруг среди затихшего зала прозвучал твердый голос председателя:

— Вы — предатель и изменник! Вы, Муравьев, арестованы!

Все вскочили. Пораженный таким оборотом дела, Муравьев выхватывает маузер и с группой своих сторонников бросается к двери. Он ждал помощи от оставленной за ней охраны. Но вместо своих — в соседней комнате вооруженный отряд во главе с незнакомым матросом.

Муравьев делает несколько выстрелов в воздух. Как выяснилось позже, это был условный сигнал к штурму здания.

Но сигнал запоздал. Сраженный выстрелами, предатель падает мертвым. Его свиту мгновенно разоружили и взяли под стражу.

Попытки немногочисленных групп анархистов и максималистов ворваться в «Смольный» пресек бронедивизион.

В считанные часы был ликвидирован путч, грозивший молодой Советской республике большими бедами...

На другой день в газете появилась передовая — «Муравьев».

Описав путаную биографию авантюриста, передовая объясняла, почему в условиях жесточайшей нехватки военных кадров Советская власть принуждена прибегать к услугам специалистов с расплывчатым мировоззрением. Таким специалистом и был Муравьев.

Статья доказывала, что в обстановке пролетарской революции любые потуги возродить бонапартизм обречены на провал.

...Попытка восстания была пресечена быстро. Но его последствия не могли не сказаться на Восточном фронте.

Снятие с передовых позиций частей, дезорганизация управления армией, факт измены командующего фронтом болезненно отразились на настроениях бойцов и командиров. План нашего наступления был сорван.

Противник, воспользовавшись замешательством, начал стремительное продвижение в сторону Симбирска.

22 июля советские войска принуждены были спешно и не очень организованно оставить город...

...Вернувшись в Москву, возобновил работу редактором в Бюро печати СНК.

С жильем стало легче. Буржуазия, чиновники, зажиточная интеллигенция уезжали из Москвы, покидая квартиры, переходившие в распоряжение Моссовета. Ордер на жилплощадь было получить проще, чем на рубашку или башмаки. В отличную меблированную комнату на Поварской въехал и я.

По совместительству с Бюро печати включился в работу центральной редакции ПТА. И там и тут одни и те же обязанности — редактора бюллетеней: утром в ПТА, вечером — в Бюро печати.

Но совмещать было нелегко: трудиться приходилось по двенадцать-четырнадцать часов в сутки, спать не больше пяти-шести.

Одолевали расстояния. Трамвай больше стоял, чем двигался.

Путь в четыре-пять километров скорее было преодолеть пешком, чем на этом унылом транспорте. Каждый день приходилось шагать с Поварской на Малую Лубянку — в ПТА, с Малой Лубянки в Кремль, а поздно вечером из Кремля снова на Поварскую.

Жил впроголодь: полфунта хлеба, картофельный суп на обед и ложка каши на ужин — вот и весь дневной рацион.

За исключением спекулянтов или обладателей ценностей, которые можно было обменять на Сухаревке, так жили все. В кремлевской столовой я ежевечерне видел членов ЦК

и ВЦИК, наркомов, других руководящих работников, ужинавших той же пшенной или овсяной кашей и запивавших ее морковным чаем с сахарином.

Людей моего возраста спасала молодость. Люди постарше болели, умирали от истощения.

Но время требовало полного напряжения сил: революция снова была в опасности. Только что приостановился натиск со стороны немцев, начался поход Антанты.

Мы снова попали в войну,— говорил В. И. Ленин на объединенном заседании ВЦИК, Московского Совета, фабрично-заводских комитетов и профсоюзов Москвы, — мы находимся в войне, и судьба революции решится исходом этой войны. Это должно стать первым и последним словом нашей агитации, всей нашей политической, революционной и преобразовательной деятельности. На карту поставлены все завоевания рабочих и крестьян.

Московская общегородская партийная конференция приняла решение мобилизовать пятую часть всех коммунистов Москвы на Восточный фронт.

Примеру Москвы последовали парторганизации многих других губерний.

В армию были направлены десятки тысяч коммунистов.

В эти дни оформил свое членство в партии и я. Слово «оформил» я употребил не случайно. Еще с осени 1917 года я считал себя большевиком: разделял позиции партии по основным вопросам, приветствовал Октябрьскую революцию, по путевке большевистской студенческой организации начал работать в Смольном.

Но в бурные послеоктябрьские месяцы многие районные и местные парторганизации только создавались, выдача билетов и прием членских взносов не везде были налажены, и принадлежность к партии подтверждалась не столько документами, сколько делами.

Не случайно и по сей день, свыше полувека спустя, после огромной работы по изучению партийных архивов, нет точной цифры численности партии к VII съезду РКП(б) (март 1918 г.). По разным данным эта цифра колеблется от 300 до 400 тысяч.

Из-за нехватки бланков партбилетов во многих организациях их заменяли справками, выписками из протоколов, временными удостоверениями. Для меня таким временным документом была копия путевки Петроградской студенческой организации. Я считал себя большевиком, но формально, по уставу оставался вне партии.

Лишь в августе 1918 года в Хамовническом райкоме

РКП(б) мне вручили билет члена Коммунистической партии за № 397; с этого времени и исчисляется мой партийный стаж.

Так, двадцати лет от роду, я вошел в ряды самой прогрессивной, самой революционной, самой справедливой партии, открывшей путь России и всему человечеству в невиданное будущее...

Вскоре произошли изменения в организации и структуре информационной службы: Бюро печати при СНК и ПТА были слиты в одно учреждение, получившее наименование Российское телеграфное агентство (РОСТА).

Новое учреждение получило большой пятиэтажный дом бывшего Российского страхового общества в Милютинском переулке (ныне улица Мархлевского).

РОСТА должно было не только снабжать телеграфной информацией центральные и периферийные газеты, но и помогать местной прессе консультациями, рассылкой фотоиллюстраций и т. д. На него же была возложена организация специальных агитационно-информационных передач по радио.

Руководителем агентства был утвержден бывший комиссар ПТА, избранный на последнем съезде Советов членом ВЦИКа, Л. Н. Старк.

Я остался в РОСТА редактором основного бюллетеня, предназначавшегося для центральных газет.

После слияния мне стало легче: отпало совместительство и освободилось время для общественной работы, знакомства с культурной жизнью Москвы, чтения литературы, посещения лекций и спектаклей. Только теперь я начал врастать в жизнь Москвы...

Однако в начале сентября Л. Н. Старк предложил мне новую интересную командировку.

...Во второй половине августа обозначился перелом на Восточном фронте. Сначала на юге, в районе Царицына, а затем и севернее — в казанском направлении началось наступление Красной Армии.

Примерно в это же время встал вопрос о необходимости резкого усиления агитационно-разъяснительной работы в прифронтовой полосе, особенно в районах, освобождаемых от белогвардейцев.

В поисках новых форм работы был создан агитационный, или, как он назывался вначале, Военно-подвижной фронтовой литературный поезд имени В. И. Ленина. С первым рейсом этого поезда я и должен был выехать на Восточный фронт.

Идея организации поезда принадлежала издательству

ВЦИК, его военному отделу, в задачи которого входил не только выпуск агитационно-пропагандистской литературы, но и распространение ее в Красной Армии и среди населения прифронтовых районов.

В связи с разрухой на транспорте доставка литературы оказалась делом еще более сложным, чем ее издание. Газеты и журналы неделями и месяцами шли до адресатов и нередко вовсе не доходили до них. Военному отделу пришлось организовать собственную курьерскую службу, в которой было занято до ста пятидесяти человек. Работники этой службы развозили тюки с литературой в разные концы республики.

Но литературу нужно было не только доставить на места, но и возможно рациональнее распределить: не дать залежаться на складах, не допустить растаскивания на «цигарки», довести до читателя.

Так возникла практика отправки курьеров и литературы не с обычными поездами, а в специально оборудованных вагонах, которые задерживались на несколько часов на станциях, а в эти часы курьеры продавали и раздавали книги и брошюры, распространяли листовки, расклеивали плакаты.

Поезд имени Ленина был дальнейшим шагом по расширению всей агитационно-пропагандистской и инструкторской работы ВЦИК.

Подготовленный в курских железнодорожных мастерских поезд должен был в середине сентября отправиться по маршруту: Москва — Арзамас — Алатырь — Казань.

Выглядел поезд необычно. Все восемь вагонов (два классных и шесть товарных) были разрисованы ярчайшими футуристическими ребусами, кричавшими всеми цветами радуги.

Только при пристальном рассматривании можно было различить символические фигуры: вот похожая на святых иконописная пара — розовый рабочий с молотом и зеленый крестьянин с серпом благоговейно вздымают руки к небу.

Вот покрытое золотой чешуей чудище, дракон контрреволюции, готовится проглотить голубую нежную девушку — революцию. Вот паукообразный кулак душит бедняка-муху.

Но при всем схематизме и наивности росписей они, как показала поездка, делали свое дело, привлекали на остановках огромные толпы людей...

Я прибыл на станцию часа за два до отправления. Как и все отъезжающие, явился к начальнику поезда, заведующему военным отделом издательства ВЦИК Я. И. Бурову.

Это был небольшой, склонный к полноте человек средних лет в очках с толстенными стеклами. Несмотря на сильную близорукость и внешнюю флегматичность, он был оперативен.

— РОСТА? От Старка? — быстро пробежал он мое удостоверение и, взглянув в какой-то список, ответил: — Ну, что ж, поместим вас с кинокомитетом.

Буров привел меня в двухместное купе одного из классных вагонов.

— Вот тут и располагайтесь, — сказал он. — Ваш спутник киношник — кинооператор. Он примерно вашего возраста. Надеюсь, будете жить дружно.

И, уточнив час отбытия, начальник поезда отправился устраивать очередного пассажира.

Вскоре появился и мой спутник: молодой сухощавый шатен выше среднего роста со светлыми глазами, в желтом кожаном пальто и желтой же кожаной фуражке с большим козырьком, в лакированных, туго зашнурованных ботинках до колен. Так одевались до революции офицеры технических войск, летчики и автомобилисты.

В сравнении с другими, скромно одетыми пассажирами поезда он выглядел богатым и знатным иностранцем.

Иностранно же звучали его имя и фамилия.

— Кинооператор Эдуард Тиссе, — представился он сдержанно и тут же предупредил о неудобствах, которые нас ждут.

— Придется часто заряжать кассеты, зашторивать окно, сидеть в темноте...

Это был первый кинематографист, которого я видел в жизни, и он показался мне несколько важничающим.

Позже это впечатление рассеялось. Он оказался хорошим парнем, по-мальчишески влюбленным в свою, в ту пору редчайшую профессию и убежденным в превосходстве ее над всеми другими профессиями мира.

В течение дня он много и нежно возился с аппаратурой, протирал объективы, заряжал и перезаряжал пленку, выпроваживая меня, к моему глубокому неудовольствию, либо на верхнюю полку купе, либо в коридор.

Уроженец Либавы, латыш по национальности, Эдуард в те годы не очень правильно говорил по-русски, стеснялся своего произношения и предпочитал молчать. И на первых порах это создавало в нашем купе атмосферу некоторой отчужденности.

Однако через пару дней, разговорившись, мы обнаружили общие интересы, ледок был сломлен, и мы подружились. В Казани Тиссе получил новое задание кинокомитета: остаться при штабе фронта и произвести съемки боевых операций против белочехов. Так мы расстались. Но в последующие годы встречались десятки раз, сохранив на всю жизнь добрые отношения.

Для незнакомых с историей кино добавлю, что вскоре

Тиссе раскрылся не только как превосходный оператор-хроникер, автор кинопортретов Ленина и других документальных снимков, но и как замечательный мастер игрового фильма — участник создания таких шедевров советского киноискусства, как «Броненосец «Потемкин», «Октябрь», «Александр Невский» и многих других.

Но вернемся ко дню отъезда. Оставив рюкзак в купе, я отправился знакомиться с обстановкой.

Как я уже сказал, поезд был сформирован из шести товарных и двух пассажирских вагонов. Три товарных были загружены тюками с литературой. В четвертом помещалась канцелярия. Пятый был отведен под технику: передвижную электростанцию, кинопроектор, радиоприемную аппаратуру. Шестой был занят кухней-столовой.

В классных вагонах размещались агитаторы, представители наркоматов и ведомств, другие прикомандированные к поезду лица; обслуживающий персонал.

В соседнем с нами купе ехал художник-график А. М. Цветков, скромный, симпатичный человек, за время рейса сделавший огромное число зарисовок, частично опубликованных в газетах и журналах того времени.

В нашем же вагоне ехали Буров, агитаторы Завьялова и Скачко, инструкторы из наркоматов земледелия, внутренних дел, юстиции. Это были ответственные работники, консультировавшие во время остановок местные советские учреждения.

На одном из классных вагонов был вывешен большой почтовый ящик с надписью: «Для жалоб»...

Поезд провожали Председатель ВЦИК Я. М. Свердлов, В. А. Антонов-Овсеенко, представители разных центральных учреждений.

После краткого напутственного слова Свердлова поезд двинулся на восток. Я не помню точно ни числа, ни названия станции, где мы сделали первую большую остановку. Если не ошибаюсь, это был Арзамас.

Для оживления памяти я просмотрел теперь изданный в 1920 году сборник статей «Агитпартпоезда ВЦИК» под редакцией В. Карпинского. В нем я обнаружил полезные сведения об истории агитационно-пропагандистских поездов. Но данные о первом рейсе поезда имени Ленина оказались не только сверхскупыми, но и неточными.

Так, например, самый рейс датирован 13—31 августа, т. е. месяцем раньше, чем он состоялся на самом деле.

Пришлось обратиться к газетам того времени. Перелистывая комплект «Правды», обнаружил несколько своих телеграмм.

В номере от 17 сентября два кратких сообщения из Арзамаса о прибытии поезда и его работе на этой станции.

Тремя днями позже — 20 сентября — телеграмма из Алатыря.

Через несколько дней ряд телеграмм из Казани — о положении дел в только что освобожденном городе.

На небольших остановках сотрудники поезда продавали и раздавали литературу, расклеивали газеты и плакаты, проводили короткие митинги. Если останавливались вечером, устраивали киносеансы под открытом небом.

На более крупных стоянках литературу распространяли не только на станции, но и в ближайших населенных пунктах. Туда же выезжали агитаторы, а если позволяло состояние дороги, то и кинопередвижка. Представители наркоматов знакомились с работой местных учреждений, давали консультации, разбирали жалобы.

Особенно сильное впечатление производили киносеансы. Большинство зрителей впервые видели «живые картины», и это чудо потрясало аудиторию. Неважно было, что демонстрируется (показывали хронику, видовые и научные картины, сказки), поражал сам факт движущихся людей на экране...

Начиная с Алатыря я наладил выпуск «Последних известий» — больших плакатов с написанными от руки радиограммами о положении на фронтах, внутренних и внешних событиях. В некоторые из этих плакатов включили рисунки и шаржи Цветкова. Так зарождалась та форма агитации, которая вскоре получила широкое распространение под названием «Окон РОСТА»...

По вечерам на кратких совещаниях под руководством Я. Бурова подводили итоги дня, намечали планы на завтра, обсуждали вопросы методики работы.

...Казань мы застали еще не остывшей от недавних боев. В частях Красной Армии и в рабочих районах ощущался большой подъем. Взятие Казани было нашей первой крупной победой над белочехами и сформированными ими белогвардейскими отрядами.

И победа была не временной удачей, а началом большого наступления.

Через два дня после взятия Казани был освобожден Симбирск. Вслед за ним — Вольск. Еще через несколько дней — Буинск, Хвалынск, Чистополь.

Эти победы свидетельствовали о возросшей боеспособности наших войск, мастерства командного состава.

Здесь, пожалуй, впервые было налажено взаимодействие разных родов оружия: в освобождении Казани принимали

участие не только стрелковые части и артиллерия, но и Волжская военная флотилия, атаковавшая казанскую пристань и обеспечившая успех десантных операций.

Участвовала в боях и молодая советская авиация, производившая разведку и преследовавшая отступающего противника. Правда, масштабы действий последней были еще скромны. Мне запомнилась телеграмма из Свияжска, в которой сообщалось, что на Симбирском шоссе наши летчики сбросили на белогвардейцев... одиннадцать пудов бомб... Одиннадцать пудов! Не так уж много, но, по свидетельству корреспондента, бомбы произвели среди отступающих «страшную панику». Видимо, важен был психологический эффект.

Эти успехи не могли не радовать.

В Казани жизнь только налаживалась. Была пущена электростанция, ходили трамваи. Работал телефон. Начали выходить газеты «Знамя революции» и «Гражданская война». В учреждения вернулась часть служащих. Для охраны порядка были организованы рабочие отряды.

Однако поврежденный во время боев водопровод еще не работал, и недостаток воды грозил новыми вспышками холеры и тифа. Покинутые администрацией фабрики и заводы стояли. Нужно было решать вопросы с сырьем, топливом, продовольствием.

Не хватало кадров организаторов, агитаторов, пропагандистов, хозяйственников.

Существенную помощь в налаживании жизни города и в агитационно-пропагандистской работе оказал наш поезд. С раннего утра до позднего вечера мы бывали на предприятиях и в учреждениях, в воинских частях, в ближайших селах: выступали на митингах и собраниях, вели беседы, разъясняли последние решения правительства.

Но намеченный в Москве срок поездки закончился, и, проработав в Казани и ее окрестностях около недели, мы легли на обратный курс.

Обсуждая на заключительном заседании итоги рейса, его участники пришли к единодушному заключению:

Рейс себя оправдал, такие поезда нужны и полезны. Но, учитывая огромную потребность прифронтовых и освобождаемых от неприятеля районов в агитационной и организационной помощи, объем и характер работы агитпоездов должны быть значительно масштабнее.

Во-первых, их нужно не один, а несколько. Во-вторых, они должны быть лучше оборудованы, а штат расширен за счет увеличения числа лекторов и пропагандистов, консультантов, представителей наркоматов.

Рейсы целесообразно рассчитывать не на две-три недели, а на 2—3 месяца, чтобы охватить более обширные и более далекие от Москвы районы.

Эти соображения были учтены ВЦИК и, кроме дооборудованного и пополненного поезда имени Ленина, в 1919—1920 годах организуются еще четыре состава — «Октябрьская революция», «Красный казак», «Советский Кавказ», «Красный Восток» и пароход «Красная звезда», проделавшие в годы гражданской войны громадную работу по идейному и политическому просвещению масс и организационной помощи в местах, особенно отдаленных от центра.

Начиная с апреля 1919 года двенадцать поездок с поездом «Октябрьская революция» совершил Всероссийский староста, Председатель ВЦИК Михаил Иванович Калинин, объехавший почти всю страну. В народе так и называли поезд — «ВЦИК на колесах».

Владимир Ильич Ленин интересовался работой агитпоездов и пароходов, оказывал им всемерную помощь, а в январе 1920 года по докладу Я. И. Бурова дал обширную директиву о дальнейшей рационализации их работы.

...Вскоре после возвращения в Москву я получил от руководства РОСТА новое поручение: организовать редакцию для передачи информации по радио на заграницу. Редакция должна была дважды в день выпускать специальный бюллетень под названием «Радиовестник РОСТА».

Нужно сказать, что со времени Октябрьской революции у нас почти прекратились связи с зарубежными газетными агентствами. С началом иностранной интервенции и последовавшим вскоре разрывом дипломатических отношений с капиталистическим миром эти связи прервались окончательно.

Мы принуждены были пользоваться тенденционными радиопередачами буржуазных агентств, но почти не имели путей для передачи нашей информации на Запад.

В распоряжении Наркомата почт и телеграфов не было достаточно мощных радиостанций для гражданских целей. А радиостанции военного ведомства работали прежде всего по своему прямому назначению и лишь в виде исключения передавали важнейшие правительственные сообщения: декреты Совнаркома, дипломатические ноты, обращения «Всем, всем, всем».

Поэтому вся информация о Советской стране, публиковавшаяся в заграничной печати, поступала либо из враждебных революции белогвардейских источников, либо от липовых «собкоров», обосновавшихся в Хельсинки, Таллине, Риге и питавшихся по сути дела из тех же мутных источников.

Таким образом, не только буржуазная, но и социалистическая и леводемократическая печать были лишены правдивой информации о происходивших в нашей стране событиях.

Тогда появилось правительственное решение о том, что наиболее мощная советская радиостанция на Ходынском поле в Москве будет вести регулярные информационные передачи на Запад.

РОСТА было предложено организовать для этих целей специальную редакцию. Обязанности ответственного редактора «Радиовестника» и были возложены на меня.

Штат редакции состоял из ответственного и двух дежурных редакторов и машинистки (первое время передачи велись на русском языке и переводчиков не требовалось).

Один из дежурных редакторов был переведен из отдела внутренней информации. На должность второго я пригласил товарища по Политехническому институту — Семена Эпштейна.

Эпштейн был единственным из сорока человек институтской учебной группы, с которым я встретился после революции.

Кое о ком было известно, что они погибли или пропали без вести на фронтах империалистической войны, иные подались к белым, о большинстве не было никаких сведений.

Ничего не было известно и о соседе по чертежной в институте, спокойном, покладистом, чуть вяловатом парне Семене Эпштейне. Мы вместе работали над чертежами по начертательной геометрии, над эскизами по архитектуре; я помогал ему в решении задач по математике. Правда, за стены института дружба не выходила. Вне института, в быту, мы оказались в разных социальных слоях. Он жил в роскошной квартире родственников в районе Невского, я снимал угол у институтского слесаря в Лесном.

Но, в отличие от других зажиточных студентов (а их было большинство не только в учебной группе, но и во всем институте), Эпштейн не кичился своим материальным благополучием, а скорее стеснялся его.

Сын преуспевающего московского врача, практиковавшего среди буржуазии и высшего чиновничества, Семен, однако, не тянулся к людям своего круга. Относился к ним он весьма критически. По политическим же взглядам, по отношению к царскому правительству, войне и многим другим вопросам у нас было много общего.

Во время призыва студентов в армию он по болезни остался в институте, продолжал усердно учиться и к осени 1917 года перешел на последний курс.

Революция прервала учебу, и, не связанный ни с какими политическими организациями, Семен очутился на распутье.

В семье возник раскол. Семен сочувствовал революции, родители же заняли резко враждебную позицию, со дня на день ожидая падения Советской власти. Сын хотел работать. Отец с матерью и слышать не хотели о службе у «большевиков», мечтали уехать за границу. Слабовольный и нерешительный, никогда не покидавший семьи, Семен боялся разрыва...

В состоянии мрачной растерянности он и столкнулся со мной нос к носу на узком тротуаре Арбата.

Мы с радостью вспоминали об институте, перебрали имена и судьбы сокурсников, рассказали о собственных делах. Семен поведал о своей драме. Я предложил выход из положения:

— Поступай в РОСТА. Будем работать вместе. Переезжай в общежитие. А драм в семьях тысячи. Не ты первый, не ты последний. У меня тоже размолвка с отцом, хотя он и не собирается бежать за границу.

Через неделю Эпштейн приступил к работе в «Радиовестнике», быстро освоил дело, обнаружил хорошие редакторские способности. Через несколько месяцев вступил в партию. Но с семьей не порвал: боялся оставить больную мать. Ежедневно слышал попреки за материальные и моральные невзгоды, обрушившиеся на родных и знакомых. Очень страдал от этих нападок, но, видимо, не находил достаточных аргументов, чтобы парировать их. А когда при первой партийной проверке низовая комиссия исключила его из партии как «колеблющегося», родители со злорадством накинулись на Семена:

— Мы предупреждали, не связывайся с большевиками! Не послушался — так тебе и надо!..

И вместо того, чтобы делом доказать свое право на членство в партии, Семен пустил себе пулю в лоб...

Но это случилось двумя годами позже. Сейчас, в октябре 1918 года, Эпштейн вместе с небольшим коллективом «Радиовестника» трудился с полной отдачей в поисках формы и стиля нового бюллетеня.

Ни у редакции «Радиовестника», ни во всем РОСТА не было в ту пору людей, знакомых со спецификой подачи информации в зарубежной печати. Да и пресса эта уже почти год перестала приходить в Россию.

Мы работали в значительной мере вслепую, без обратной связи, не имея возможности проверить точность попадания.

В основу своих передач мы брали материалы бюллетеней, рассчитанных на советскую прессу, откладывали в сторону информацию, имевшую чисто внутренний интерес, сокращали наиболее пространные сообщения, дополняли материал выдержками из статей центральных газет. Этим, собственно, и огра-

ничивалось наше редакционное вмешательство в информационный поток, поступавший из главной редакции РОСТА.

«Радиовестник» выходил в эфир два раза в день, редакция работала в две смены, но все выпуски обязан был подписывать я.

И хотя это требовало по вечерам вторичной явки в редакцию, я охотно и не без мальчишеского тщеславия выполнял эту обязанность: как-никак моя подпись становится известной всем радиостанциям и газетным агентствам Европы! Знай наших!..

...6—7 ноября 1918 года Москва и Россия праздновали первую годовщину Октября. С тех пор годовщины великой революции праздновались многие десятки раз, И праздновались торжественней, масштабней, ярче.

Но для моего поколения первая осталась самой незабываемой.

Исчезли из памяти детали убранства площадей и улиц Москвы — местами, где орудовали футуристы, крикливо-претенциозного, местами безыскусно-наивного...

Стерлись впечатления от многолюдной, но не очень стройной демонстрации на Красной площади. Всматриваясь теперь в поблекшие от времени фотографии тех лет, чувствуешь, как сжимается сердце: какими же бедными, плохо одетыми, истощенными мы были!

Но навсегда сохранилось необычайное ощущение гордости, торжества, праздника: «Выстояли! Уже год держимся! Сколько врагов! Сколько предсказаний неминуемой гибели! Сколько раз действительно стояли на волосок от нее! А живем и живем!»

С особенной ясностью осозналось величие подвига во время выступления Владимира Ильича Ленина на VI Всероссийском Чрезвычайном съезде Советов.

Приуроченный к первой годовщине Октября, съезд заседал вечерами 6, 8 и 9 ноября в Большом театре. Из 1296 делегатов 1260 принадлежало к партии коммунистов.

Мне довелось быть на всех трех заседаниях, и я хорошо помню атмосферу единства, торжества, подъема, которыми был насыщен переполненный народом зал.

Накануне и в дни заседаний съезда газеты приносили волнующие вести о революционных событиях в Центральной Европе: о свержении императорской власти в Австро-Венгрии и создании Советов солдатских депутатов в Вене и Будапеште; о восстании в голландских войсках; о быстром нарастании революционного подъема в Германии.

С исключительным подъемом съезд выслушал зачитанную

секретарем ВЦИК В. А. Аванесовым приветственную телеграмму от Карла Либкнехта, только что выпущенного из берлинской тюрьмы.

«Мы находимся у поворота истории,— писал пламенный немецкий революционер,— революция стала для трудящихся и угнетенных... народов призывным и боевым кличем... Несмотря на окружающую вашу революцию клевету и ненависть, она возносится высоко — великое творение гигатской энергии и благороднейших идеалов; начинается новый, лучший мир...»

И страстные слова: «Слушайте это, владыки, и трепещите!» — потонули в шквале оваций...

С чувством законной гордости выслушали делегаты телеграмму от другого выдающегося революционера-марксиста Франца Меринга.

«С восторгом смотрим мы на вас,— писал он,— самых сознательных и самых последовательных представителей принципов социализма, самых достойных преемников идей Карла Маркса, мужественных передовых борцов III Интернационала, который будет действовать, а не болтать. Ваша борьба есть наша борьба. Ваша победа — наша победа. Пусть счастье сопутствует вам во всех бурях настоящего и будущего!..»

Съезд приветствовали представители левой социалистической партии Швеции, датской социалистической молодежи, других зарубежных революционных организаций.

По предложению Я. М. Свердлова, съезд обратился ко всем воюющим с Советской страной державам с призывом открыть переговоры о заключении мира.

С огромным воодушевлением были приняты приветствия в адрес Красной Армии и «Всем рабочим, крестьянам, солдатам всех наций, борющихся за мир и социализм, и их вождям».

Кульминацией съезда стали два выступления Владимира Ильича Ленина по главным пунктам повестки дня: о годовщине Октябрьской революции и о международном положении.

Я не слышал Ленина десять месяцев, с III съезда Советов. Видел его мельком весной и летом в коридорах Совнаркома. Как и в Смольном, он выглядел бодрым, полным энергии.

Сейчас, со сцены Большого театра, Владимир Ильич показался мне похудевшим, осунувшимся, уставшим. Это было одно из первых его появлений на большом собрании после подлого покушения эсерки Каплан. Видимо, сказывались и последствия тяжелого ранения, и огромная нагрузка, и новые осложнения в военной и международной обстановке.

Но стоило Ленину выйти на трибуну, как глаза его загорались, речь наполнялась страстью, всесокрушающей силой.

И уже с первых минут аудитория была заворожена ходом ленинской мысли.

Можно было ждать, что в связи с годовщиной Октябрьской революции докладчик по крайней мере в своей первой речи уделит главное внимание достижениям революции. Я помнил, как, выступая на III съезде Советов в январе этого года, торжествовал Ильич, что Советская власть уже прожила 2 месяца и 15 дней, на пять дней больше Парижской коммуны. А ведь теперь Советской власти уже целый год!

Но В. И. Ленин построил свои выступления в ином ключе.

Охарактеризовав пройденный путь, основной акцент он перенес на стоящие перед революцией трудности.

Конечно, сделано немало. В промышленности от рабочего контроля начался переход к государственному управлению в общенациональном масштабе.

В деревне после этапа общекрестьянской борьбы с помещиками началось расслоение крестьянства и поднялась борьба бедняцкой части села против деревенской буржуазии, кулачества.

В плане государственного строительства советская система распространилась по всей стране, а с принятием на предыдущем съезде Советов конституции приняла и конституционные формы.

От полной беззащитности, в которой находилась Советская Россия во время февральско-мартовского наступления немцев, мы пришли к могучей Красной Армии, которая уже начала одерживать победы над хорошо вооруженным врагом.

Наконец, страна начала выходить из международной изоляции, развитие событий в Европе открывает новые горизонты...

Мы слушали Ленина, затаив дыхание. Все казалось простым и ясным. И в то же время хорошо известные факты поворачивались новыми гранями, которые не видны были раньше.

Среди слушателей было немало таких же, как я, не очень искушенных в больших политических вопросах молодых людей, упрощенно представлявших себе дальнейший ход революции. Особенно большие надежды возлагались на события в Германии. Не сегодня-завтра будет свергнут Вильгельм, к власти придет рабочий класс, и в союзе с немецким пролетариатом мы будем непобедимы...

Как показало ближайшее будущее, все было гораздо сложнее.

И в своих выступлениях на съезде Ильич дал глубочайший анализ положения Советской страны в окружении капиталистических государств. Он сказал, что международная революция назревает, никогда не была она так близка, как теперь.

Но, подчеркнул Ленин, как это ни парадоксально, наше положение никогда не было так опасно, как теперь.

«...Если нам удалось просуществовать год после Октябрьской революции, — разъяснял Ленин, — то этим мы обязаны тому, что международный империализм был расколот на две группы хищников: англо-французов-американцев и германцев, которые были в мертвой схватке друг с другом, которым было не до нас».

Но теперь, когда вторая группировка раздавлена, англо-французы-американцы, напуганные призраком мировой революции, главной своей задачей считают удушение основного очага ее, Российской советской республики.

Конечно, у нас есть друзья.

Несмотря на чудовищную ложь и клевету на Советскую власть, рабочие массы европейских стран постепенно узнают истину и сочувствуют нам.

Однако не следует самообольщаться, не следует закрывать глаза на тяжелую правду: международная революция близка, но таких расписаний, по которым революция развивалась бы, не существует, мы, пережившие две революции, хорошо знаем это.

И Ленин предупреждал делегатов и весь народ:

«...Мы должны сказать, что положение более опасное, чем когда бы то ни было... Мы прожили год и достигли успеха, но это еще мало по сравнению с тем могучим врагом, который идет на нас. Этот враг — всемирный, сильный, победивший весь мир, англо-французский империализм...»

И вместе с тем, как всегда, Ленин уверен в конечном торжестве революции. «...Нет ни малейшего основания предаваться отчаянию или пессимизму. Мы знаем, что опасность велика. Может быть, нам судьба готовит еще более тяжелые жертвы. Положим, одну страну раздавить могут, но они никогда не раздавят международной пролетарской революции...»

Такими суровыми и вместе с тем насыщенными глубочайшей верой в победу словами закончил свое выступление великий вождь советского народа...

Через несколько дней, 13 ноября, открылся I Всероссийский съезд советских журналистов.

В этот же день произошло большое политическое событие: ВЦИК аннулировал «похабный» Брест-Литовский договор. Постановлением высшего органа Советской власти документ, несколько месяцев лихорадивший страну и партию, был объявлен «в целом и во всех пунктах уничтоженным».

Об этом мы, участники съезда журналистов, с радостью услыхали на его открытии.

Какие страсти кипели вокруг этого трижды проклятого договора — его принятия, подписания, ратификации! Скольких жертв стоили народу предательство Троцкого, «антибрестские» авантюры правых и левых эсеров, Муравьева и иже с ними!

И как бесконечно прав оказался великий Ленин!

Брест-Литовский договор перечеркнут, смыт, выброшен в мусорную корзину истории!

Это ли не ценнейший подарок второму году революции!

Совпавшее с этим огромным событием открытие съезда журналистов было событием значительно более скромным.

Съезд созывался для обсуждения производственных и профессиональных вопросов работников печати и создания объединения журналистов.

Идейно-политической платформой форума явилась опубликованная за полтора месяца до того в «Правде» статья В. И. Ленина «О характере наших газет».

В ней В. И. Ленин резко критиковал методы работы нашей печати.

«Чрезмерно уделяется место политической агитации на старые темы, — политической трескотне, — писал Владимир Ильич.— Непомерно мало места уделяется строительству новой жизни,— фактам и фактам на этот счет... Тип газет у нас *не* меняется еще так, как должен бы он меняться в обществе, переходящем от капитализма к социализму».

Об общеизвестных, ясных, хорошо усвоенных массами политических явлениях нужно говорить не длинными статьями в 200—400 строк, а кратко, лаконично, в «телеграфном стиле».

Значительно больше внимания должно уделяться хозяйственному строительству, организации новой жизни. «Побольше экономики. Но экономики не в смысле «общих» рассуждений, ученых обзоров, интеллигентских планов и т. п. дребедени, — которая, к сожалению, слишком часто является именно дребеденью. Нет, экономика нужна нам в смысле собирания, *тщательной проверки* и изучения фактов действительного строительства новой жизни. Есть ли *на деле* успехи крупных фабрик, земледельческих коммун, комитетов бедноты, местных совнархозов в строительстве новой экономики? Каковы именно эти успехи? Доказаны ли они?.. Как сделать их более широкими?»

В. И. Ленин ставил вопрос о задачах, роли и характере критики в советской печати. Он призывал к беспощадной борьбе против «хранителей традиций капитализма», против элементов разброда, распада, хулиганства, тунеядства, в том

числе и среди трудящихся. «Разве классовая борьба в эпоху перехода от капитализма к социализму не состоит в том, чтобы охранять интересы рабочего *класса* от тех горсток, групп, слоев рабочих, которые упорно держатся традиций (привычек) капитализма и продолжают смотреть на Советское государство по-прежнему: дать «ему» работы поменьше и похуже, — содрать с «него» денег побольше».

Владимир Ильич подчеркивал огромную воспитательную роль советской печати. «У нас мало *воспитания масс* на живых, конкретных примерах и образцах из всех областей жизни, а это — главная задача прессы во время перехода от капитализма к коммунизму».

Заключительный абзац статьи как бы резюмировал ее основные положения: «Поменьше политической трескотни. Поменьше интеллигентских рассуждений. Поближе к жизни. Побольше внимания к тому, как рабочая и крестьянская масса *на деле* строит нечто *новое* в своей будничной работе. Побольше *проверки* того, насколько *коммунистично* это новое».

Со времени появления этой замечательной статьи прошло почти 60 лет, но и по сей день она не утеряла своей актуальности...

В день открытия съезда в «Правде» была опубликована статья П. М. Керженцева, в которой ставились основные организационные вопросы практики газетного дела и профессиональных задач советских журналистов.

Керженцев доказывал необходимость централизованного государственного руководства печатью и выдвигал предложение о создании Всероссийского центра, который бы вел учет существующих газет и журналов, инструктировал их, давал разрешение на новые издания, ведал распределением бумаги, полиграфического оборудования и т. д.

В статье подымались также вопросы об улучшении информационной службы, об организации снабжения периферийных газет литературными материалами, об обмене такими материалами между местными редакциями.

Развивая мысль В. И. Ленина о необходимости ориентироваться на массового читателя, Керженцев призывал учитывать эту ориентацию в языке и стиле наших газет. Необходимо помнить, что в отличие от дореволюционной прессы, основной читательской аудиторией которой являлась интеллигенция, большинство современных читателей — рабочие и крестьяне и это требует изменения формы изложения.

Значительное место в статье было уделено проблеме кадров, их подготовке и повышению квалификации. В частности, выдвигалось предложение о срочном создании школы и курсов журналистики...

Съезд продолжался три дня — 13, 14 и 16 ноября.

В докладах и прениях отмечалась новаторская, первопроходческая роль советской печати: впервые в истории все издательства и типографии перешли в руки трудящихся и тем созданы предпосылки для развития подлинно свободной, защищающей интересы народа прессы.

И за год существования Советской власти было сделано немало. Вместо черносотенных, буржуазно-помещичьих, псевдосоциалистических «Биржевых ведомостей», «Новых времен», «Дней», «Речей» и их периферийных суррогатов созданы сотни газет, не очень изысканных по стилю и оформлению, но честно и правдиво информирующих народ и помогающих ему разобраться в событиях...

Съезд был рабочий, поэтому выступления большинства делегатов были посвящены не констатации достигнутого, а острой самокритике.

Делегаты с мест критиковали слабость и неумелость руководства печатью со стороны губернских и уездных властей. Газеты перегружаются официальными материалами: отчетами о второстепенных заседаниях, длинными постановлениями, выступлениями местных работников. Слышались жалобы на нехватку бумаги, изношенность типографского оборудования, неудовлетворительную работу почтовой и телеграфной связи.

На съезде говорили и о неразберихе с тиражами однотипных губернских газет. Если вятский «Приуральский коммунист» имел тираж 50 тысяч экземпляров, то тиражи курских «Известий» и костромского «Северного рабочего» не превышали 2—3 тысяч.

Много упреков пришлось выслушать нам, работникам РОСТА: за частое опоздание информации, за искажение имен и названий, за многословие, за плохую стилистическую обработку материалов. И в этих упреках было много справедливого. Огрехи и недоработки объяснялись прежде всего недостатком квалифицированных кадров.

На недостаток кадров жаловались представители всех редакций. И в центре, и на местах все наиболее активные и опытные журналисты-коммунисты до предела загружены партийной и административно-организационной работой, а редакционные аппараты в значительной части состояли из второсортных борзописцев, еще вчера подвизавшихся на страницах бульварных листков. Эти борзописцы несли в редакции наших изданий приемы буржуазной прессы.

Острая дискуссия развернулась вокруг вопроса о критике в советской печати недостатков советского аппарата.

16 ноября на последнем заседании съезда после докладов секций были приняты решения, утвержден устав, проведены выборы в руководящий орган нового союза.

В главной резолюции были намечены типы издания, которые, по мнению съезда, были наиболее целесообразны в условиях того времени.

Основным типом периферийной газеты должно стать популярное периодическое издание, доступное по изложению и языку широчайшим массам трудящихся. В крупнейших же центрах, если позволяют материальные и технические средства, следует, наряду с популярной, выпускать также газету второго типа — руководящий орган, рассчитанный на партийный и советский актив и интеллигенцию.

Съезд решительно высказался за развертывание критики недостатков в советском строительстве с соблюдением при этом необходимого такта.

Было записано также пожелание о создании наркомата печати и пропаганды как руководящего центра всей издательской деятельностью в стране. Среди других предложений нужно отметить предложения об организации школы журналистики и печатного органа союза.

В избранный съездом руководящий совет союза вошли тринадцать членов и три кандидата. Из старшего поколения — Ю. Стеклов, П. Керженцев, Л. Старк и другие, из молодежи — В. Ерофеев, Е. Бахметьев и другие.

Союз создавался как профессиональная организация. В уставе было записано, что своей целью он ставит защиту профессиональных интересов своих членов, улучшение их материального положения, оказание врачебной помощи и т. д. Перед вступающими в него ставилось непременное условие: «Членом союза может быть каждый пишущий или работающий в органах советской печати, признающий и активно поддерживающий рабоче-крестьянскую власть».

Владимир Ильич положительно отнесся к созданию союза и считал себя его членом: в одной из заполненных им анкет — «Анкете для делегатов X Всероссийского съезда РКП» на вопрос: «К какому профессиональному союзу принадлежите в настоящее время?» — он ответил: «К союзу журналистов...»

Союз просуществовал недолго. Весной 1919 года, на II съезде он, по инициативе группы активистов, был переименован в коммунистический Союз журналистов, что повлекло к сужению его состава. Судя по сохранившимся у меня протоколам Правления последнего (Цекомжура), в нем появились тенденции синдикалистского характера — притязания на руко-

водство всей печатью страны, и вскоре он был влит в Союз работников просвещения на правах секции.

Однако многие из поднятых Союзом советских журналистов и его преемником коммунистическим Союзом журналистов вопросов (в том числе вопросы об организации курсов, а затем и института журналистики, об издании журнала «Журналист», о расширении функций РОСТА и другие) уже в самом начале 20-х годов нашли свое положительное решение...

Двинск.— Рига.— I Вселатвийский съезд Советов.— Интервенция Антанты в Прибалтике.— Украина.— Новое обострение гражданской войны.— Газета «Красный стрелок».— Приезд М. И. Калинина.— Подготовка к контрнаступлению.— Москва. Расцвет РОСТА.— В Политотделе Южного фронта. Встреча с Джоном Ридом.— Снова на юг.

В первых числах декабря 1918 года Л. Н. Старк вызвал меня к себе и радостно сообщил:

— По-видимому, немцы собираются удирать из Прибалтики. Вчера прибыла делегация Двинского немецкого Совета солдатских депутатов. Предлагают сдать город без столкновений. Единственное условие — не чинить препятствий для эвакуаций в Германию... Мы, разумеется, согласны. Не знаю, много ли у депутатов власти, но, очевидно, генералы уже не справляются с солдатами... Во всяком случае оборот дела в нашу пользу...

Немного помолчав, Старк спросил:

— Как ты смотришь на то, чтобы поехать в Двинск? Побываешь в новых местах. А там рядом Прибалтика. Будут уходить немцы — двинешься за ними. Может, и в Германию попадешь.

Предложение застало меня врасплох, и я попросил разрешение подумать, хотя уже был почти согласен.

Перелистав в библиотеке комплекты газет, получил приблизительное представление о происходящем на северо-западной границе нашего соприкосновения с немцами.

Несмотря на разрозненность сведений, стало ясно, что с середины ноября — вскоре после свержения Вильгельма II — оккупанты начали медленный отход на запад. Оставляемую территорию, как правило, немецкое командование передавало наскоро сколачиваемым русским белогвардейским отрядам.

Чтобы предотвратить утверждение буржуазно-помещичьих порядков, части Красной Армии наступали немцам на пятки, ломали сопротивление белогвардейцев, занимали освобождаемые от оккупантов районы. Так с ходу были заняты Псков, Полоцк, Режица. Линия фронта вплотную подошла к Двинску.

Во многих частях немецкой армии возникли Советы сол-

латских депутатов. Они отказывались подчиняться командованию, вступали в контакт с советскими войсками и договаривались о мирной передаче нашим представителям отдельных населенных пунктов.

Двинск — солидная крепость с многочисленным гарнизоном, и руководители солдатского Совета решили вступить в переговоры прямо с Москвой...

О том, что творилось к западу от Двинска — в Прибалтике, в печати почти не сообщалось.

По слухам, в Эстонии, Латвии и Литве оккупационные власти лихорадочно формируют марионеточные буржуазно-националистические правительства, основная задача которых — подавление революционного движения и отделение Прибалтики от России. Но параллельно во многих городах возникают полулегальные Советы рабочих депутатов. Руководимые большевиками, они требуют восстановления Советской власти и братского союза с Россией.

Было очевидно, что к западу от Двинска идут острые классовые бои, исход которых будет решаться в ближайшие месяцы... Все это не могло не волновать журналиста, и на другой день я дал согласие на поездку в Двинск.

— Вот и хорошо, — одобрил Старк. — Получишь мандат уполномоченного РОСТА на всю Прибалтику, за исключением Эстонии — туда поедет корреспондент из Петроградского отделения. Действуй по обстоятельствам: освободят раньше Вильно — обосновывайся в Вильно, вступим в Ригу — организуй отделение в Риге. Даем тебе помощника — секретаря. Остальной штат наберешь на месте. Советую взять Каца — он из тех краев. Парень шустрый, поможет сориентироваться на местности, установить связи...

Меня все устраивало. В частности, Саша Кац. Рижанин по происхождению, студент-первокурсник юридического факультета университета, он отличался необычайной подвижностью, уменьем быстро и легко устанавливать контакты. Недавно появившись в РОСТА, он успел со всем познакомиться, со многими подружиться.

По словам Каца, в Риге, Вильно, Двинске у него были десятки родственников и сотни знакомых, и он с радостью ухватился за предложение поехать в родные места...

...В Двинск прибыли без особых приключений — с первым вступившим в город подразделением Красной Армии. Немцы не оказали сопротивления.

На вокзале узнали, что идет смена власти: немецкий солдатский Совет передает город только что созданному нашему ревкому. Передача идет без инцидентов.

Представители ревкома заняли городские учреждения, установили охрану на заводах, у продовольственных складов. Но собственно крепость, где расквартированы ждущие эвакуации германские солдаты, а также городская комендатура, гостиница и еще несколько зданий остаются пока в руках немецкого Совета.

В этот Совет пришлось обратиться и мне с Кацем — за ордером в гостиницу. Нас встретил высокий вежливый немец лет тридцати пяти в голубой шинели с обезьяньим воротником и без знаков отличий.

— Комрад Лебедьев? Радиовестник РОСТА? — на ломаном русском языке спросил он, прочитав мое удостоверение. — Как же, как же — знаем!.. Читаем два раза в день... Очень рад познакомиться!..

Выслушав просьбу о гостинице, немец быстро заполнил два бланка:

— Вот вам, комрад Лебедьев, ордер на номер. А вот пропуск для хождения по городу после двадцати двух часов: комендантский час! Отдохнете, если нужна помощь — заходите...

На другой день, связавшись с ревкомом и выяснив обстановку, дал первую телеграмму в Москву. В ней сообщил о вступлении в город Красной Армии, о состоявшемся накануне огромном общегородском митинге, восторженно встречавшем ораторов-большевиков, о проезде через Двинск советской делегации, направлявшейся в Берлин на Всегерманский съезд Советов рабочих депутатов.

В последующие дни продолжалась эвакуация немецкого гарнизона. В городе сосредоточивались наши части; готовилось наступление на Ригу.

При ближайшем знакомстве с деятельностью немецкого солдатского Совета его поведение показалось странным. При внешней лояльности к нашему ревкому его руководство смертельно боялось революции. Оно не только не содействовало общению между солдатами двух армий, а, наоборот, всячески препятствовало «братанию» и было озабочено только одним: как бы поскорей оторваться от «большевистской заразы»...

...22 декабря эвакуация немецкого гарнизона была закончена и власть в городе (включая крепость) полностью перешла в руки ревкома. Для охраны порядка был сформирован отряд из учащихся средних учебных заведений, отряду было присвоено имя Анатолия Васильевича Луначарского.

Тем временем мы с Кацем занялись поисками путей получения дополнительной информации из-за рубежа.

Как уже отмечалось, поступавшие в Москву сведения

о событиях в Западной Европе были скудны, отрывочны и противоречивы. Иностранные газеты не приходили. Нужно было во что бы то ни стало наладить получение хотя бы германских и прибалтийских газет.

Пришлось прибегнуть к помощи контрабандистов. Кац через родственников связался с торговцами сахарином, и они согласились по сходным ценам снабжать нас немецкими, латышскими и русскими (белоэмигрантскими) газетами.

Уже через пару дней была получена первая пачка рижской периодики. Наскоро просмотрев ее и сообщив по телеграфу о важнейших фактах, мы с курьером ревкома отправили добычу в Москву. В последующие недели берлинские, кенигсбергские, рижские газеты одно-двух-трехдневной давности поступали почти регулярно...

Из них удалось выяснить, что происходит в Германии.

С первых дней ноябрьской революции мы возлагали огромные надежды на возникшие там Советы, в особенности на Берлинский Совет рабочих депутатов. Мы рассчитывали, что, опираясь на русский опыт, они будут бороться за установление рабоче-крестьянской власти.

Наши расчеты не оправдались.

Руководство Берлинского, как и большинства периферийных, Совета захватили правые социал-демократы, сторонники реакционных лидеров этой партии — Шейдемана, Эберта, Носке. И эти последние, вместе с соглашателями из так называемых «независимых» эсде, организовали новое германское правительство, ориентирующееся на буржуазию и враждебное Советской России.

Руководимый Карлом Либкнехтом и Розой Люксембург «Союз Спартака», несмотря на большую популярность в рабочих массах, оставался в Советах в меньшинстве и не был представлен в правительстве.

В министерствах и в армии продолжали орудовать кайзеровские чиновники и генералы, тормозившие развитие революции и собиравшие враждебные ей силы.

Насколько уверенно чувствовали себя генералы, можно было судить хотя бы по возмутительному инциденту с делегацией РСФСР, направлявшейся в Берлин на Всегерманский съезд Советов. После Двинска делегация по распоряжению германского командования была задержана и, несмотря на дипломатические протесты, не допущена в Германию, а выдворена обратно в Россию.

Уполномоченным Германии в Прибалтике оставался присланный еще Вильгельмом II социал-шовинист (впоследствии гитлеровец) А. Виннинг. Шейдемановское правительство под-

твердило его полномочия, и, обосновавшись в Риге, Виннинг всю свою энергию направил на создание «санитарного вала» против большевистской России.

В Латвии было сформировано буржуазно-националистическое правительство во главе с руководителем кулацкого «Крестьянского союза» Карлом Ульманисом. Оно опиралось сначала на штыки немецкой оккупационной армии, по мере эвакуации немцев Ульманис и компания, не порывая с Германией, обратились за помощью к странам Антанты. Помощь пришла в виде английской военной эскадры: один отряд кораблей высадил десант в Лиепае, другой — вошел в Рижский залив и бросил якоря в устье Даугавы, в нескольких километрах от Риги.

В Литве при поддержке тех же немецких оккупантов возникло еще в сентябре 1917 года правительство так называемой «Тарибы» (литовского буржуазно-националистического совета), также ориентирующееся на капиталистический запад и враждебное Советской России.

Обо всем этом мы узнали из зарубежной прессы и радиопередач, дополняемых рассказами перебежчиков из вражеского лагеря...

Но многое оставалось неясным, каждый день происходили изменения в обстановке, порой кардинальные, и более точные сведения о масштабах событий и взаимоотношениях социальных сил в оккупированной части Латвии мы получили позже, уже после освобождения Риги...

Между тем большие события, касавшиеся судьбы Прибалтики, происходили и по нашу сторону фронта.

Московское радио сообщило, что 4 декабря 1918 года в освобожденной части Латвии — в Валке (Валге) образовано Временное правительство Советской Латвии во главе с видным латышским политическим деятелем — большевиком П. И. Стучкой.

В опубликованном правительством манифесте торжественно провозглашалось восстановление в Латвии Советской власти.

Манифест был подписан председателем правительства П. Стучкой и его двумя заместителями — Ю. Данишевским и Я. Ленцманом.

Через несколько дней был опубликован декрет Совнаркома РСФСР за подписью В. И. Ленина о признании независимости Советской Латвии, а еще через день состоялось постановление ВЦИК о признании всех прибалтийских советских республик — Латвии, Литвы и Эстонии.

Одновременно началось широкое наступление Красной Армии в сторону Балтийского моря.

На латвийском участке фронта действовали переброшенные с востока советские латышские части. Это были преданные народу полки, гвардия пролетарской революции. Я не знаю, сколько латышских стрелков участвовало в гражданской войне. Но в 1918 году я встречал их всюду. В первые месяцы революции они охраняли Смольный, а после переезда Советского правительства в Москву — отвечали за безопасность Кремля. Латышская дивизия была крупным соединением Рабоче-Крестьянской Красной Армии. Латышские стрелки сражались с восставшим белочехословацким корпусом. Они сыграли решающую роль в ликвидации левоэсеровского мятежа в Москве. Такую же роль сыграл латышский бронедивизион во время муравьевского путча в Симбирске. В печати сообщалось о подвигах латышских стрелков при ликвидации правоэсеровских восстаний в Ярославле, Муроме, Рыбинске...

И вот теперь они шли освобождать землю своих отцов. Наступление велось с трех сторон — от Валки, Режицы, Двинска вдоль железнодорожных магистралей по направлению к Риге.

Трудно было с транспортом. В оккупированных немцами районах железнодорожная колея была перешита по западноевропейскому образцу, т. е. сужена на несколько сантиметров. А так как, эвакуируясь, немцы угоняли весь узкоколейный подвижной состав, то, дойдя до фронта, наши части вместе с обслуживающими их тылами принуждены были выгружаться из вагонов и двигаться гужевым транспортом. Лошадей и фуража не хватало, их приходилось реквизировать у местного населения.

...В конце декабря все чаще стали поступать вести о появлении в тылу противника красных партизанских отрядов и о вооруженных выступлениях рабочих.

Накануне нового, 1919 года мы узнали о вспыхнувшем в Риге стихийном восстании: четыре из семи имевшихся в распоряжении правительства Ульманиса «национальных» рот отказались выступить на фронт. Мятеж был подавлен наемниками из «железной дивизии» и ландесвера при активном участии английских военных кораблей. Тяжелая артиллерия англичан в течение часа обрабатывала солдатские казармы. Двести восставших было арестовано. Смешанный англо-немецко-латышский военный трибунал приговорил одиннадцать человек к расстрелу, девяносто — к тюремному заключению.

Через три дня в Риге, на сей раз под руководством подпольного военно-революционного комитета, вспыхнуло новое восстание: рабочие захватили центральный железнодорожный вокзал,

почту, телеграф, главное полицейское управление, освободили заключенных солдат.

После боев с частями «железной дивизии» и ландесвера (английская эскадра ушла накануне) к утру 3 января город перешел в руки рабочих. В этот же день на помощь им подоспели красные латышские стрелки, наступавшие на Ригу со стороны Валки.

Правительство Ульманиса и защищавшие его войска наемников панически отступили в район Лиепаи.

Рига снова стала советской. Вскоре туда переехало из Валки и правительство Латвии.

Прежде чем перебазироваться в Ригу, я решил побывать в освобожденной в эти же дни столице Литвы — Вильнюсе.

В Литве события развивались примерно в той же последовательности, что и в Латвии.

8 декабря 1918 года в противовес контрреволюционному правительству Тарибы литовские коммунисты организуют Временное революционное рабоче-крестьянское правительство во главе с В. С. Мицкявичюсом-Капсукасом.

16 декабря это правительство обнародывает манифест, провозглашающий образование независимой Литовской Социалистической Советской Республики, объявивший о низложении власти германских оккупантов, литовской Тарибы и других буржуазных комитетов и переходе всей власти в Литве в руки Советов.

Несколько дней часть членов правительства, включая Мицкявичюса-Капсукаса, жили и работали в Двинске, и это дало возможность мне познакомиться с руководителем литовских большевиков. Это был скромный, мягкий в обращении с людьми человек сорока лет, с небольшой бородкой клинышком. Талантливый писатель и журналист, старейший деятель литовского революционного движения, он пользовался заслуженным авторитетом не только среди передовой части рабочего класса, но и в широких кругах всей прогрессивной общественности Литвы.

Из бесед с Мицкявичюсом-Капсукасом и другими литовскими товарищами удалось получить более точные и более подробные сведения о последних событиях в оккупированной части республики.

21 декабря городской Совет Каунаса на своем первом заседании признал Временное революционное рабоче-крестьянское правительство единственным законным правительством Литвы и принял постановление о роспуске всех буржуазных организаций.

22 декабря Совнарком РСФСР признал независимость

Литовской республики и обязал все военные и гражданские власти Российской Федерации оказывать ему помощь.

Однако задержавшиеся по настоянию Антанты в Литве немецкие оккупанты поддержали белопольских легионеров и 1 января 1919 года помогли им захватить литовскую столицу, объявить ее польским городом и установить террористическую диктатуру...

На помощь трудящимся Вильнюса пришла Красная Армия. Уже через пять дней — 6 января — литовский Виленский полк и другие советские части выбили белополяков из города. Население восторженно встретило освободителей...

А 7 января правительство Литвы выехало из Двинска в освобожденную столицу.

По приглашению Мицкявичюса-Капсукаса с правительственным поездом выехали и мы, представители РОСТА. Впрочем, наименование поезда вряд ли соответствовало тем средствам передвижения, которые были предоставлены первому правительству Советской Литвы для переезда в столицу республики. И вряд ли какое-либо другое правительство путешествовало с меньшим комфортом!

Поезд состоял из старенького, давно списанного в утиль паровозика, и одного дребезжащего дачного вагона постройки прошлого века. Это все, что осталось из подвижного состава на железнодорожных путях после эвакуации немцев. Приведя поезд в рабочее состояние, железнодорожники предупредили:

— Ехать потихоньку можно. А доедете ли и когда — один бог знает. На всякий случай посылаем с вами бригаду ремонтников.

Двигались со скоростью десяти-пятнадцати километров в час. с многочисленными остановками для заправки водой и пополнения топливом. В вагончике было тесно и холодно. На площади, рассчитанной на тридцать пассажиров, разместилось втрое больше. Сидели на остатках мягких диванов (вагон был некогда 1-го класса), на чемоданах. на полу.

Мы с Кацем, как самые молодые, забрались под потолок — в узкие рваные сетки для ручного багажа (все тело ныло от впившихся в бока чугунных кронштейнов). Печки не было, и в январский мороз в продуваемом через десятки щелей вагончике было ненамного теплее, чем под открытым небом.

175 километров, отделяющих Двинск от Вильнюса, ползли не меньше пятнадцати часов. И когда утром 8 января продрогшие и полубольные выбрались, наконец, из своего холодильника на перрон вильнюсского вокзала, почувствовали себя счастливейшими из людей.

Вильнюс — первый из западных городов бывшей Российской империи, который мне довелось увидеть. Он произвел незабыва-

емое впечатление красотой и своеобразием своей архитектуры — замком Гедиминиса, костелом Анны, ратушей, очаровательными кривыми улочками старого города. Необычной была и уличная толпа: язык и манера поведения.

Но город еще не остыл от недавних боев. Сражения продолжались в нескольких десятках километров к западу и северу. Звуки артиллерийских выстрелов напоминали о близости фронта.

Только что прибывшее правительство и только что вышедший из подполья горсовет лишь приступали к наведению элементарного порядка — восстановлению работы электростанции, трамвая, снабжения населения продовольствием.

Пока не было телеграфной связи с Москвой. И никто не мог сказать, когда удастся ее наладить. Во всяком случае в ближайшее время Вильнюс явно не годился в качестве резиденции прибалтийского отделения РОСТА. И, поручив, по рекомендации литовских товарищей, одному из местных журналистов представлять РОСТА при правительстве Советской Литвы, мы после двухдневного пребывания в Вильнюсе вернулись в Двинск. А еще через день, присоединившись к одному из воинских эшелонов, выехали по направлению к Риге.

Нужно отдать должное прибалтийским железнодорожникам, показавшим в эти дни чудеса оперативности.

Только отошел последний немецкий эшелон — они тотчас же приступили к перешивке магистрали Двинск — Рига на восточноевропейскую (широкую) колею. И эти работы велись безостановочно — вслед за продвижением Красной Армии.

Уже через несколько дней после освобождения Риги магистраль на всем протяжении была готова для приема наших поездов. До восстановления пассажирского движения было еще далеко, станции были забиты воинскими эшелонами, ехали, как и везде в прифронтовой полосе, со скоростью нескольких десятков километров в сутки.

На одной из остановок, где-то в районе Крейцбурга, встретил Эдуарда Тиссе. Оба очень обрадовались и, несмотря на свойственную нам обоим сдержанность, расцеловались.

— Какими судьбами?! Куда?

Он ехал в том же направлении в служебном вагоне члена Реввоенсовета Латвийской советской армии. Тиссе познакомил меня с хозяином вагона — видным военным работником Пече, и тот по просьбе Эдуарда разрешил мне и Кацу перебраться в свободное купе. В сравнении с прошлым годом Тиссе показался мне более подвижным: на каждой стоянке выскакивал из вагона, явно торопился. Это была его родная Латвия. Здесь почти

мальчиком он научился фотографии, а затем начал крутить ручку кинокамеры. Здесь, как раз в районе Крейцбурга, полтора года назад снимал братанье русских и немецких солдат. Эдуард рвался вперед — в Ригу и еще дальше, в Лиепаю — город, где провел детство и юность.

По просьбе Тиссе нас троих — его, меня и Каца — перебросили в передовой эшелон, и через день мы въехали в Ригу.

Тиссе тотчас же занялся поисками части, отправлявшейся в сторону Лиепаи, а мы пошли в ревком для регистрации и получения жилплощади.

— Жилье ищите сами,— сказал нам комендант города,— в гостиницах тесно, а пустых буржуйских квартир сколько угодно. Найдете — выдадим ордер...

Расположившись временно в неуютном и холодном номере, я сел за корреспонденцию, а Кац пошел на разведку.

К вечеру — с помощью здешних родственников — он нашел недалеко от центра превосходную, отлично обставленную квартиру, по площади достаточную и для будущего отделения РОСТА, и для жилья сотрудников.

Получив в ревкоме ордер на квартиру, приступили к формированию отделения РОСТА.

За исключением петроградского, это был первый филиал Российского телеграфного агентства на периферии. Нужно было самостоятельно определить масштабы и методы работы, установить структуру и штаты, наладить взаимоотношения с республиканскими партийными и советскими организациями.

В связи со сложностью военной обстановки решено было временно отказаться от плана создания прибалтийского межреспубликанского отделения и ограничить круг деятельности пределами Латвии.

Рижский филиал должен был:

а) регулярно передавать в Москву информации о жизни республики, а также все сведения, которые удастся получить, о положении в Германии и других странах центральной и восточной Европы;

б) выпускать «Бюллетень» для газет и журналов Советской Латвии. В нем печатать сообщения московского «Радиовестника», выдержки из зарубежных радиопередач, репортажи о событиях в республике.

В административно-организационном отношении рижское отделение подчинялось Москве и оттуда же финансировалось. Но мы поддерживали тесный контакт с правительством Латвийской советской республики и работали под его политическим руководством...

Рига января 1919 года производила, по крайней мере на лю-

дей, как и я, впервые попавших в этот город, двойственное впечатление.

В яркий солнечный день в светлом снежном наряде ее центральные площади, парки, широкие улицы и старые кварталы очаровывали гармонией архитектурных форм, богатством и ухоженностью. В сравнении с запущенными и обшарпанными улицами Москвы, Самары, Казани тех лет Рига поражала чистотой и порядком. Удивляла нас дисциплинированность уличной толпы, деловитость и корректность служащих в учреждениях и продавцов в магазинах.

На окраинах, в рабочих районах и кварталах, заселенных ремесленниками, все выглядело скромнее, а местами просто убого. Но сохранялась чистота улиц, дисциплинированность прохожих, упорядоченность движения.

Длинными январскими вечерами город казался хмурым и суровым. Темные или чуть освещенные коптилками окна домов, пустынные площади, редкие прохожие.

Как и в Вильнюсе, чувствовалось близкое дыхание фронта. Не хватало электроэнергии, топлива, хлеба. Экономика города и республики находилась в состоянии жесточайшей разрухи.

Война и немецкая оккупация нанесли неисчислимый ущерб Латвии и ее народу. Население Риги сократилось больше чем вдвое. Из ста тысяч квалифицированных рабочих в республике осталось меньше трех тысяч.

Народ голодал. Во многих местах пекли хлеб с древесной корой, с желудями.

Упоминая весной 1919 года о положении в Латвии, Владимир Ильич охарактеризовал его как невероятно трудное. «Большая часть страны,— сказал он,— переживала такие бедствия, о которых московские рабочие не имеют представления,— бедствия нашествия и многократного опустошения деревень движущимися толпами войск». Все это не могло не сказываться на самочувствии людей. И тем не менее у коммунистов, в рабочих районах, в красноармейских частях настроение было приподнятым, боевым, наступательным.

Продолжалось успешное продвижение красных латышских стрелков на запад — в направлении Тукумса, Венспилса, Лиепаи.

Настроение поддерживалось и вестями с востока, с фронтов других братских республик: продолжалось освобождение Украины и Белоруссии, начинались наступательные действия Красной Армии на Урале и в Сибири.

В этой обстановке 13 января 1919 года открылся I Вселатвийский съезд Советов рабочих, безземельных и стрелковых депутатов.

...Съезд работал в крупнейшем театральном здании столицы

Латвии — Рижском театре оперы и балета. Зал был набит до отказа: рабочие в черных пальто и куртках, солдаты в серых шинелях, крестьяне — в полушубках.

На съезд прибыл из Москвы председатель ВЦИК Я. М. Свердлов.

13 января в 8 часов вечера при тусклом свете лампочек на сцену вышел Петр Иванович Стучка.

Во вступительном слове Стучка коснулся истории революционного рабочего движения Латвии. Он начал с личных воспоминаний, придавших выступлению сердечность и теплоту.

— Когда двадцать пять лет назад я впервые услышал о коммунистическом учении, я не надеялся, что мне придется быть свидетелем претворения этой великой теории в жизнь. Но я просчитался: история опередила мои мечты.

Теперь мы научились планировать точнее,— с юмористической ноткой продолжал Стучка.— Когда месяц назад в беседе с Яковом Михайловичем Свердловым мы обсуждали вопрос о возможной дате созыва Вселатвийского съезда Советов, я назвал 13 января. Яков Михайлович высказал сомнение в реальности этого срока, но обещал непременно быть на открытии съезда.

Как видите, мы оба оказались пунктуальными: и съезд открывается 13 января, и товарищ Свердлов с нами.

Почетными председателями были избраны В. И. Ленин, Р. Люксембург, К. Либкнехт и другие видные деятели мирового революционного движения.

От имени ВЦИК Российской Федерации выступил Я. М. Свердлов.

— Я приветствую в вашем лице те массы,— обратился он к переполненному залу,— которые в борьбе за попранные германским империализмом права подготовили наш нынешний праздник.

С горячей и искренней благодарностью оратор напомнил о революционных заслугах латышского рабочего класса и латышских стрелков.

— Мы тесно связаны с Красной Латвией. Тысячи ваших лучших товарищей, выгнанные отсюда полчищами германского империализма, там, на территории Советской России, сохраняли в целости свои организованные силы и вместе с нами боролись против общего врага...

Выступление Свердлова потонуло в громе горячих и длительных аплодисментов.

Съездом были заслушаны доклады: о деятельности правительства Советской Латвии, о международном положении, о Красной Армии, по аграрному вопросу.

Съезд единодушно одобрил деятельность правительства, ут-

вердил манифест от 17 декабря 1918 года и объявленную в нем программу революционных преобразований, принял Конституцию Советской Латвии. В основу последней была положена Конституция РСФСР с некоторыми изменениями в правительственной структуре и системе выборов.

Красной нитью через все высказывания делегатов проходила мысль о неразрывности братской связи новой советской республики с Советской Россией. В специальной резолюции съезд поручил правительству разработать основы взаимоотношений с РСФСР, исходя из единодушного признания необходимости теснейшего союза трудового народа Латвии с другими советскими народами.

На заключительном заседании был избран Центральный исполнительный комитет республики из 60 членов и 20 кандидатов.

Съезд явился важнейшей вехой в утверждении новой социалистической государственности в Латвии.

14 января в перерыве между заседаниями съезд в полном составе принял участие в похоронах жертв рижского вооруженного восстания. В торжественной обстановке на центральной площади города были похоронены двадцать семь коммунистов, павших в боях за освобождение Риги. В их честь площадь была переименована в площадь Коммунаров.

По окончании съезда латышские большевики с утроенной энергией взялись за наведение порядка и социалистическое переустройство жизни освобожденной части республики. Используя опыт РСФСР, они торопились наверстать упущенное.

Нельзя было не восхищаться энергией, трудолюбием, энтузиазмом коммунистов и беспартийного актива, которые в условиях войны и величайшей экономической разрухи создавали органы власти, налаживали хозяйство, строили новую народную культуру.

Уже в первые недели после освобождения Риги была проведена национализация промышленных и торговых фирм, транспорта, банков.

Были установлены восьмичасовой рабочий день и пенсионное обеспечение трудящихся, осуществлена конфискация помещичьих хозяйств и национализация всей земли.

Огромная и плодотворная работа была проведена в области культуры и просвещения.

За те несколько месяцев, которые я проработал в Риге, буквально не было дня, который не приносил бы больших, принципиальных, проникнутых социалистическим духом преобразований.

Была полностью реорганизована сеть образовательных учреждений, учреждена Центральная государственная библиотека

Советской Латвии, основан Латвийский государственный университет.

В эти же немногие месяцы усилиями выдающегося пролетарского писателя Андрея Упита, заведывавшего в то время отделом искусств комиссариата просвещения, при активном участии прогрессивной латышской интеллигенции создаются Первый рабочий театр Советской Латвии, Государственный оперный театр, Академия художеств, республиканский музей изобразительных искусств; готовилось открытие государственной консерватории.

Несмотря на трудности с бумагой, ведется большая издательская деятельность, в частности готовится выпуск сочинений М. Горького и Я. Райниса.

Уже первые месяцы созидательной деятельности свидетельствовали об огромном запасе творческих сил, накопленных полуторамиллионным латышским народом и освобожденных Октябрьской революцией из-под гнета царских чиновников, немецких баронов, собственной буржуазии.

На протяжении января сводки о положении дел на ближайших фронтах не внушали опасений. После освобождения Риги красные латышские стрелки продвигались на запад и северо-запад.

К концу месяца Советская власть была установлена на территории почти всей Латвии, за исключением Лиепаи и прилегающего к ней небольшого района. Под защитой английской эскадры там окопалось правительство Ульманиса. Туда же бежали потрепанная «железная дивизия», остатки ландсвера и другие наемники.

Операции против них развивались успешно, и можно было ждать скорого освобождения Лиепаи.

Сохранившиеся в Риге буржуа и мещане приуныли и все надежды на возвращение капитализма связывали с иностранной военной интервенцией.

Просматривая газетные вырезки того времени, я нашел несколько своих фельетонов, печатавшихся в «Рижской правде». В одном из них высмеивались прибалтийские обыватели из «бывших»: сидят у моря и до боли в глазах всматриваются в горизонт, не идет ли на помощь давно обещанный американский флот? Вечером разочарованные возвращаются домой: опять обманули!..

Уверенные в близкой победе социалистической революции в Европе, мы были убеждены, что дело буржуазии в Латвии проиграно окончательно и бесповоротно.

Однако вскоре поступил сигнал, предупреждавший об опасности. И он прозвучал оттуда, откуда его меньше всего ждали. Наше внимание было приковано к западу и северо-западу, к рай-

ону Лиепаи, а удар последовал с противоположной стороны — с северо-востока, с эстонской границы в районе Валги.

Неожиданно в первых числах февраля в этот район вторглись из Эстонии белоэстонские и белолатышские банды и, оседлав железную дорогу, прервали связь Латвии с Псковом и Петроградом.

Как выяснилось, Антанте удалось в Эстонии не только укрепить местное буржуазно-националистическое правительство, но и сформировать контрреволюционную армию, в которую, помимо эстонских и латышских белогвардейцев, вошло несколько тысяч шведских и финских «добровольцев».

Там же, в Эстонии, ускоренными темпами шло формирование так называемого «северного корпуса» из русских белогвардейских офицеров под командованием генерала Родзянко, готовившего поход на Петроград.

Эстония, таким образом, превратилась в плацдарм Антанты для наступательных действий против советских республик.

Внезапный прорыв под Валгой поставил под угрозу не только северо-восточные уезды, но и всю Латвию.

5 февраля правительство Латвии объявило республику на осадном положении. В район Валги были брошены свежие красноармейские части, и фронт удалось удержать.

Однако уже через несколько дней возникла новая и еще более грозная опасность. На сей раз со стороны Лиепаи. Здесь Антанта вместе с немецкими генералами сформировала крупную военную группировку под командованием душителя финской революции генерала фон дер Гольца. В нее вошли остатки германских оккупационных войск, «железная дивизия», ландесвер, русские белогвардейские отряды под командованием князя Ливена, всего, по данным разведки, около 40 000 человек, что значительно превышало силы красных стрелков.

Таким образом, республика оказалась в клещах: с севера и северо-востока — белоэстонская армия с резервом в виде русского белогвардейского корпуса Родзянко, с запада и северо-запада — армия фон дер Гольца.

Недобрые вести шли и со стороны Польши, где организованные при поддержке французских империалистов войска Пилсудского наступали на Советскую Литву и угрожали Двинску и всей Латгалии.

Положение осложнялось тем, что армия Советской Латвии испытывала огромный недостаток в вооружении, боеприпасах, одежде, продовольствии. А РСФСР и другие советские республики, до предела напрягавшие силы в борьбе с Колчаком и Деникиным, не могли оказать большой помощи. И когда в конце февраля фон дер Гольц перешел в широкое наступление, крас-

ные стрелки, несмотря на героическое сопротивление, принуждены были отойти к Риге. В начале марта был оставлен Вентспилс, в середине месяца — Тукумс и Елгава. Врага удалось задержать лишь в тридцати километрах от столицы республики. В тихую погоду мы ежедневно слышали артиллерийскую канонаду.

Наступление на Ригу было составной частью объединенного похода Антанты против советских республик.

Над армией Советской Латвии нависла опасность окружения.

Решено было приступить к эвакуации Риги и свертыванию учреждений, не связанных прямо с обслуживанием фронта. Были прекращены занятия в школах, закрыта часть зрелищных предприятий, перестало выходить большинство газет. Встал вопрос о целесообразности дальнейшей работы отделения РОСТА. Сначала было прекращено издание бюллетеней (информация стала поступать в редакцию органа ЦК Компартии газеты «Циня»), а затем, по согласованию с Москвой, сильно урезанные функции отделения были переданы организованному при Совнаркоме республики Бюро печати.

Так закончилась моя работа в Риге. Эта работа расширила и наполнила конкретным содержанием мои, до того несколько абстрактные представления о национальной политике нашей партии и о диалектике национального и интернационального в социалистической революции. Выросший в России и на Украине, я в Латвии впервые познакомился с жизнью, бытом, характером народа, во многом отличного от русских и украинцев, по историческим судьбам, географической среде, языку, культуре испытавшего большее влияние положительных и отрицательных сторон Западной Европы. Но я понял, что, несмотря на различия, трудящиеся борются за те же социальные идеалы, считают русских и украинских рабочих и крестьян своими товарищами, друзьями и братьями.

Здесь, в Риге, я сделал шаг вперед в своей журналистской квалификации. Если раньше я трудился в качестве «вольного стрелка», корреспондента-одиночки, отвечающего только за себя, либо в редакционных коллективах под повседневным попечением более квалифицированных газетчиков, то теперь я приобрел опыт самостоятельного руководства информационным учреждением республиканского масштаба в сложных, близких к фронтовым, условиях.

Наконец, Рига памятна мне еще по одному событию, сыгравшему немалую роль в моей личной жизни. Ликвидировав отделение и передав помещение и имущество представителю Бюро печати республиканского Совнаркома, мы с Кацем в последних числах марта погрузились в один из отбывавших на восток же-

лезнодорожных эшелонов. На вокзале нас провожали несколько бывших сотрудников РОСТА. И среди них переводчица Полина. Дочь мелкого местного торговца, она по окончании гимназии усовершенствовалась в немецком языке, искала работу и по рекомендации Каца была зачислена в штат отделения.

С первых дней знакомства мы почувствовали симпатию друг к другу и в свободные часы часто встречались: гуляли по городу, бывали в театрах, по воскресеньям ходили на лыжах. Полина познакомила меня со своими родителями — патриархальными еврейскими обывателями, принявшими «московского большевика» не очень приветливо. Второй раз я наотрез отказался зайти к ним. Несмотря на крепнувшее чувство, наши отношения с Полиной не выходили за пределы юношеской дружбы. Но расставаться было грустно. Никто не знал, как развернутся события, скоро ли и удастся ли вообще встретиться.

Поезд медленно тронулся. И, вскакивая на ступеньку вагона, я, шутя, крикнул:

— Поля! А может быть, поедем в Москву?!

Она рванулась вперед, схватилась за поручни вагонной лесенки, и я поднял ее в тамбур.

Таким экстравагантным способом Полина покинула Ригу...

Из Двинска, где мы задержались на несколько дней, она дала телеграмму родным, что уезжает в Москву и просит ее простить. Ответа она не получила, но дальние родственники известили, что мать прокляла ее за бегство.

Через два месяца Полина стала моей женой...

В Москве меня ждало новое задание: выехать в Харьков уполномоченным РОСТА в восточной (левобережной) Украине.

Задание пришлось по душе. Я родился в Донбассе, учился и прожил до шестнадцати лет в Изюме. Там до сих пор оставались отец, мать, с которыми я не виделся больше года.

Я не раз бывал в Харькове, Екатеринославе (Днепропетровске), Александровске (Запорожье), говорил и читал по-украински. Мне будет легко ориентироваться в обстановке.

На сбор был дан недельный срок. Я использовал эту неделю, чтобы получше разобраться в последних политических событиях.

Москва весны 1919 года жила сводками с многочисленных фронтов гражданской войны, известиями о продолжающемся революционном подъеме на западе, только что состоявшемся Учредительном конгрессе Коминтерна.

Военные сводки отличались пестротой и изменчивостью: выдающиеся победы на одних фронтах соседствовали с тяжелыми поражениями на других.

Продолжалось стремительное освобождение правобережной Украины: громя петлюровские банды, наши части быстро продвигались к границам Галиции и Польши. Но в Донбассе бои шли с переменным успехом, и мы уже несколько недель топтались на месте.

На Восточном фронте Красная Армия перешла к обороне.

Столь же противоречивыми были и известия из Западной Европы. В Германии, Австрии, Чехословакии не прекращались бурные забастовки, демонстрации, выступления рабочих под революционными лозунгами.

21 марта в Венгрии была провозглашена Советская республика.

13 апреля Советская республика была объявлена и в Баварии.

Но в Берлине спартаковское восстание было подавлено, и в большинстве германских земель господствовали социал-предатели, опиравшиеся на буржуазию, обывателей и реакционную военщину.

Чувствовалось, что рабочему классу на западе недостает опытных, закаленных в боях марксистских партий, способных возглавить революцию и привести к победе.

Закончившийся месяц назад первый конгресс Коминтерна был огромным шагом вперед по пути создания таких партий. Возникла международная революционно-пролетарская организация нового типа, боевой штаб мирового коммунистического движения.

Крупнейшим событием весны 1919 года явился и VIII съезд РКП(б), принявший ряд важных решений и утвердивший новую программу партии.

...Побеседовав с Л. Старком, В. Ерофеевым, друзьями по РОСТА и запасшись вышедшей за последние месяцы политической и художественной литературой, в начале апреля я вместе с Полиной (ее разрешено было взять в качестве секретаря-машинистки) выехал в Харьков.

С транспортом к этому времени стало еще хуже. В целях увеличения доставки продовольствия и топлива специальным постановлением Совнаркома почти на месяц (с 18 марта по 10 апреля) по всей республике было полностью прекращено пассажирское сообщение.

Пришлось искать оказию.

Удалось примкнуть к группе направлявшихся в Харьков украинских руководящих работников. В распоряжение группы был предоставлен служебный вагон, который железнодорожники обязаны были прицеплять к первоочередным воинским эшелонам. В нем за два дня мы добрались до Харькова.

В дороге познакомился с замечательным человеком — Григорием Ивановичем Петровским.

Старейший большевик, участник революционного рабочего движения с конца XIX века, Петровский имел за плечами свыше двух десятилетий партийной работы, многократные аресты, тюрьмы, ссылки. В годы реакции был одним из четырех социал-демократов-большевиков, избранных в IV Государственную думу. В начале первой империалистической войны вместе с другими депутатами-большевиками он был арестован, осужден и сослан в Туруханский край. В 1917 году активно участвовал в подготовке и проведении Октябрьской революции, затем работал народным комиссаром внутренних дел. Недавно его избрали Председателем Всеукраинского центрального исполнительного комитета Советов (ВУЦИК), и он ехал к месту новой работы.

Несмотря на суровую, полную борьбы и лишений жизнь, Григорий Иванович сохранил удивительную душевную мягкость, деликатность, внимательность к людям, ту исключительную человечность, которая покоряла в М. И. Калинине, Н. К. Крупской, П. Г. Смидовиче и других ленинцах, с которыми мне приходилось общаться в разные годы.

Среднего роста, с чеховской бородкой и мягким внимательным взглядом, Г. И. Петровский походил больше не на политического деятеля, а на врача или писателя. Говорил спокойно, без аффектации, не повышая голоса.

— Вас интересуют первоочередные задачи на Украине? — спросил Григорий Иванович, когда, улучив минуту, я попросил его поделиться своими соображениями о текущем моменте.— Разумеется, прежде всего освобождение от остатков гайдамаков, петлюровцев и других контрреволюционных банд.

Что же касается мирных дел, то ближайшая насущная задача в освобожденных районах — быстрейшее создание органов Советской власти в городах, уездах, волостях, селах. Без этого невозможно ни поддержание порядка, ни решение хозяйственных вопросов. Нужно добиться строжайшей дисциплины. Нужна,— и здесь в тихом голосе Петровского послышались суровые нотки,— нужна беспощадная борьба с анархическими выступлениями, с партизанщиной, с самостийными атаманами. А их на Украине пруд пруди... Ну, и, конечно, нужно всемерно крепить братский союз с Советской Россией и с новой советской республикой — Венгрией.

К сожалению, это краткое интервью было единственной моей беседой с Григорием Ивановичем. С весны 1919 года и в течение последующих двадцати лет председатель ВУЦИК Петровский постоянно жил на Украине, и судьба не давала мне поводов для новой встречи.

В Харькове, который на протяжении нескольких месяцев после освобождения от немцев оставался временной столицей Советской Украины, мы не застали ни ЦК КП(б)У, ни Совнаркома — они только что переехали в Киев. Но многие республиканские учреждения и центральные хозяйственные и культурные организации продолжали работать в городе. Здесь же я обнаружил недавно созданное Бюро украинской печати (сокращенно БУП), выполнявшее функции, аналогичные функциям РОСТА. Им руководил мой старый знакомый Илья Стрелков.

Дважды в день БУП выпускало информационные бюллетени для периодической печати, в которые включались материалы, поступавшие из ЦентроРОСТА, с добавлением репортажей и телеграмм о событиях в Харькове, Киеве и на периферии республики.

Связи с местами только-только налаживались, сеть собственных корреспондентов еще не была создана. Редакции харьковских газет единодушно жаловались на слабость информационной службы.

Сразу же передо мной, как и перед Стрелковым, встал вопрос: целесообразно ли существование на Украине двух информационных агентств? Не возникнет ли параллелизм и трения в работе? И если нецелесообразно, то что предпочтительно — БУП или РОСТА?

Решить этот вопрос могли только руководящие республиканские инстанции. Отправив в Москву докладную записку и несколько обзорных корреспонденций о положении в Харькове и ближайших к нему районах, я выехал в Киев...

...В этот чудесный город на Днепре я попал впервые, и он сразу и навсегда покорил меня. После пыльного, грязного, запущенного Харькова (каким он был в те годы) я очутился на просторных, чистых, обсаженных цветущими каштанами улицах. Вместо мутной харьковской речушки с непривлекательным наименованием Лопань — могучий красавец Днепр. Город был полон зелени, цветов и солнца. Казалось, он улыбался нам.

Вопрос о БУПе и РОСТА согласовывался в высших инстанциях, а мы с Полиной бродили по уютным киевским переулкам, знакомились с достопримечательностями, посещали театральные спектакли. Были потрясены марджановской постановкой «Фуэнте Овехуна». Постановка навсегда вошла в историю советского театра как один из шедевров русского сценического искусства.

С недоумением смотрели формалистические опусы в кабаре под претенциозным названием «ХЛАМ» (расшифровывавшимся, впрочем, вполне благопристойно: Художники-Литераторы-Артисты-Музыканты). С противоречивым чувством взирали на заумные эксперименты в театрике «Арлекин». При всей мудрености

режиссерских замыслов, так и не доходивших до большинства зрителей, в них было много яркого, задорного, красочного. (Лишь много лет спустя я узнал, что руководителями и главными заводилами «Арлекина» были пятнадцатилетние мальчики, начинающие художники, выросшие позже в крупнейших советских киномастеров — Григорий Козинцев и Сергей Юткевич.)

Оптимистически звучали последние газетные сообщения — военные сводки и вести с запада. На ближайших к Киеву фронтах были освобождены Одесса, Мариуполь, Крым, на правобережной Украине — Житомир, Каменец-Подольск, в Литве — Паневежис.

В Одессе были захвачены огромные запасы оружия, продовольствия, боеприпасов. Французская и греческая эскадры принуждены были поспешно ретироваться восвояси.

Судя по печати, появились нотки сомнения в победе над Советской Россией и у самых ярых лидеров империалистической интервенции. Я до сих пор храню две любопытнейшие вырезки из газет того времени. В одной — отрывки из выступления в английской палате общин Уинстона Черчилля:

«Что может сделать генерал Деникин с армией, в которой 30 000 офицеров командует 50 000 солдат? Все хотят быть офицерами, никто не хочет быть солдатами...»

И это наводит Черчилля на грустные размышления:

«По моему мнению, только тремя способами можно водворить порядок среди русского хаоса.

Во-первых, это вмешательство союзных войск; во-вторых, если мысль о вмешательстве оставлена, сразу разрубить гордиев узел, т. е. признать большевистское правительство; и, наконец, третье, заставить Германию водворить порядок в России».

Но, заключал Черчилль, «по моему мнению, теперь немыслимо ни первое, ни третье решения этого вопроса, так что остается только второе».

Вторая вырезка — выступление другого столпа английской буржуазии, лидера либеральной партии и премьер-министра коалиционного правительства Великобритании Ллойд Джорджа.

Один из главных застрельщиков интервенции, он, однако, начинает колебаться. С одной стороны, он непримирим:

«Советская Россия — не Россия, ибо в ней хаос и анархия. О признании России не может быть и речи, ибо нет правительства, представляющего всю Россию. Большевистское же правительство так провинилось перед подданными Антанты, что признать его нельзя. Кроме того, большевики теперь теснят друзей Антанты — Колчака и Деникина».

Тогда, следовательно, нужно продолжать интервенцию? Нет! Ллойд Джордж решительно против интервенции, и не по одной,

а трем причинам. Во-первых, не краснея утверждает он, «Англия всегда придерживалась принципа невмешательства во внутренние дела других стран, как бы плохо ни было их правительство»; во-вторых, «практические трудности наступления на Россию невероятны. Россия, правда, видела врага на своей территории, но никогда не была завоевана чужой державой»; в-третьих, и тут премьер становится совсем откровенным: «большевистское учение приводит меня в ужас, но я предпочитаю предоставить Россию большевикам, чем довести Англию до банкротства, которое явится неизбежным следствием интервенции. Банкротство же вернейшее средство распространения большевизма и на Англию».

Не знаю, говорили ли Черчилль и Ллойд Джордж то, что думали, или их выступления были хитрым дипломатическим ходом, дезинформацией, но мы, молодые коммунисты, принимали эти речи за чистую монету, расценивали их как признак полного провала интервенции и были уверены в разгроме белогвардейщины.

Ближайшие месяцы обнаружили, как мы заблуждались: за дымовой завесой парламентских выступлений готовился новый поход Антанты...

Враг оказался сильней и коварней, чем мы представляли. Вскоре положение на фронтах снова осложнилось.

На Западном фронте, где до сих пор мы успешно наступали, пришлось перейти к обороне.

Тяжелые бои в Донбассе закончились отходом частей Красной Армии на север, в направлении Харькова. Но самые тревожные вести шли с далекого Восточного фронта: под давлением перешедшего в наступление Колчака советские войска оставили Стерлитамак, Сарапул, Орск...

Об этих нерадостных фактах мы узнавали из киевской печати и бюллетеней БУП. Но о подлинных масштабах нависшей над революцией опасности стало известно из (прибывавших в Киев с большим опозданием) московских и петроградских газет и опубликованного в них письма В. И. Ленина петроградским рабочим о помощи Восточному фронту и «Тезисов ЦК РКП(б) в связи с положением Восточного фронта».

Охарактеризовав надвигавшуюся с востока грозную опасность, В. И. Ленин и ЦК партии призывали партию и профсоюзы мобилизовать все силы на помощь Восточному фронту. Требовалось крайнее напряжение революционной энергии.

Газеты сообщали о массовых партийных мобилизациях на укрепление армии.

Московский горком РКП(б) принял решение о посылке на

Восточный фронт большой группы руководящих партийных работников.

Петроградский губком отправил на фронт двести человек из партийного актива, а общее собрание коммунистов Питера приняло решение о мобилизации на Восточный фронт 20 процентов городской парторганизации.

Аналогичные известия поступили из Самары, Курска и других городов.

Все свидетельствовало о чрезвычайной серьезности военного положения...

В свете этих грозных событий вопрос, быть ли на Украине РОСТА или БУП, стал второстепенным. Руководящим организациям Украины было не до него.

Моя попытка ускорить решение вопроса через Москву также не увенчалась успехом.

В РОСТА произошла смена руководства: Л. Н. Старк был мобилизован ЦК партии и назначен членом Реввоенсовета одной из армий Восточного фронта. На тот же фронт уехали В. Ерофеев и еще несколько руководящих работников РОСТА.

Новое руководство только входило в курс дел и предлагало подождать. Таким образом, я уже три недели находился в «подвешенном» состоянии...

Ждать в сложившейся обстановке я считал недопустимым. И, поставив ЦентроРОСТА в известность о своем намерении вступить в армию, я через Киевский горком партии был направлен в Политотдел Украинского наркомата по военным делам.

Там ознакомились с моей биографией и выдали путевку во вновь формирующуюся 5-ю украинскую стрелковую дивизию. Меня информировали, что это не рядовая дивизия, а часть, предназначенная для выполнения особого задания, она готовится к наступлению на запад — в Галицию и дальше на соединение с Венгерской Красной Армией.

Дивизии предстояло действовать самостоятельно, и по приказу наркомвоена Украины (тогда им был Н. И. Подвойский) она формировалась не по обычному штатному расписанию, а по штатам корпуса. В частности, ей полагалась собственная газета с вагоном-типографией. Организатором и редактором газеты мне и предложено было стать.

Я горячо взялся за дело.

Прежде всего познакомился с комиссаром дивизии — коренастым матросом лет тридцати Сергеем Ураловым. Волевой и напористый, участник штурма Зимнего дворца, он второй год воевал на суше, побывал на разных фронтах, очень радовался тому, что в дивизии будет своя газета.

С помощью Уралова удалось в кратчайший срок оборудовать

небольшую, но по тому времени отличную полиграфическую базу на колесах. Реквизировали на Крещатике одну из частных типографий, получили у железнодорожников только что отремонтированный пассажирский вагон с мягкими рессорами (так называемый «пульман») и, сломав перегородки, разместили в нем все необходимое для издания газеты: наборный цех, плоскую печатную машину, «американку» для размножения листовок, складские помещения; два купе оставили под жилье рабочим.

Редакция разместилась в товарном вагоне.

Штат типографии укомплектовали из добровольцев, работавших ранее у частника.

Некоторые трудности встретились при формировании редакции. Нам полагались три единицы. Две из них — редактор и секретарь-машинистка (Полина) — были, а вот заведующего редакцией, как мы ни бились, не могли найти.

Много журналистов местных или по разным причинам перекочевавших сюда из Москвы и Петрограда предпочитали выжидать, чем все это кончится. Служили в учреждениях, писали в ведомственных изданиях. Но идти в красноармейскую газету? Боже упаси!..

Не было подходящих кандидатур и в резерве Политуправления.

Между тем, пока шло формирование дивизии, военно-политическая обстановка на Украине резко ухудшилась. Вспыхнуло и быстро охватило ряд губерний восстание атамана Григорьева.

Бывший гетманский, а потом петлюровский офицер, он после разгрома петлюровской армии вместе со своими отрядами перешел на сторону Советской власти. Отряды были реорганизованы в дивизию, и во главе ее Григорьев участвовал в освобождении Одессы. Начал приобретать популярность как один из талантливых командиров украинской Красной Армии.

И тут Григорьев вообразил себя большим политическим деятелем, новым Бонапартом. Опубликовал собственный «Манифест» («Универсал»), в котором провозглашал кулацко-эсеровские лозунги и призывал украинское крестьянство к сопротивлению Советской власти.

Обосновавшись в Александрии — небольшом степном городке между Кременчугом и Елисаветградом,— Григорьев отказался выполнить приказ командования о выступлении на фронт и двинул свои полки вдоль железнодорожных магистралей в нескольких направлениях. За три-четыре дня он овладел Екатеринославом, Кременчугом, Херсоном, Николаевом. Мятеж захлестнул обширные районы Екатеринославской и Херсонской губерний, григорьевцы вплотную подступили к Киеву и Харькову.

Но Григорьев просчитался: трудовое крестьянство, а на него главным образом и рассчитывал кулацкий атаман, не пошло за изменником. Даже часть его полков отказалась воевать против Советской власти. И это позволило отрядам донецких и харьковских рабочих и деревенской бедноты вместе с подоспевшими с фронта регулярными частями быстро ликвидировать восстание.

В конце мая после ожесточенных боев сдались советским войскам последние отряды Григорьева, а сам атаман бежал к Махно и вскоре был убит.

Мятеж Григорьева нанес колоссальный ущерб нашим фронтам. Нарушение на больших пространствах железнодорожной и телеграфной связи, расстройство военного и продовольственного снабжения, введение в бой резервов, предназначавшихся для других целей,— все это не могло не сказаться самым пагубным образом на ближайших театрах военных действий.

Особенно тяжелое положение сложилось на фронте, обращенном против Деникина. Вместо наступления на Донбасс нам пришлось перейти к обороне и под натиском превосходящих сил противника продолжить отступление к Харькову.

Ухудшилась обстановка и на западе. Белоэстонцы вместе с русскими белогвардейцами захватили Псков. Усилился нажим врага на юго-западной границе Украины.

Пала Баварская Советская республика.

Пришлось отказаться от наступления на Галицию и соединения с Венгерской Красной Армией. Менялись и задачи нашей дивизии. Поскольку фронт приблизился к Киеву, для доформирования ее перебросили в Харьков...

Однако, пока шла переброска, Харьков также перестал быть глубоким тылом.

Если первую неделю нашего пребывания здесь силы городской партийной организации были сосредоточены на мобилизации трудящихся под лозунгом: «Все на освобождение Донбасса!» — то уже через несколько дней встал вопрос о судьбе самого Харькова.

Положение прояснилось на состоявшемся 2 июня экстренном заседании Харьковского Совета рабочих депутатов совместно с представителями профсоюзов и фабрично-заводских комитетов.

Пленум был посвящен одному вопросу: положение в Донбассе.

Кроме руководящих работников города, на собрании выступали представитель Советского правительства Украины (А. Бубнов), военного командования (К. Ворошилов), руководитель донецких большевиков Ф. А. Сергеев (Артём).

Мне особенно запомнилось выступление только что прибывшего с фронта Ф. А. Сергеева.

Коренастый крепыш в солдатской гимнастерке и сапогах, с сильными рабочими руками и умным волевым лицом человека, знающего, за что он сражается, он был одним из тех пролетариев-интеллигентов, которых еще в детстве я видел в Донбассе.

Активный участник революции 1905 года, успевший в период реакции побывать в ссылке и эмиграции, талантливый организатор и отличный пропагандист, Артем входил в ряды ленинской гвардии, избирался в члены ЦК РКП(б) и КП(б)У. Он пользовался огромной популярностью в Донбассе и был одним из главных руководителей обороны «Всесоюзной кочегарки». Его горячее выступление пленум слушал с напряженным вниманием.

— Воспользовавшись предательством Григорьева,— сказал Артем,— Деникин бросил крупные силы для захвата центральной и северной части Донбасса. Однако попытки решить эту задачу фронтальным ударом успеха не имели. Провалились и фокусы с «психическим» воздействием на наши части: трюки с переодеванием казаков в мундиры английских солдат, маскировка тракторов под танки, тучи клеветнических листовок.

Тогда деникинское командование решило прибегнуть к сложному обходному маневру. Оно направило свой главный удар не на север, а на запад, на участок, который защищала партизанская бригада Махно. При первом же натиске деникинцев махновцы бежали, оголив огромный район. Паника перекинулась на соседние участки. Внезапный и глубокий обход парализовал героические усилия донецких шахтеров. Проводившаяся нами мобилизация удалась лишь частично.

Нужно бросить все силы для спасения Донбасса. Без обладания им, без угля и железа победа революции невозможна...

Пленум принял решение о срочной мобилизации харьковских рабочих для пополнения частей Красной Армии.

На пленуме же командование сообщило о мерах по ликвидации «махновской вольницы».

Что же представляла собой «махновщина»?

Это было одно из проявлений украинской кулацкой партизанщины, которую бичевал В. И. Ленин: «Теперь на Украине каждая банда избирает кличку, одна свободнее другой, одна демократичнее другой, и в каждом уезде — по банде».

В дни триумфального шествия Советской власти по Украине Махно, как и Григорьев, примкнул со своими отрядами к Красной Армии и обязался выполнять задания ее командования. Ему был выделен примыкающий к Азовскому морю участок деникинского фронта. Затем, обосновавшись в богатом украинском селе Гуляй Поле, выписал из Харькова несколько литераторов-анархистов и вместе с ними разработал «хартию» собственной «повстанческой армии».

Это была программа анархо-кулацкой вольницы, на словах признававшей местные Советы (и то при условии исключения из них коммунистов), но отказывавшейся подчиняться центральной государственной власти. Тем, по мнению авторов «хартии», достигалась максимальная «свобода личности».

На этих же принципах строилась и махновская «армия». Она состояла из добровольцев и сражалась «по велению сердца»: без уставов и общепринятой дисциплины. Командиры выбирались бойцами и в любую минуту могли быть отстранены и заменены другими. Никаких приказов! Никаких комиссаров!

Воевали по вдохновению: вступали в бой по общему согласию бойцов — преимущественно при явном перевесе сил над противником. В случае поражения бросались врассыпную.

Защищали только свои села и свои уезды. До «чужих» сел и уездов им дела не было — пусть защищаются сами.

«Армия» не имела никакого снабженческого аппарата. Что удалось захватить у противника или у насслення, тем и снабжались.

Пристроившиеся к «армии» кулаки и торговцы наладили «товарооборот» с городскими спекулянтами — «мы вам хлеб, вы нам патроны и мануфактуру»...

При первом же ударе деникинских войск Махно увел свои отряды в глубокий тыл и там объявил о созыве в Гуляй Поле съезда сторонников его «хартии» с приглашением всех желающих из соседних частей Красной Армии. Это была попытка создать «самостийную махновскую республику».

Советское командование не могло допустить этого самоуправства. В газетах был опубликован приказ Реввоенсовета 15-й армии за подписью командарма К. Ворошилова, пресекавший изменническую затею в Гуляй Поле.

«1. Никакие съезды в означенном районе допущены не будут.

2. Без прямого приказа никакие части и отряды не имеют права менять свое местоположение.

3. Отдельные красноармейцы, которые пытаются самовольно покинуть свои части и перейти в район «повстанческой» бригады, будут приравнены к дезертирам.

4. Всякое нарушение настоящего приказа будет рассматриваться как действие, равнозначное измене Рабоче-крестьянскому государству, и караться по всей тяжести законов военного времени».

...Не знаю, возымел ли действие приказ и состоялся ли или не состоялся съезд в Гуляй Поле. Дальнейшие события отодвинули этот вопрос на задний план.

Но предательство Махно повлекло за собой неприятности на фронте. В образовавшийся прорыв устремились деникинские

войска, с запада они повернули на север и начали быстро приближаться к Харькову.

На созванном через несколько дней пленуме горсовета речь шла уже не о спасении Донбасса, а о защите Харькова.

В пленуме помимо городского актива и членов украинского правительства, участвовали представители центрального командования и Реввоенсовета РСФСР.

Заседание шло в тревожной атмосфере. От имени центрального командования было официально заявлено, что Харькову угрожает непосредственная опасность. Он объявлялся «осажденной крепостью».

Началась срочная эвакуация города.

Нашу все еще недоукомплектованную дивизию, предназначавшуюся теперь к переброске на Дон, временно перебазировали в район Полтавы...

...За время пребывания в Харькове небольшой коллектив редиздата закончил оборудование типографии и выпустил пробный номер газеты.

Нашли мы и кандидата на должность заведующего редакцией. Им оказался мой однокашник по Изюмскому реальному училищу и будущий писатель-памфлетист Сергей Розвал.

Не могу удержаться, чтобы не сказать несколько слов об этом интересном человеке с нелегкой судьбой.

Очень способный, легко учившийся, первый ученик класса, Сергей, однако, с детских лет отличался крайней застенчивостью, стеснительностью, граничившей с робостью, сомневался в своих возможностях, был склонен к рефлексии.

Все семь лет учебы в реальном мы дружили: встречались после занятий, гуляли, катались на коньках. Он часто бывал у меня дома, я не раз гостил у него в Лисичанске, где его отец работал маркшейдером на содовом заводе...

По окончании реального наши пути разошлись: я поступил в Петроградский политехнический, Розвал — в Московское высшее техническое училище. Но мы продолжали переписываться и не раз виделись.

Осенью 1916 года он, как и я, был призван в армию и направлен в студенческий батальон. Я попал в Нижний, а он — в Царицын. Потом я кончил школу прапорщиков и еще десять месяцев оставался на военной службе, а Сергей весной 1917 года демобилизовался по болезни.

После Октябрьской революции он вернулся в Москву с намерением продолжать учебу. Но вузы прекратили занятия, и Сергей, как и многие другие выходцы из мелкобуржуазных и интеллигентских семей, оказался на распутье. Уехал к отцу в Лисичанск, пробовал служить в какой-то канцелярии. Наблюдал, как

через Донбасс перекатывались волны властей и армий — большевики, немцы, гайдамаки, деникинцы. Мучительно ломал голову: что же дальше? Где правда? Что делать?

Приехал в Харьков к родственникам, оказался отрезанным от родных деникинским фронтом и окончательно пал духом. В этом состоянии я и встретил Сергея на харьковском вокзале.

Были несказанно рады. Объятия. Распросы. Сергей согласился включиться в работу редакции.

Изголодавшийся по живому творческому делу, быстро освоивший азы газетной работы, он вскоре взвалил на себя львиную долю редакционной нагрузки: отлично правил материал, сочинял заголовки, писал статьи, фельетоны, стихи, отвечал на письма читателей, составлял макет газеты и верстал полосы. Несмотря на отрыв от семьи и невзгоды военной жизни, повеселел. Не будь Сергея, не знаю, как бы удалось выпустить те двадцать пять — тридцать номеров «Красного стрелка», которые нам удалось издать за время существования газеты.

Несколько слов о дальнейшей судьбе Розвала. Начав с работы в «Красном стрелке», он вырос затем в отличного редакционного работника, журналиста-профессионала. По окончании гражданской войны много и успешно трудился в РОСТА. К сожалению, в конце 20-х годов на него свалилось несчастье: он совершил политическую ошибку.

По просьбе матери, Сергей переслал через иностранное посольство ее письмо в Бельгию бывшим владельцам Лисичанского завода с благодарностью за присланную последними продовольственную посылку. В те времена подобного рода переписка запрещалась. Сергей был приговорен к ссылке на три года.

Травмированный суровым наказанием, по возвращении в Москву он не вернулся к журналистике и пробовал устроить свою судьбу по-иному. Одно время учился петь (у него был хороший, но не разработанный голос) и служил хористом в Театре им. Станиславского и Немировича-Данченко. Затем много лет преподавал литературу в средней школе.

И вдруг, уже на шестом десятке жизни, написал интересный роман-памфлет «Лучи жизни». Роман был опубликован издательством «Советский писатель» (1949), а автора приняли в члены писателей. В 1958 году в том же издательстве появляется второй его роман «Невинные дела» — продолжение первого, тоже положительно принятый критикой и читателем.

К сожалению, двумя романами и ограничился его писательский труд...

В июне 1919 года мы с Сергеем трудились над составлением и выпуском пробного номера дивизионной газеты.

Когда свежий, еще пачкающий типографской краской номер «Красного стрелка» выполз из печатной машины, нашей радости не было конца.

Получилось! Газета как газета! Не хуже многих губернских!

Номер понравился командованию и политсоставу дивизии, мгновенно разошелся и был утвержден в качестве эталона издания...

Но для регулярного выпуска «Красного стрелка» у нас не было бумаги. Ни в Киеве, ни в Харькове ее не удалось достать. Оказалось, что по нормальной структуре воинских частей дивизии не полагалось подобного издания, а следовательно, и не полагалось бумаги. Мы доказывали, что наша дивизия исключение, что газета утверждена Украинским Наркомвоеном и, следовательно, существует легально. Нам отвечали, что решением Центрального Правительства с июня 1919 года вооруженные силы всех советских республик, в том числе и Украины, сливаются в единую армию и что наша дивизия перестает быть исключением и должна подчиняться общим порядкам и общедивизионной структуре.

А пока, впредь до приказа, если хотите выпускать газету, доставайте бумагу сами.

Так без бумаги мы и прибыли в Полтаву.

Из Полтавы нашу дивизию перебросили в Тамбовскую губернию, в резерв левого, Донского, фланга Южного фронта.

Переброска шла долго и сложно — в обход Харькова, захваченного к этому времени деникинскими частями. На преодоление расстояния от Полтавы до Кирсанова, через Бахмач, Курск, Тамбов, ушло около двух недель.

В Кирсанове дивизию выгрузили из вагонов и расквартировали в городе и ближайших селах. Обнаружилась значительная утечка личного состава: зараженные махновскими настроениями, солдаты-украинцы отставали от эшелонов и убегали домой («Зачем воевать в России, а кто будет защищать наши хаты?!»). Дезертировала часть мобилизованных в Киеве офицеров. Командование сменило комиссара и начальника политотдела дивизии, пополнило командный состав. Был дан приказ приступить к усиленным строевым и политическим занятиям.

Новый комиссар до[illegible]тал газетной бумаги, и с 13 июля газета [illegible]елок» начала регулярно выходить три раза в неделю. [illegible] сохранились двадцать пять номеров газеты, они заменили мне страницы утерянных дневников того времени.

Листаю пожелтевшие газетные полосы. В них отпечаток событий, мыслей, чувств, которыми жили в ту пору страна, армия, дивизия.

К лету 1919 года был достигнут прочный перелом на колча-

ковском фронте и основная опасность переместилась на юг европейской части страны.

На востоке были освобождены Уфа, Пермь, Кунгур, части Красной Армии вплотную подошли к Екатеринбургу, Челябинску, Ирбиту. Крупные победы были одержаны и в Средней Азии.

Зато на нашем Южном фронте положение ухудшалось с каждым днем. Противник захватил Харьков, Белгород, Екатеринослав, Царицын. В первых числах июля Центральный Комитет РКП(б) обратился к партийным организациям с письмом «Все на борьбу с Деникиным!».

Как стало известно позже, это письмо было написано В. И. Лениным.

Письмо характеризовало обстановку в стране как один из самых критических моментов социалистической революции, как новую отчаянную попытку международного империализма и внутренней контрреволюции восстановить власть эксплуататорских классов.

В письме ЦК давались конкретные указания о формах и методах агитационно-пропагандистской работы в красноармейских частях и среди населения. Эти указания и помогли «Красному стрелку» сразу же взять правильный тон.

Первый номер начинался шапкой:

«НАШИ ТОВАРИЩИ РАЗБИЛИ НА ВОСТОКЕ КОЛЧАКА. РАЗОБЬЕМ ДЕНИКИНА НА ЮГЕ!»

В передовой «Дивизия готовится к походу» газета не скрывала от читателей трудностей военного положения, она доказывала, что, несмотря на захват Деникиным многих советских городов, он должен быть разбит. Стоит нанести ему несколько энергичных ударов, и он покатится вспять. Газета призывала бойцов готовиться к наступлению. В номере приводилась последняя сводка о положении на фронтах, сообщалось о назначении нового Главнокомандующего вооруженными силами республики (С. С. Каменева); публиковались телеграммы о рабочем и революционном движении на Западе.

Значительное место было уделено информационным материалам об обстановке на территории, захваченной Деникиным; сообщениям о массовых расстрелах и осквернении могил революционеров в Харькове, о поголовной мобил[illegible]ации белыми муж[illegible] в возрасте от 19 до 42 лет («не явивши[illegible] будут р[illegible]ся») и др.

Номер заканчивался обращением к красноармейц[illegible] мунистам с просьбой писать в газету, а прибывающих с пе[illegible]вых позиций — доставлять в редакцию имеющиеся у них сведения о положении в лагере контрреволюции.

Второй номер открывался шапкой:

«ДЕНИКИН СОТНЯМИ И ТЫСЯЧАМИ РАССТРЕЛИВАЕТ НАШИХ ТОВАРИЩЕЙ! ВОН МЕРЗАВЦА ИЗ ЗАХВАЧЕННЫХ ИМ МЕСТ!»

Передовая посвящалась борьбе с дезертирством.

Из сообщений о военных действиях было видно, что наряду с успехами на отдельных участках обстановка на Южном фронте, особенно на Украине, продолжала ухудшаться.

Крупнейшие города Украины — Киев, Одесса, Николаев, Полтава — объявлялись на осадном положении.

В подборке «В царстве Деникина» было опубликовано волнующее письмо беспартийного учителя из Донбасса о чудовищных зверствах белогвардейцев:

«Вторжение банд Деникина в ту или иную местность, будь то город, село или деревня, убеждает население, какая власть лучше: советская или деникинская, и, в результате, число сторонников Советской власти непрерывно растет...»

И редакция торжествовала, когда в прибывшей через несколько дней московской «Правде», в докладе Ленина на Московской конференции РКП(б) мы нашли слова, созвучные высказываниям учителя из Донбасса.

«Крестьяне на юге на словах готовы были проклинать большевиков,— говорил Владимир Ильич,— но когда подошел Деникин, кричащий о демократии (так как не только меньшевики и эсеры кричат о ней,— это слово встречается на каждой строчке газеты Деникина), крестьяне стали бороться с ним, увидев очень скоро на опыте, что под прекрасными словами кроются порка и грабеж. Муки и разорение в южной прифронтовой полосе ведут к тому же, что и на востоке,— несут нам более прочные завоевания».

Со второго номера был введен отдел «Письма красноармейцам», в котором велись беседы по наиболее волнующим вопросам. Первое такое письмо называлось «Долой усталость».

«...С некоторых пор у многих боевых товарищей чувствуется усталость, будто руки опускаются. Такую усталость надо нам с тобой разгонять, подбадривать малодушных, объяснять, что усталость в наши дни равносильна преступлению.

Устают те, кто не хочет видеть перед собой хорошего будущего. Устают трусы. Устают те, кого обманывают напропалую. Устают нетерпеливые...»

Дальше разъяснялись причины многочисленных трудностей и доказывалась неотвратимость торжества революции. Письмо заканчивалось призывом: «А... чтобы в твоей груди, в твоих глазах и в твоих руках не было никакой усталости, гляди вперед взглядом соколиным и помни: победа за тобой, за большевиками».

...Первые недели редакцию угнетало отсутствие «обратной связи» — писем и корреспонденций с мест — из полков и рот.

Для организации такой связи, помимо обращения со страниц газеты, выпустили и разослали по частям для расклейки специальную афишу:

«ТОВАРИЩИ, ИМЕЮЩИЕ СВЕДЕНИЯ С ФРОНТА, СООБЩАЙТЕ ИХ В РЕДАКЦИЮ «КРАСНОГО СТРЕЛКА».

Товарищи, имеющие белогвардейские газеты, воззвания и т. п., заносите их в редакцию «Красного стрелка»...

Товарищи, могущие сообщить о жизни и настроениях в наших частях и в войсках противника, о боевых эпизодах, о непорядках у нас, должны посылать эти сведения редакции «Красного стрелка».

«Красный стрелок» издается для вас, вы должны сотрудничать в нем и помогать ему».

Главной темой третьего номера газеты (от 18 июля) явился приезд в Кирсанов Председателя ВЦИК Михаила Ивановича Калинина.

Об этом сообщала шапка на первой странице:

«ВЧЕРА ПРИБЫЛ К НАМ ПРЕДСЕДАТЕЛЬ ВСЕРОССИЙСКОГО ЦЕНТРАЛЬНОГО ИСПОЛНИТЕЛЬНОГО КОМИТЕТА т. КАЛИНИН. ДА ЗДРАВСТВУЕТ ВСЕРОССИЙСКИЙ СТАРОСТА!»

Этому событию была посвящена передовая. Газета напечатала биографию Калинина, рассказала о недавнем избрании его на пост главы Советского государства.

На второй полосе публиковалось выступление М. И. Калинина в Кашире и большая информационная статья «Работа поезда «Октябрьская революция».

На этом поезде М. И. Калинин совершал длительные агитационно-инструктивные поездки по стране. Это была его передвижная резиденция «ВЦИК на колесах».

К сожалению, мне не удалось застать Михаила Ивановича в поезде: рано утром, тотчас же по прибытии в Кирсанов он уехал в город, и я увидел его только во второй половине дня на Объединенном заседании ответственных партийных и советских работников города.

...На сцену вышел человек с хорошо знакомым по портретам крестьянским лицом, в ситцевой косоворотке, черном пиджаке и заправленных в сапоги брюках. Спокойно, без всяких ораторских ухищрений, он начал говорить.

Мы слушали умную задушевную беседу более опытного и более осведомленного большевика с товарищами по общей борьбе.

Он говорил негромко, и если первые ряды, судя по реакции, воспринимали каждое его слово, то до меня, сидевшего в даль-

ней части зала, доходили только общий смысл и отдельные фразы.

Калинин говорил о преимуществах советской системы организации государства. Советы дают возможность втягивать в управление все больше и больше талантливых работников из массы трудящихся, и недалеко то время, когда люди, вышедшие из рабочих и крестьян, станут великолепными руководителями страны. У нас уже есть тысячи рабочих, которые управляют всеми хозяйственными органами государства...

Буржуазия была уверена, что мы не справимся с этой задачей. «Наш враг ликовал, когда были захвачены Казань, Пенза, Сызрань, Самара, отрезана была Украина. Наш враг ликовал, что Красный Петроград и Москва будут уморены голодом, что рабочие и крестьяне опустят руки и съедят сами себя, как пауки в банке, что у рабочих не будет другого выхода, как пойти кланяться нашим врагам: «идите, дескать, управлять,— вы накормите нас хлебом, мы сами управлять не можем». Так думали наши домашние хищники и буржуазия Запада. Они жестоко ошиблись».

В невероятно тяжелых условиях, когда против нас выступили отлично обученные и дисциплинированные корпуса белочехов, на них пошли только что сформированные батальоны рабочих и крестьян. «Теперь мы получаем новые известия, что Урал уже наш, и несомненно, что мы нанесем новый удар нашему врагу».

Выступление М. И. Калинина сопровождалось горячей овацией собрания и принятием резолюции: кирсановцы полны твердой решимости отдать все красному фронту, а до нового урожая обязуются отчислять ежедневно восьмую часть фунта от своего пайка голодающим питерским и московским рабочим.

Тотчас же по окончании заседания М. И. Калинин выехал на машине в окрестные деревни и вернулся только поздно вечером.

Мне довелось побывать в поезде «Октябрьская революция». Я встретил знакомого еще по Смольному журналиста, уполномоченного РОСТА при Председателе ВЦИК, и он провел по вагонам, подробно рассказав о формах и методах работы поезда.

Во многом «Октябрьская революция» походила на памятный мне по прошлогодней поездке на Восточный фронт агитпоезд имени В. И. Ленина. Но внешнее оформление вагонов было не столь крикливым: их разрисовывали не футуристы, а художники, более близкие к реалистическому плакатному искусству.

Чувствовалась большая продуманность в организации работы и распорядке дня, быте сотрудников.

«Октябрьская революция» была лучше оснащена технически. Кроме оборудования, которое было в поезде им. Ленина (приемной радиостанции, кинопередвижки, вагона-лавки для продажи

литературы и т. п.), в составе «Октябрьской революции» имелись платформы с автомашинами для поездок М. И. Калинина, агитаторов и представителей наркоматов в сторону от железной дороги. Небольшая по площади типография была оснащена новыми и разнообразными шрифтами и двумя отличными «американками».

РОСТА было представлено не одним корреспондентом, а бюро из нескольких человек, в задачи которых входило не только освещение в печати работы поезда и инструктирование местных редакций, но и выпуск через день многотиражки («К победе!»).

Это была небольшая двухстраничная газета, размером приблизительно в две трети «Красного стрелка», но, в сравнении со «Стрелком», более тщательно отработанная журналистски и превосходно оформленная полиграфически.

Яркие карикатуры, стихи, игра броскими шрифтами придавали газете праздничность.

Почти в каждом номере печатали речи и беседы М. И. Калинина.

Это были жемчужины пропагандистского мастерства. За исключением ленинских выступлений, я не знаю других произведений ораторского искусства, которые бы по смелости постановки вопросов, ясности и четкости мысли, доходчивости языка могли сравниться с беседами Всероссийского старосты.

Даже сейчас, свыше полувека спустя, нельзя не восхищаться сочетанием глубокой мудрости и удивительной простоты изложения в этих выступлениях.

Для иллюстрации приведу два отрывка из выступлений, напечатанных в «Красном стрелке».

«Делаем ли мы ошибки? — спрашивал М. И. Калинин и отвечал: — Да, Советская власть совершила много ошибок. Но в этом нет ничего удивительного. В первый раз за тысячелетнюю историю трудящиеся России призваны сами управлять государством. А до этого чему учили рабочих и крестьян цари, дворяне и капиталисты? Ничему другому, как всю жизнь, не разгибая спины, работать,— работать без срока и отдыха, до последнего издыхания...

Так надо ли удивляться, что Советская власть, власть рабочих и крестьян, не получивших образования и навыков в управлении государством, делает ошибки?

Конечно, буржуазия, глядя на наши неудачи, злорадно хихикает. Она подбивает несознательные массы на мысль о том, что нам, рабам, все равно не управиться, так не лучше ли, поэтому, отдать власть ученым барам?..

Такая точка зрения неприемлема для трудящихся. Ошибки мы исправляем тотчас же, как только замечаем их. А наша

власть имеет те преимущества, что, несмотря на ошибки, она всегда исходит из интересов не помещиков и капиталистов, а из интересов угнетавшихся до сих пор классов — рабочих и крестьян».

В заключительной части речи звучала глубочайшая убежденность в победе трудящихся.

«Нам многому еще нужно учиться, и мы научимся! Через промахи, через ошибки мы будем, не смущаясь зубоскальством буржуев, идти к нашей цели, к построению новой справедливой жизни, без богатых и бедных, без угнетателей и угнетенных.

В народе, в толщах его, таятся необъятно великие силы. Только Советская власть даст этим силам развернуться во всю ширь, откроет им простор, чтобы строить новый, лучший мир, в котором все чудеса техники, науки, культуры — будут служить не кучке царей, богачей и их жен, а многомиллионным народным массам!»

Второй отрывок касался другой, не менее острой проблемы — законности революционного насилия.

На этот вопрос М. И. Калинин отвечал так:

«Тем, которые любят упрекать большевиков в суровости и жестокости, мы говорим:

— Да, мы не христиане и не толстовцы, которые советуют подставлять другую щеку, когда ударили по одной.

Проповедь непротивлению злу только развращала правящие классы, а в трудящихся и угнетенных воспитывала рабскую покорность перед богатыми, перед их прихвостнями, перед их властью.

Нас и наших дедов достаточно секли, и дать себя сечь дальше значит покоряться насилию, одобрять его, обрекать себя на вечное прозябание и рабство.

Но этого мы не хотим.

Мы ни на минуту не намерены прекратить той борьбы, которая должна положить конец господству кучки капиталистов, генералов и помещиков.

Мы будем продолжать эту борьбу, которая должна снести весь старый мир и открыть двери новой, свободной и счастливой жизни для всех трудящихся!»

Такие беседы можно было прочесть во многих номерах газеты поезда «Октябрьская революция». И это были не перепечатки (какими приходилось довольствоваться «Красному стрелку»), а только что произнесенные слова, родившиеся в задушевном разговоре государственного деятеля из народа с самим народом.

Признаюсь, мы тихо завидовали нашему счастливому собрату.

...Вечером — по возвращении М. И. Калинина из поездки по

селам — поезд «Октябрьская революция» отбыл из Кирсанова в восточном направлении.

...Используя понравившиеся нам приемы обработки и подачи материала в газете «К победе!» (а также собственный опыт), в следующих номерах «Красного стрелка» мы стремились усилить агитационную действенность текста.

В каждом номере давали два-три выделенных яркими шрифтами лозунга-призыва:

«Восточные армии пробили дорогу к сибирскому хлебу, мясу, маслу. Мы должны пробить дорогу к углю, железу, нефти. В этом спасение наше от голода и разрухи!

Чтобы привезти хлеб из Сибири и Украины, нам нужен уголь из Донецкого бассейна.

Гоните Деникина и его бандитов!»

«— Сколько лет нас мучили барщина и бесправие?

— Сотни и сотни лет.

— Сколько еще осталось терпеть?

— Разбить Деникина — и гнету конец...»

Призывали к экономному, хозяйскому использованию каждого экземпляра газеты:

«Товарищ читатель, не уничтожай газет. Если ты грамотен — собери своих неграмотных товарищей и прочти газету. Это твой долг..

Если ты, прочитав газету, не передашь ее другим, ты не выполнишь своего долга.

В России мало бумаги. Не рви газету, а, прочитав, передай товарищу».

Были введены еженедельные военные обзоры, в которых в популярной форме давалась характеристика наших противников и анализ обстановки на разных театрах военных действий: «Деникинцы», «Колчаковцы», «На Украине», «Западный фронт», «Северный фронт» и т. д.

Редакция установила более тесные связи с частями, увеличилось количество писем читателей, и нам удалось ввести рубрики: «По дивизии», «Наша жизнь», «Письма красноармейцев». В некоторых номерах письма красноармейцев занимали целые полосы.

Учитывая просьбы читателей о публикации стихов, время от времени перепечатывали из центральной прессы произведения современных поэтов. Дважды выпустили специальные страницы «Революционная поэзия» — со стихами Д. Бедного, А. Блока, С. Есенина, Н. Клюева, М. Волошина. Однако, за исключением Демьяна Бедного, пользовавшегося исключительной популяр-

ностью в Красной Армии, поэзия того времени не волновала бойцов.

Только что научившимся читать крестьянам в солдатских шинелях она казалась чересчур сложной. А когда мы рискнули целиком опубликовать поэму Блока «Двенадцать», редакция получила десятки протестующих писем читателей и нагоняй от начальника политотдела дивизии: «Вы срываете нам атеистическую пропаганду!»

Однажды удалось получить из ЦентроРОСТА десятка полтора клише рисунков и карикатур. Иллюстрации очень украсили первые полосы.

Была заведена рубрика «Почтовый ящик», в ней давали ответы авторам писем...

Так наш маленький коллектив трудился над улучшением «Красного стрелка».

Однако вернемся к подшивке газет.

В номере от 6 августа читаем тревожное сообщение:

«В Венгрии правые социалисты с помощью империалистических правительств Антанты произвели контрреволюционный переворот. Коммунистическое правительство арестовано. Первым действием нового, так называемого, социалистического правительства было восстановление частной собственности».

Это событие особенно взволновало нас: как помнит читатель, в период формирования наша дивизия предназначалась для прорыва на запад, на соединение с Венгерской Красной Армией. И хотя уже прошло почти два месяца, как этот план был снят с повестки дня, мы все еще в мечтах были с нашими венгерскими братьями.

...Противоречивые, в большинстве нерадостные вести шли с фронтов. Если на востоке Красная Армия продолжала продвигаться вперед, то на юге, западе, севере мы отступали. На Украине нами были оставлены Ровно и Полтава, враг вплотную подошел к Херсону, Николаеву, Одессе. В Белоруссии противник занял Минск. На севере белогвардейские части наступали в северодвинском и вологодском направлениях...

Но в дивизии и в ближайших к нам частях 9-й армии шла энергичная подготовка к близкому контрнаступлению против Деникина и господствовало боевое, бодрое настроение. Мы были уверены в превосходстве наших сил — физических и духовных. Эту уверенность укрепило проведенное в середине августа совещание политработников нашей армии. Оно было созвано в Пензе. Я входил в делегацию Политотдела дивизии. В течение двух дней мы слушали доклады и сообщения о настроениях, боевой и политической подготовке в частях и подразделениях.

Подавляющее большинство выступавших отмечали значительные успехи в ликвидации партизанщины, быстрый рост дисциплины и боеспособности всех дивизий. Это подтвердили первые бои начавшегося контрнаступления: все полки и батальоны показали себя отлично.

Вырос авторитет политорганов и политработников, укрепилось доверие бойцов к командирам, в том числе к лучшей части бывших офицеров.

Участники совещания разъехались, убежденные в успехе предстоящих наступательных операций, в близком разгроме Деникина. Однако мы снова недооценили силы противника. Это обнаружилось уже в ближайшие дни.

Получив сведения о готовящемся контрнаступлении Красной Армии, Деникин упредил советское командование и предпринял серьезнейшую попытку сорвать наши планы.

Такой попыткой явился сорокадневный рейд конного корпуса генерала Мамонтова по нашим тылам.

Прорвав фронт в районе Новохоперска, Мамонтов устремился на север и 18 августа занял находившийся в двухстах километрах от передовых позиций важный железнодорожный узел и главную базу снабжения фронта — город Тамбов.

Кирсанов — в девяноста километрах к востоку от Тамбова, и, судя по скорости движения мамонтовцев, можно было уже завтра ждать их в районе Кирсанова. Возвратившись 19 августа из Пензы, наша делегация застала город в состоянии тревоги. Железнодорожная и телеграфная связь с Тамбовом не работала. Что произошло и где противник — неизвестно. Не было связи дивизии с армией. Единственно, что предпринял комдив,— направил заслон в сторону Тамбова и организовал разведку в западном и южном направлениях.

Власти решили начать эвакуацию.

В течение двух суток мы находились в полном неведении. Только 21 августа из полученных в штабе дивизии донесений обстановка несколько прояснилась и редакция «Красного стрелка» выпустила экстренный бюллетень.

«ЭКСТРЕННЫЙ БЮЛЛЕТЕНЬ «КРАСНОГО СТРЕЛКА».

21 августа.
14 часов.

БЕЛЫЕ ВЫБИТЫ ИЗ ТАМБОВА.

Сегодня в 12 часов 40 минут нашими частями занят Тамбов.

БЕЛЫЕ ОТСТУПАЮТ.

Между Тамбовом и станцией Ляда противнику удалось немного повредить мост через Цну: были разобраны рельсы и пущен паровоз, который застрял в пролете моста.

Из Кирсанова выехал железнодорожный ремонтный отряд для исправления моста.

ЭВАКУАЦИЯ КИРСАНОВА ПРИОСТАНОВЛЕНА».

На другой день в передовой очередного номера «Красного стрелка» мы поздравляли бойцов, командиров и политработников нашей дивизии с боевым крещением.

Первые столкновения с мамонтовцами не были ожесточенными, ибо Мамонтов не собирался удерживать Тамбова.

Разграбив город и взорвав склады, он повернул на запад — к Козлову, где размещался центральный пункт связи Южного фронта. Захватив Козлов, он на несколько дней нарушил всю систему управления армиями. Затем двинулся на север в направлении Ряжск — Рязань и, лишь встретив серьезное сопротивление со стороны подоспевших с севера резервов, сделал петлю и направился в район Ельца, а оттуда к Воронежу.

Избегая столкновений с крупными частями Красной Армии и уходя из-под ударов, корпус Мамонтова жег и разрушал склады, взрывал железнодорожные пути, уничтожал средства связи, расстреливал коммунистов и терроризировал население.

Для отпора Мамонтову пришлось бросить в район рейда приготовленные для фронта резервы и тем ослабить силу удара по Деникину. Наступление Красной Армии все же началось.

В нем приняла участие и наша дивизия. Из Кирсанова она была двинута на юг — в направлении Борисоглебск — Новохоперск, где вступила во встречные бои с противником.

Я не помню подробностей этих боев. Но общее представление о происходившем в это время на восточной части Южного фронта (позже эта часть была выделена в самостоятельный Юго-восточный фронт) можно получить по «Красному стрелку».

Листаю подшивку.

27 августа (№ 19, последний помеченный Кирсановым).

Передовая: «Готовься к наступлению!»

Лозунги:

«Мамонтовская конница бродит у нас в тылу и грабит города и села.

Не обращай внимания, товарищ. Разбойники нам не страшны. Вперед, на Дон!

Деникин подбирается к Киеву. Ответим ему взятием Ростова! Довольно отступлений. Вперед, на Дон!»

28 августа (№ 20, перегон Ртищево—Товолжанка).

Передовая: «Деникин дрогнул»:

«Телеграф принес нам радостную весть.

За несколько дней на Южном фронте нашими доблестными

войсками заняты города Камышин, Поворино, Кароча, Бирюч, Новый Оскол и даже Валуйки, в 120 верстах от Харькова. Деникин дрогнул и отступает. Вперед, на Дон!»

30 августа (№ 21, разъезд Отхожий).

Шапка на первой полосе:

«НАЧАТОЕ БЛЕСТЯЩЕ НАСТУПЛЕНИЕ — БЛЕСТЯЩЕ ПРОДОЛЖАЕТСЯ. НАМИ ЗАНЯТ ВОЛЧАНСК В 70 ВЕРСТАХ ОТ ХАРЬКОВА.

ЕЩЕ УДАР — И ДЕНИКИН БУДЕТ РАЗБИТ».

3 сентября (№ 22, город Балашов).

Сообщение о блестящем успехе конного корпуса Н-ской армии. Окружена и разгромлена дивизия генерала Сутулова. Взяты в плен свыше 3000 белогвардейцев, включая обозы и штаб во главе с самим Сутуловым.

Это была первая крупная победа ставшей вскоре знаменитой конницы Буденного. (Именно тогда я впервые услышал это имя.)

В номере сообщалось об освобождении Новохоперска и продвижении наших частей в других направлениях.

Но в том же номере мы находим и тревожные вести.

В тылу нашей армии вспыхнул мятеж Миронова.

Бывший казачий подполковник, с первых дней революции перешедший на сторону Советской власти, Миронов пользовался полным доверием и был назначен командиром формировавшегося в районе Саранска Донского конного корпуса. В его полках было много политически неустойчивых казаков, и под их влиянием Миронов вопреки приказам командования армии двинул корпус на юг — на освобождение Дона. Войска шли под лозунгом: «Борьба на два фронта — и против Деникина, и против Советской власти».

Распоряжением Реввоенсовета республики Миронов был объявлен вне закона и бойцам корпуса предлагалось доставить его «живым или мертвым» в штаб советских войск.

(Забегаю вперед: мятеж был бескровно ликвидирован конкорпусом Буденного, так как мироновцы отказались сражаться с буденновцами и сложили оружие. Миронов и его ближайшие сообщники были привлечены к суду, приговорены к расстрелу, но затем помилованы. В дальнейшем Ф. К. Миронов загладил свою вину, участвуя в разгроме Врангеля в качестве командующего 2-й конармией).

4 сентября (№ 23, г. Балашов).

Шапка:

«НУЖНО ВО ЧТО БЫ ТО НИ СТАЛО ДО ЗИМЫ ПОКОНЧИТЬ С ДЕНИКИНЫМ. НИ МИНУТЫ ЗАДЕРЖКИ!

ВСЕ ДАЛЬШЕ И ДАЛЬШЕ НА ДОН!»

В номере помещено интервью с членом Реввоенсовета армии Н. А. Анисимовым. Он дает высокую оценку боевому духу наших частей и достигнутым ими успехам.

7 сентября (№ 24, г. Балашов).

«Стремительное наступление советских частей на Донском участке фронта продолжается. Железнодорожная линия Поворино — Царицын в нескольких местах перерезана советскими частями. На станции Себряково захвачено четыре бронепоезда противника. Бои идут в 25 километрах от Царицына.

В других районах заняты Усть-Медведицкая, Калач, Павловск».

Добрые вести шли и из соседней армии: ею заняты города Суджа и Обоянь.

12 сентября (№ 25, перегон Балашов — Поворино).

Сообщения из Царицынского, Оскольского, Обоянского районов о сильнейших, упорных, ожесточенных боях с переменным успехом. Некоторые города переходят из рук в руки...

На этом подшивка «Красного стрелка» кончается.

Вышло еще несколько номеров, но у меня они не сохранились.

В ходе стремительного наступления мы, «редиздат на колесах», стали отставать от дивизии, а временами и полностью отрываться от нее. Пока она дислоцировалась и воевала вдоль железных дорог (а это был наиболее распространенный способ ведения боевых действий во время гражданской войны), редакция находилась в тесном контакте с командованием и Политотделом соединения.

Когда же фронт переместился в районы, оторванные от железных дорог, мы — прикованные к рельсам — все чаще и чаще стали терять связь с дивизией.

Помню тревожные дни в Калаче.

Калач — небольшой городок Воронежской губернии, недалеко от границы с Донской областью. Он соединен стокилометровой железнодорожной веткой с магистралью Поворино — Лиски. Здесь ветка кончалась. Это тупик, выезд из которого поездом возможен только через узловую станцию Таловая.

Наша дивизия сражалась в нескольких десятках километров от Калача, в районе Павловска.

Шли тяжелые бои с переменным успехом. И когда под давлением противника дивизия отступила, а Таловую захватила деникинская кавалерия, наш поезд оказался в мешке. Железнодорожники сообщили, что связи ни с одной воинской частью нет, что город (в трех километрах от станции) эвакуируется и нужно быть готовым к худшему.

Что делать? Жалко бросать типографию. Решили: будем ос-

таваться до последнего момента. Придется отступать — взорвем!

К счастью, через два дня Таловая была очищена от противника, и наши вагоны выбрались на магистраль...

Вскоре мы соединились с Политотделом дивизии. Я надеялся, что удастся найти более гибкие формы связи и газета восстановит свою оперативность. Но вышестоящие армейские инстанции решили иначе.

...В начале октября в дивизию прибыл начальник Политотдела армии. Он ознакомился с работой Подива, зашел в редакцию.

Внимательно осмотрел типографию, остался доволен.

— Отличная полиграфбаза,— сказал он одобрительно.— У нас в армии такой нет. Мы печатаем газету на «американке». Знаете ли вы,— повернулся он к начальнику Политотдела дивизии,— что вам не положена такая техника? Придется типографию у вас забрать.

Позже я понял, что начпоарм был прав: в условиях того времени, при чрезвычайном недостатке техники и бумаги, издание газеты в масштабах дивизий было излишеством. И передача типографии армии была целесообразной.

Но тогда, расстроенный внезапным оборотом дела, я вспыхнул:

— Это несправедливо! Дивизия вложила в газету столько труда! Зачем разорять налаженное дело?!

Начпоарм удивленно посмотрел на меня и сухо ответил:

— Дивизии мы оставим несколько ящиков шрифтов и «американку». Для выпуска листовок. Передвигаться будете на подводах. Что касается вас лично, то Политотдел отдает вам должное, и мы думаем взять вас в армию. О характере работы договоримся позже.

— Но я журналист и хотел бы работать в газете! — снова возразил я.

— Редактор у нас есть. Не хотите другой работы, либо оставайтесь в дивизии, либо откомандируем в Москву, в Реввоенсовет... Там договорятся с РОСТА, как вас лучше использовать.

— Тогда отправляйте в Москву!

— Выпишите ему направление в Политуправление Реввоенсовета республики,— приказал начальник Поарм.— Откомандировывается в связи с прекращением выхода газеты.

Я был огорчен. Жалко было расставаться с «Красным стрелком», детищем, в которое было вложено столько души, с прекрасной, созданной своими руками типографией, с дружным коллективом. Но в те бурные годы переброски, частые перемещения

по работе, смены характера и места труда были повседневным явлением, и через несколько дней мы с Полиной выехали в Москву...

Первый, к кому я зашел в Москве, был новый руководитель РОСТА П. М. Керженцев.

Знакомый еще по работе в Смольном, Платон Михайлович встретил меня радушно.

— Рад видеть вас живым и здоровым,— сказал он, рассматривая через толстенные стекла очков мою длинную и худую фигуру.— Слыхал о ваших похождениях в Прибалтике и на Украине. Видел несколько номеров «Красного стрелка». В общем, недурно... Но как угораздило вас напечатать «Двенадцать»? Это во фронтовой-то газете!

— Бойцы требуют революционных стихов,— пытался оправдаться я,— а где их взять?

— По правде говоря,— продолжал Керженцев,— бойцы Красной Армии — это те же рабочие и крестьяне, только в военной форме. Они не должны отрываться от жизни трудящихся. Лучше, если они будут читать не особую, а общую прессу. Впрочем, это мое личное мнение. Дискуссия по этому поводу еще продолжается... Вы прибыли в распоряжение Политуправления республики,— перешел Керженцев на разговор о моей дальнейшей работе.— У меня есть интересное предложение. Отдохнете — поговорим подробнее. А как вы устроились с жильем? Если нет комнаты, дадим в нашем доме.

И, узнав, что мы с женой временно остановились у ее родственников, вызвал коменданта:

— Покажите свободные комнаты и оформите ордер.

Комендант повел меня по этажам. То, что он показал, потрясло мое воображение. В огромном многоэтажном здании — десятки пяти-, шести-, семикомнатных квартир с высоченными потолками, с просторными кухнями и обширными передними, с парадными и черными входами — апартаменты, обставленные богатой, местами роскошной мебелью и... совершенно безлюдные!

Лишь в двух-трех квартирах мы натолкнулись на обитателей, явно не соответствовавших обстановке: скромно одетых женщин, старика со старухой, одноногого инвалида. Часть комнат заперта — хозяева на работе. Но большинство квартир пусты.

Комендант объяснил:

— Это доходный дом бывшего Российского страхового общества. В доме обитала буржуазная публика: богатые адвокаты, чиновники, инженеры. Хозяева удирали из Москвы. Что поценней — захватывали с собой, а мебель — разве увезешь?! Надея-

лись скоро вернуться. Кое-кто оставлял для охраны прислугу, бедных родственников. Когда здание передали РОСТА, оно оказалось почти пустым. В двух первых этажах разместились редакции, кабинеты, техническая служба. В верхних этажах поселилось несколько сотрудников, устроили общежитие. Но, как видите, большинство квартир свободны — выбирайте какую хотите. Кровати и матрацы есть везде. Одеяла и постельное белье могу выдать...

Нужно сказать, что при всей внешней комфортабельности в квартирах было дьявольски неуютно: второй год не работало отопление, и в комнатах стоял сырой, промозглый воздух. Уборные заколочены. За водой нужно было ходить в подвал. Там, где жила хотя бы одна живая душа, было чуть теплей, но ужасал запах керосинок. Электричество включали по вечерам на два-три часа и то не каждый день: нужны были либо свечи, либо плошки с растительным маслом. И то и другое было сверхдефицитным.

Я выбрал средних размеров комнату (не так холодно, как в больших) на третьем этаже в квартире, где уже жили два сотрудника РОСТА. Бывшая спальня была обставлена мебелью красного дерева — обширная кровать, гардероб, туалетный столик, два мягких кресла. Стол и пару стульев взяли из соседней пустующей столовой. Полина купила на Сухаревке керосинку и бутылку керосина, достала из рюкзака чайник, жестяные чашки, прочую хозяйственную утварь и приступила к налаживанию «быта».

...На другой день я снова был у Керженцева.

— Ну, как устроились?

Я рассказал о своих первых московских впечатлениях.

— С назначением постараюсь не задержать. Думаю, что мое предложение вас устроит. Как вы знаете, на агитпоездах ВЦИК теперь работают Бюро РОСТА. Они не только информируют нас, но и выпускают поездные газеты. Кроме поездов имени Ленина и «Октябрьской революции», готовится еще один. Для Средней Азии. Пробит путь в Туркестан, и в ближайшие недели туда направится «Красный Восток». Сейчас подбирается состав Политотдела.

Керженцев назвал ряд знакомых фамилий партийных работников, намеченных для включения в состав Политотдела.

— Я хочу предложить вам должность руководителя Бюро РОСТА и редактора газеты. Что вы на это скажете? — вопросительно посмотрел на меня Платон Михайлович.

Предложение было почетным, неожиданным и чертовски интересным. Приняв его, я не только возвращался к самостоятельной редакторской работе, но и мог рассчитывать попасть в да-

лекие и сказочные города: Ташкент, Самарканд, Бухара! Почти Индия. А кто в детстве не мечтал побывать в этих фантастических местах?! Но ведь я — политработник Красной Армии, прибыл в распоряжение Реввоенсовета.

И, как бы угадывая мои сомнения, Платон Михайлович продолжал:

— О Политуправлении вы не беспокойтесь — с ним вопрос согласован. Агитпоезда в ведении военного отдела ВЦИК. Работа на них — военная служба.

...На другой день я зашел в подотдел агитпоездов ВЦИК. Им по-прежнему заведовал Я. Буров. Встретил дружески, приветствовал предложение Керженцева о включении меня в состав «Красного Востока». Но не мог даже приблизительно назвать срока готовности поезда.

— Вагоны пока в ремонте. К оборудованию еще не приступали. Трудно с материалами, бумагой, литературой. Вряд ли удастся выехать раньше, чем через две-три недели. Держите связь. Понадобитесь срочно — вызовем через РОСТА.

В ожидании вызова постарался поближе познакомиться с жизнью Москвы. Часто бывал на партийных, профсоюзных и других собраниях, докладах по вопросам текущей политики, литературных вечерах, диспутах. Внимательно просмотрел комплекты «Правды» и «Известий» за последние месяцы. Прочел новые номера журналов.

Из более крупных политических событий запомнилась первая партийная неделя. Она еще раз подтвердила силу и авторитет ленинской партии. Только в одной Москве за неделю вступило в РКП(б) 13 600 человек.

Успех партийной недели ободрял, вселял новые силы, утверждал веру в конечную победу революции...

...Используя свободное время, изучал новые формы работы РОСТА. До сих пор я знал о них только понаслышке.

Товарищи из агитпоезда «Октябрьская революция» и другие журналисты-москвичи, с которыми приходилось встречаться на фронте, рассказывали о новшествах, появившихся в Российском телеграфном агентстве с приходом в него П. М. Керженцева. Я был поражен масштабами и многообразием этих новшеств. Из чисто информационного учреждения, каким оно было до того, РОСТА превратилось в нечто вроде наркомата печати и пропаганды. Кроме информационных, оно выполняло теперь многие другие функции: инструктировало и консультировало периферийные редакции; снабжало их литературными и иллюстративными материалами; руководило подготовкой и распределением журналистских кадров; организовало выпуск новых, рожденных революцией изданий: «Окон РОСТА», стенных газет и т. д. и т. д.

В структуре и методах этого учреждения я обнаружил реализацию идей П. М. Керженцева, с которыми он выступал в прошлом году в печати и на I съезде советских журналистов. Назначенный ответственным руководителем РОСТА, он, с санкции ЦК партии, осуществил эти идеи, проделав колоссальную работу и обнаружив талант незаурядного организатора.

К сожалению, в нашей историко-биографической литературе до сих пор не освещена деятельность этого замечательного большевика и выдающегося деятеля советской культуры. Поэтому важно хотя бы вкратце остановиться на его роли в становлении советской печати.

Еще в Смольном, в редакции «Известий» П. М. Керженцев пользовался авторитетом как блестяще эрудированный публицист.

Позже, уже в Москве, мне приходилось встречаться с ним как одним из руководителей (заместителем ответственного редактора) тех же «Известий». Он вызывал общее уважение и симпатию не только превосходным знанием редакционного и издательского дела, но и личным обаянием — умением дружески, на равных общаться с людьми, слушать собеседника, считаться с его мнением, без начальственного нажима отстаивать свою точку зрения.

Еще позже я обнаружил, что Керженцев является автором многих, изданных частью до революции, частью уже в советское время научно-публицистических и научно-популярных книг. Среди них ряд интересно написанных очерков по истории и современному положению Англии и Ирландии: «Англия и англичане», «Английский империализм», «Революционная Ирландия» и другие. Некоторые из них были переведены на иностранные языки.

Параллельно П. М. Керженцев много занимается проблемами строительства новой культуры и искусства: пишет книги («Культура и Советская власть», «Творческий театр»); выступает с теоретическими и публицистическими статьями; принимает участие в руководстве Пролеткультом. И хотя в его высказываниях по этим вопросам (как и у П. И. Лебедева (В. Полянского), Ф. И. Калинина и других деятелей Пролеткульта) можно обнаружить влияние ошибочных «левацких» теорий (недооценку культурного наследия, концепцию абстрактного «коллективизма» и т. п.), в книгах и статьях Керженцева содержалось немало ценных мыслей и практических предложений, выдержавших проверку временем и вошедших в историю советской культуры.

Он был горячим пропагандистом художественной самодеятельности, массовых революционных празднеств, приближения театра к народу, активного включения кинематографа, в первую

очередь кинохроники, в агитационно-просветительную работу партии.

Не случайно сборник «Творческий театр» — при всей его дискуссионности — пользовался огромным успехом у советской художественной интеллигенции и за короткий срок выдержал пять изданий. Но едва ли не самым читаемым произведением из его работ тех лет явилась опубликованная в 1919 году книга «Газета. Организация и техника газетного дела». Выпущенная издательством ВЦИК, она мгновенно была раскуплена, несколько раз переиздавалась и на протяжении многих лет оставалась настольным пособием каждого журналиста.

Это был своеобразный учебник газетного-журнального дела. Он знакомил не только с технологией подготовки и выпуска периодических изданий, но и с принципами, формами и методами работы буржуазной и советской печати, коренными различиями в их политических позициях и социальных функциях.

В книге было все важнейшее, что нужно было знать начинающему журналисту и редакционному работнику.

В ней давалась характеристика роли и значения печатного слова в капиталистических странах и в Советской России, описывалась организационно-техническая сторона работы редакции, излагалась методика и техника обработки литературного материала, давалась классификация основных видов и жанров публицистики.

Много внимания было уделено внешнему оформлению газеты — подбору заголовков, типам и формам верстки, иллюстрациям. Автор знакомил читателей с техникой экспедирования и распространения печати; особенностями издания журналов и т. д.

В последней главе «Организация советской печати», дав убедительный анализ состояния газетного дела в нашей стране, Керженцев доказывал необходимость срочной его реорганизации. Бумажный голод, тяжелое положение в полиграфической промышленности, острый недостаток типографских кадров и не менее острая нехватка редакционных работников — утверждал автор — все это настоятельно требует сокращения числа, объема и тиражей газет. Необходима решительная борьба с параллельным выпуском однотипных, конкурирующих друг с другом изданий. Нужно бороться за общегосударственное планирование и руководство газетным и издательским делом.

И Керженцев аргументированно доказывает целесообразность создания специального центра, ведающего всем литературно-издательским делом, в том числе периодической прессой, выпуском и распространением книг, распределением бумажных и полиграфических ресурсов.

В приложении к основному тексту книги приводились по-

лезные справочные материалы: устав Союза советских журналистов; резолюции I съезда; положение об организационной структуре местных отделений союза; программа школы советских журналистов.

Одним словом, это была краткая энциклопедия газетного дела. И мы, первое поколение советских журналистов, особенно журналистская молодежь, бесконечно признательны Платону Михайловичу за ее создание. Мы все его ученики...

Но не меньше, а пожалуй, и больше обязана ему советская печать за ту гигантскую организационную работу, которую провел он по рационализации газетного дела в стране, за открытие и внедрение в жизнь новых форм журналистики, за создание системы повседневной помощи периферийным газетам, за превращение РОСТА в мощный центр информации, агитации и пропаганды.

Назначенный весной 1919 года ответственным руководителем агентства, П. М. Керженцев с подлинно большевистским размахом раздвинул рамки деятельности этого учреждения.

Прежде всего он резко повернул РОСТА лицом к периферии. Если до того агентство ориентировалось главным образом на обслуживание центральной печати, а периферии уделялось сравнительно небольшое внимание, то теперь положение меняется коренным образом. Если до того вне Москвы имелось лишь два-три отделения и несколько десятков корреспондентов-одиночек, то уже к лету 1919 года был создан ряд крупных филиалов — УкрРОСТА, ТуркРОСТА, УралРОСТА, СибРОСТА, а к концу года отделения работали во всех губернских городах.

Во многих городах и крупных населенных пунктах был налажен выпуск «Экстренных сообщений» — больших, написанных от руки информационных плакатов. Их выставляли в витринах магазинов, и во многих местах они являлись основным способом информации населения о важнейших политических и военных событиях. Иногда в эти плакаты включали каррикатуры и сатирические стихи, высмеивавшие белогвардейских генералов, империалистов, спекулянтов.

Позже сатирическую часть отделили от информационной: возникли так называемые «Окна РОСТА» — красочные листы с политическими шаржами и стихотворными подписями под ними.

Инициаторами, основными авторами и главными исполнителями московских «Окон РОСТА» были В. В. Маяковский и художник М. М. Черемных. Они вкладывали в эту работу огромную творческую и физическую энергию, не только сочиняя карикатуры и тексты, но и сами размножая плакаты.

В здании РОСТА для тиражирования «Окон» были предо-

ставлены две большие проходные комнаты, и, шагая из одной редакции в другую через эти комнаты, я десятки раз видел Маяковского с длинной малярной кистью в руках. Он макал ее в ведро с краской и затем яростно закрашивал прорези трафаретов на расстеленных по полу листах ватмана. В другой комнате тем же занимался Черемных.

В Москве «Окна РОСТА» выпускали один-два раза в неделю в нескольких десятках экземпляров.

Позже, по примеру Москвы, «Окна РОСТА» создали в Петрограде, на Украине, в Саратове и во многих других местах.

В эти годы возникает новый вид информационно-агитационной периодики — стенные газеты. Их выпускали периферийные отделения РОСТА, печатая на одной стороне листа и расклеивая на стенах домов, заборах, афишных тумбах.

В стенных газетах публиковалась преимущественно информация: сводки с фронтов, краткие сведения о внутренних и зарубежных событиях, сообщения о местной жизни. Значительно реже печатали небольшие передовые, стихи, шаржи. В разгар гражданской войны таких газет издавали сотни.

Огромную помощь периферийной прессе оказывало своеобразное издание, называвшееся «Агит-роста». Это была подборка статей и других литературных материалов, написанных московскими журналистами и предназначенных для перепечатки в местных газетах.

«Агит-роста» верстались на развернутом листе бумаги формата «Правды» и содержала восемь-десять колонок текста: статьи, очерки, маленькие фельетоны, обзоры печати и т. д. Для удобства использования «Агит-роста» печатали на одной стороне листа с пробелами между статьями, это облегчало включение отдельных материалов в макет газеты.

Материалы группировались в небольшие тематические подборки: «По Советской России», «В освобожденных местах», «Провинциальные картинки», «Красной молодежи», «Женщины-работницы». К важнейшим политическим кампаниям готовились специальные «странички»: «К неделе фронта», «Страничка красноармейца», «Все на борьбу с Деникиным».

В «Агит-роста» включались также «Инструкторские страницы», предназначавшиеся не для публикации в газетах, а для самих редакционных работников, для повышения их квалификации. В «Инструкторских страницах» помещались статьи по вопросам профессионального мастерства: «Техника газетного дела», «Как писать для рабоче-крестьянских газет», «Заголовок в газете» и т. п.

«Агит-роста» выходило ежедневно, редактировал его П. М. Керженцев. В издании участвовали самые квалифициро-

ванные партийные литераторы. Наряду с именами профессиональных журналистов в его выпусках можно было встретить имена Н. К. Крупской, Н. И. Подвойского, А. М. Коллонтай, Инессы Арманд, Н. А. Семашко, В. А. Карпинского и многих других.

Вместе с «Агит-роста» в газеты рассылались также иллюстративные материалы: фотографии, рисунки, карикатуры.

Колоссальную работу РОСТА вело с кадрами журналистов — по их идейному воспитанию, повышению квалификации, подготовке новых сил.

Инструкторский отдел рассылал местным редакциям обстоятельные рецензии на конкретные издания с разбором достижений и недостатков, указанием ошибок, советами по их исправлению. В отдельных случаях на места командировали опытных консультантов.

В крупнейших губернских центрах были организованы школы и курсы повышения квалификации газетных работников, обслуживавшие коллективы журналистов ряда губерний.

Летом 1919 года была основана в Москве Центральная школа журналистов, проработавшая около двух лет и реорганизованная затем в высшее учебное заведение — Московский институт журналистики.

К заслугам Керженцева и РОСТА нужно отнести также создание Московского дома печати — первого клуба творческой интеллигенции столицы, объединившего своих членов на платформе Советской власти. Возникший по инициативе и при активном участии коллектива РОСТА и разместившийся в двухэтажном особняке на Никитском (ныне Суворовском) бульваре, Дом печати в кратчайший срок превратился в центр творческо-общественной жизни, куда потянулись не только журналисты, но и работники издательств, писательская и театральная молодежь, художники, музыканты. Кроме докладов, лекций, семинаров на политические и профессиональные темы, здесь устраивали встречи с ведущими деятелями культуры и искусства, дискуссии по актуальным вопросам литературной и художественной жизни, поэтические и музыкальные вечера. В его небольшом уютном зале с крошечной сценой выступали Луначарский, Маяковский, Брюсов, многие другие писатели, поэты, драматурги, критики. В фойе и вестибюле сменяли одна другую выставки книг, фотографий, живописи, графики. Для творческой молодежи Москвы это был подлинный университет культуры.

Огромную роль РОСТА в становлении и совершенствовании молодой советской печати принуждены были признавать даже люди, далекие от симпатии к нашей революции.

Так, английский публицист Фрэнсис Мак-Калох в своей книге со специфическим названием «В плену у красных» писал:

...«Это безусловно поразительнейшее учреждение в мире. РОСТА — наследница старого Петербургского телеграфного агентства — организации, подобной Рейтеровской, превратилась теперь в огромную гениально построенную машину для большевизации России».

И, описав структуру и методы работы РОСТА, заключил:

«Идея, организация и управление РОСТА превосходны с технической точки зрения. Переход всей печати под его опеку дает самым маленьким газетам отдаленных уголков России возможность печатать отличные статьи и обзоры, употреблять изысканные заголовки и выпускать ошеломляющие бюллетени».

Историкам советской печати давно пора заняться исследованием многогранной деятельности РОСТА в годы гражданской войны как одной из ярчайших страниц становления советской печати.

Штудирование керженцевской «Газеты», изучение методов и приемов работы РОСТА я рассматривал не только как способ повышения своей журналистской квалификации, но и как подготовку к выполнению обязанностей руководителя Бюро РОСТА на агитпоезде «Красный Восток».

Но, к моему великому огорчению, формирование поезда безбожно затянулось. На собрании коммунистов, включенных в состав Политотдела, Я. Буров не мог сказать ничего утешительного: «Не хочу обманывать, может быть, будет готов через три недели, а может быть, и через два месяца».

Мне наскучило ждать. И хотя я принимал участие в оборудовании поездной типографии и подборе сотрудников Бюро и газеты, большую часть дня я был свободен. И это в октябре-ноябре 1919 года — в дни жесточайших боев на фронтах, в дни смертельной опасности для Петрограда, в дни решающих контрнаступлений против Деникина.

В партийных и профсоюзных организациях шла новая мобилизация в армию, а я сижу у моря и жду погоды.

И, посоветовавшись с Керженцевым, я подал заявление с просьбой освободить меня от «Красного Востока» и направить на фронт.

Через два дня по путевке Политического управления Реввоенсовета республики (Пур) я выехал из Москвы в распоряжение Политотдела Южного фронта (Поюж).

Ехать пришлось недалеко, меньше ста километров от Москвы, в Серпухов, где в ту пору находились Реввоенсовет и Политотдел Южного фронта.

Три-четыре часа на местном поезде, час пешком по снежной

дороге до центра города, где размещались фронтовые учреждения, и я — в здании Поюж.

Меня принял начальник Политотдела — солидный и внимательный человек лет сорока с профессорской бородкой и спокойной жестикуляцией.

На сей раз я оказался в подчинении Владимира Петровича Потемкина, в прошлом педагога и члена коллегии Наркомпроса (в будущем видного советского дипломата и академика, наркома просвещения, президента Академии педагогических наук).

Выслушав краткую информацию о моей предыдущей работе, Владимир Петрович ввел меня в курс последних событий на Южном фронте. После осенних поражений наступил перелом в нашу пользу. Противнику нанесено несколько мощных ударов. На центральном участке освобожден Курск и идет наступление в направлении Белгород—Харьков. Отлично показала себя кавалерия. Особенно корпус Буденного. Есть решение о реорганизации его в особую конную армию. Сейчас идет подбор работников для его Политотдела.

Попутно Потемкин охарактеризовал военное и политическое руководство Южфронта. Командующий фронтом Егоров — бывший полковник царской армии, опытный командир, коммунист. Но главная фигура в Реввоенсовете — уполномоченный ЦК партии Сталин. Человек железной воли. По всем вопросам его слово — решающее.

Потемкин с большим уважением произнес это имя, и я отчетливо помню, что именно с Серпухова оно зафиксировалось в моем сознании. И раньше я не раз видел эту фамилию в списках членов ЦК и Совнаркома, знал, что Сталин одновременно руководит двумя наркоматами: по делам национальностей и Госконтроля, изредка читал в «Правде» его лаконичные статьи.

— Что касается вашего желания работать в газете,— сказал Потемкин,— то придется несколько подождать. Пока из армий нет запросов. Временно потрудитесь у нас: будете держать связь с РОСТА и армейскими газетами, писать листовки, помогать нашему издательству.

В Поюже я проработал около трех недель: просматривал прифронтовую советскую и доставлявшуюся из-за фронта белогвардейскую печать, посылал корреспонденции в «Агит-роста», написал несколько прокламаций: «К братьям казакам», «К дезертирам», «Вступайте в Красную Армию!»...

...Из серпуховского периода жизни отчетливо запечатлелись в памяти два эпизода.

Один из них — приезд в Поюж Джона Рида. Не знаю, зачем и куда направлялся он и надолго ли задержался в Серпухове.

Но отлично помню входящего в мою комнату высокого тридцатилетнего парня спортивного вида, в меховой шубе и унтах, раскрасневшегося от мороза, с веселыми озорными глазами. Его привел секретарь Потемкина, представил: «Американский журналист Джон Рид», попросил подобрать для него печатные материалы: фронтовые газеты, листовки, плакаты.

Я видел и слышал Рида почти два года назад в Таврическом дворце — на III съезде Советов, и уже тогда проникся к нему глубокой симпатией: первый американец — друг нашей революции!

Но здесь, в Серпухове, в первый момент я его не узнал: в шубе он выглядел и выше, и шире, и старше. Я был уверен, что Рид в США. И вдруг — совсем неожиданно — он здесь, рядом, крепко жмет руку, весело улыбается.

Через сопровождавшую Рида переводчицу я рассказал о задачах и формах работы моего подотдела, об имеющихся у нас материалах. Затем, подобрав все, что, по моему мнению, могло представлять интерес, предложил просмотреть.

Рид присел к столу, вместе с переводчицей перелистал подшивки газет, папки с листовками, попросил дать ему вторые экземпляры некоторых изданий.

Визит продолжался не больше часа. Но он взволновал меня и запомнился, как одно из самых ярких событий моей молодости.

В те годы я собирал автографы и попросил Рида написать несколько слов в мой блокнот. Охотно согласившись, он набросал по-английски: «Молодому русскому другу. На память о встрече в Серпухове в декабре 1919 года. Джон Рид».

(Почти четверть века записка хранилась как зеница ока с моими самыми ценными документами. Осенью 1941 года я отправил ее с эвакуировавшейся из Москвы семьей на Урал. Жена уезжала с грудным ребенком. в дороге ее обокрали, и вместе с чемоданом погибла драгоценная записка).

Через год после серпуховской встречи я узнал, что Джон Рид умер от тифа. В расцвете сил — тридцати трех лет от роду. Как несправедлива бывает судьба...

Автор прекрасной книги «Десять дней, которые потрясли мир» похоронен у Кремлевской стены на Красной площади...

Другой из запомнившихся эпизодов совершенно иного плана.

Как-то в коридоре Политотдела мне встретился франтоватый кавалерист, в отличных по тому времени сапогах, в широченных красных галифе, в бекеше из дорогого сукна, в лихо заломленной папахе.

— Товарищ Лебедев?! — радостно устремился он ко мне и, увидев недоумение в моих глазах, пояснил:

— Помните, встречались в Двинске? Вы еще были с Сашкой Кацем. Я — Наум. Забыли? — И, не ожидая ответа, засыпал воп-

росами: — А вы служите здесь в Политотделе? На какой должности? Хорошо знакомы с Потемкиным? У меня к вам просьба...

Я вспомнил, как год назад в Двинске у родственников Каца увидел сытого, полупьяного, нагловатого парня в шелковой косоворотке, с гитарой в руках, певшего цыганские романсы и смачно рассказывавшего скабрезные анекдоты. «Дальний родич, седьмая вода на киселе,— как бы извиняясь, пояснил Кац.— Отец — барышник, торгует лошадьми, а Наум объезжает. Да и сам поторговывает. Душа местного общества: бабник, картежник, поет, танцует, играет на гитаре...»

— Какими судьбами вы здесь?— с удивлением спросил я.

— А Двинск-то — тю-тю, забрала «железная дивизия». Эвакуировался, записался в партию, еду добровольцем на фронт. Будете у Потемкина, закиньте за меня словечко.

На другой день Владимир Петрович сам спросил меня о лихом кавалеристе:

— Вы хорошо знаете этого вашего приятеля в красных штанах? Говорит, что вы давно знакомы, встречались на Западном фронте...

Я рассказал о своих двинских впечатлениях и вчерашней встрече.

Потемкин встал из-за стола и взволнованно зашагал по комнате:

— Какое чутье у этих шакалов! Начинается наступление, и мародеры тут как тут! По анкете ваш «друг» — рабочий, служил на конном заводе. Врет — не краснея! А знаете, что ему нужно? — с возмущением остановился Потемкин.— Должность коменданта города, хотя бы небольшого. На меньшее он не согласен. От назначения в строевую часть категорически отказывается. У него, видите ли, грыжа, и он не подлежит призыву. Доброволец! Говорит, что служил где-то в комендатуре. И эта работа ему нравится. Теперь сам хочет быть «хозяином». Реквизиции, конфискации, контрибуции! Для честного человека — тяжелый долг Для хапуг — хлебная должность. Завтра я ему выдам «комендатуру»!

Не знаю, чем кончились переговоры, но на другой день Наум выскочил из кабинета начпоюжа с багровым лицом и, промчавшись мимо меня, исчез из Политотдела...

Этот, казалось бы, незначительный эпизод запомнился мне навсегда. Враги не только по ту сторону фронта, их можно обнаружить и среди своих И не только в виде муравьевых, григорьевых, махно — авантюристов крупного и среднего масштабов, во имя честолюбия и властолюбия примазывающихся к революции и изменяющих ей, но и аферистов мелкого калибра — хапуг, мародеров... Они не выступают с «манифестами» и не подымают

восстаний, но, паразитируя на наших недостатках, дискредитируют революцию, причиняя не меньше вреда, чем муравьевщина, григорьевщина, махновщина.

И я от души признателен Владимиру Петровичу Потемкину, что еще в дни моей молодости он привлек внимание к захребетникам и призвал к бескомпромиссной, непримиримой, беспощадной борьбе с этой дрянью.

Через несколько дней начполитотдела снова вызвал меня к себе.

— Вчера товарищ Сталин вернулся из Конной армии,— сообщил он.— Срочно нужны политработники для Поарма. Газета — «Красный кавалерист» — у них уже есть. Есть и редактор. Но много и других, не менее важных дел. Приготовьтесь к отъезду.

— Когда нужно выезжать?— обрадовался я.

— Чем скорей, тем лучше.

Я попросил разрешения заехать на день в Москву. Попрощался с женой, захватил в РОСТА десятка три клише (пригодятся для «Красного кавалериста») и с первым отправляющимся в Курск воинским эшелоном двинулся на юг.

После блистательной победы под Касторной над Мамонтовым и Шкуро Конная армия с упорными боями продвинулась к Донбассу и вступила в него. Местонахождение штаба (и Политотдела) менялось ежедневно, и мне сказали, что нужно доехать до Харькова (неделю назад освобожденного от деникинцев) и там у коменданта можно будет узнать, куда двигаться дальше. Однако даже до Харькова было добраться не так-то просто. Уже за Тулой железнодорожные станции были забиты эшелонами до такой степени, что все прежние станционные пробки, с которыми мне приходилось иметь дело, показались детской забавой.

Когда эшелону удавалось продвинуться вперед, на следующей узловой станции он попадал в новую пробку, занимал очередь и сутками ждал отправки. Нужно было ловчить: искать эшелон, отходящий раньше других, пытаться втиснуться в одну из теплушек. Но «ловкачей» было много, и пассажиры, захватившие места раньше, успешно отбивали атаки. На крышах, тормозных площадках, ступеньках ехать было невозможно: стояли сильнейшие морозы.

Потерпев неудачу с одним эшелоном, повторяли попытки в следующих. Иногда удавалось втиснуться, чаще получали отпор. Лишь однажды где-то под Белгородом мне повезло. Глубокой ночью в воинском поезде я обнаружил теплушку с полуоткрытой дверью. Заглянул внутрь: посреди — манящая теплом, раскаленная докрасна печурка. На полу и на нарах глубоко спя-

щие люди. Никакой охраны! Не веря своим глазам, тихо влез в вагон, ощупью отыскал свободное место и, положив рюкзак под голову, накрылся шинелью и мгновенно уснул.

Сколько спал — не знаю. Чувствовал только, что поезд идет.

...Проснулся от крика: звонкий молодой голос звал в атаку:

— Эскадро-он!.. За мной! Рубай их, гадов, рубай без пощады!

Кто-то бился в горячке в дальнем углу вагона.

— Федя, успокойся! Федя, успокойся!— ухватив за руки кричащего, навалился на него пожилой солдат.

— Пи-ить! Пи-ить! Пи-ить! — стонали из другого конца теплушки.

Послышались стоны и с нар...

Выяснилось, что я попал в сыпно-тифозный изолятор. Сюда сносили заболевших со всего эшелона. Вагон должны были отцепить на ближайшей узловой станции.

Ночью санитар выносил покойника, в это время я влез в теплушку и занял освободившееся место. Вернувшись, санитар не заметил нового пассажира.

Признаюсь: эта информация не доставила мне удовольствия.

Тиф свирепствовал по всей стране, и заразиться можно было где угодно. Но проспать ночь в окружении тридцати тифозных — это было почти стопроцентное попадание.

Зачесалось все тело, отяжелела голова, поднялась температура, я явно заболевал.

На ближайшей остановке, схватив рюкзак, пулей выскочил из теплушки и, несмотря на протесты дежурного, влез в соседний вагон. К счастью, мы приближались к Харькову и вскоре остановились у товарной станции. Побежал в город в поисках бани.

В центре встретил знакомого по Москве — поэта Арго. Во время деникинщины он жил у родных в Харькове, обрадовался встрече, потащил к себе. В теплой квартире после горячей ванны, порции хинина и двенадцатичасового сна я ожил: видимо, начиналась лихорадка, и ее удалось отбить. Тиф прошел мимо.

В комендатуре сказали, что точных сведений о местопребывании штаба Первой Конной у них нет. Армия наступает широким фронтом в направлении Таганрог—Ростов. Только что заняты Бахмут и Попасная. Освобождены Сватово, Лисичанск, Изюм. Идут бои в районе Дебальцево, Горловки.

Дорогие сердцу места! Край моего детства! Сколько связанных с ним впечатлений, дум, воспоминаний. Родной Донбасс, ты снова становишься нашим!

Спросил: как же все-таки советуете добираться до Конармии?

— А как сумеете. Движение по железным дорогам только восстанавливается. Кое-где ходят местные поезда. Многие едут на

лошадях, с оказией. Подавайтесь на Бахмут — там узнаете, куда дальше.

Вскоре подвернулась оказия. Тут же, в комендатуре, встретился со знакомым по Нарвскому фронту, командиром латышом Берзиным. Теперь он командовал полком, возвращался из Москвы, догонял свою часть. У него была подорожная на право пользования лошадьми, и вместе с ним на санях я доехал до Изюма.

Забежал к отцу. Он был растерян, проклинал белых, боялся их возвращения.

Паровозоремонтный завод, на котором работал отец, был разорен: часть оборудования увезена белыми, вывезен и инженерно-технический персонал. Сейчас рабочие пытались восстановить завод.

Мать непрерывно плакала. Вчера с Политотделом 13-й армии, стоявшим несколько дней в Изюме, уехал мой брат — семнадцатилетний Костя: поступил добровольцем и простился с домом.

— Чует мое сердце,— заливалась слезами мать,— что расстались навеки. Который год ты,— упрекала она меня,— носишься неизвестно где, а теперь и Костя улетел навсегда!

Я пытался утешать, уверял, что война идет к концу, что все скоро наладится и семья снова соберется вместе. (Но горькое предчувствие матери оправдалось: через три месяца из Мелитополя пришла похоронная: сотрудник Поарма 13-й армии Константин Лебедев умер от сыпного тифа...)

Оставив отцу свой скудный паек, я пустился в дальнейший путь по следам Первой Конной.

В пути и застал меня новый, 1920 год.

Ростов. В Поарме Первой Конной.— ДонРОСТА.— В Таганроге.— «На страже революции».— В меньшевистской Грузии.— Беседа с С. М. Кировым.— Тифлис.— Делегация II Интернационала.— Возвращение на Родину.

...Первую Конную, точнее ее 11-ю кавдивизию догнал только в Таганроге, где еще несколько дней назад размещалась ставка Деникина...

Но ни Реввоенсовета армии, ни ее Политотдела здесь не оказалось. Как сообщил комендант города, их нужно было искать на подступах к Ростову, где шли бои с крупными силами противника.

По слухам, наши части уже вступили в Ростов, и комендант уверял, что я не ошибусь, если направлюсь прямо туда.

Жаль только, что комендатура не может помочь транспортом: железная дорога разрушена в нескольких местах, обозы идут прямо, минуя Таганрог, свободных лошадей нет.

— Если очень торопитесь, шагайте по шпалам. Здесь всего шестьдесят верст. Может, удастся подъехать на дрезине. А не то — ждите оказии...

Мне так хотелось побыстрей добраться до места, что я отправился пешком.

...На другой день к вечеру, когда я дошагал до Ростова, он был уже полностью освобожден от противника.

В примолкшем и остывающем от боев городе, в тихом переулке недалеко от центра я отыскал одноэтажный особнячок, в котором только что разместился Политотдел Первой Конной.

Я представился дежурному и через полчаса сидел в небольшой уютной столовой и с огромным удовольствием пил горячий чай в кругу молодой и дружной компании политотдельцев. Это была одетая в солдатские гимнастерки партийная молодежь — моего и чуть постарше возраста (который после организации Союза коммунистической молодежи стал именоваться комсомольским).

Прибывшие из разных концов страны в только что создан-

ную Конармию некоторые из них, однако, уже успели принять участие в наступлении последних недель...

Царило праздничное оживление. Еще не улеглось возбуждение от цепи побед. Меньше двух месяцев назад деникинцы хозяйничали в Орле, рвались к Туле, собирались к рождеству быть в Москве. А за последние недели все их планы полетели в тартарары. Красной Армией пройдены с боями сотни и сотни километров, освобождены десятки губерний, полностью очищен Донбасс!

Только за четыре январских дня 1920 года враг изгнан из Таганрога, Новочеркасска, Ростова! Мы у ворот Кавказа!

И огромная доля в этих победах принадлежит Первой Конной!

Отличные вести шли и с других фронтов: Юденич разгромлен под Петроградом, на Украине освобожден Киев, на Волге — Царицын, в Сибири — Красноярск, Иркутск, десятки других городов!

Еще немного — конец войне! Можно будет приняться за мирные дела...

...На другой день из беседы с исполнявшим обязанности начпоарма Гиллерсоном я получил представление об обстановке на нашем участке фронта, о задачах и формах работы Поарма, а также о делах, которыми предстоит заняться мне.

— На нашем фронте — заминка. Во время боев за Ростов нам не удалось форсировать Дон, белые закрепились на противоположном берегу в районе Батайска и к северу от него, сейчас идет подготовка к трудной переправе по льду и дальнейшему наступлению на Кавказ.

Юго-Восточный фронт переименован в Кавказский, Первая Конная, входившая до сих пор в состав Южного фронта, включается в новый фронт и примет участие в боях за Дон и Кубань.

Реввоенсовет армии состоит из командующего Семена Михайловича Буденного и членов Совета Климента Ефремовича Ворошилова и Ефима Афанасьевича Щаденко. О первых двух я был наслышан раньше, о Щаденко Гиллерсон рассказал мне, что он, как и Ворошилов, донецкий рабочий, член партии с 1904 года, активный участник борьбы за Советскую власть в Донбассе.

Политотдел армии находится в стадии формирования. Еще нет начальника. «Ждем со дня на день из Москвы»,— сказал Гиллерсон. Есть только заместители — Гиллерсон и Турецкий. Они и руководят Поармом.

Штат недоукомплектован, и работники Поарма разрываются на части. Кроме дел в самой армии: руководства политотделами дивизий, партячейками, учета и распределения политкадров, информации, снабжения частей литературой, организации культ-

работы и многих других, Поарм должен помогать Ростовскому ревкому и областным организациям в восстановлении советских учреждений и налаживании жизни в городе и ближайших освобожденных районах.

Несколько человек выделено для руководства отделами Ревкома, ведется большая лекционная работа среди населения, силами Политотдела издается областная газета «Советский Дон». Людей не хватает, а Ревком просит еще и еще.

— Видимо, и вам,— сказал в конце беседы Гиллерсон,— придется заняться местными делами. Как газетчику и работнику РОСТА мы думаем поручить вам два дела: во-первых, разобраться в деникинском осваге — осведомительном агентстве. Это не разведка, а информационно-пропагандистское учреждение. Посмотрите, чем оно занималось, что может быть использовано, нет ли материалов, которые следует отослать в Москву. Во-вторых, нужно организовать областное отделение РОСТА. Осмотритесь, подыщите помощников, посоветуйтесь с редактором «Советского Дона». К нему в редакцию ходит много всякого народа. Если нет вопросов — начинайте действовать.

В выданном мне на следующий день мандате было написано:

«Настоящим Политический отдел Первой Конной армии поручает инструктору-организатору культпросвета т. Н. А. Лебедеву привести в порядок все материалы и имущество, оставшиеся после добровольческого отдела пропаганды.

Кроме того, ему поручается принять меры к организации местного отделения РОСТА.

Все военные и гражданские организации должны оказывать т. Лебедеву всемерное содействие при выполнении возложенных на него обязанностей».

Я начал с деникинского отдела пропаганды — освага.

Он размещался в центре Ростова на Большой Садовой (ныне ул. Энгельса) в многоэтажном здании, в ста, а может быть, и более комнатах.

В здании я обнаружил поломанную и порубленную мебель, разбросанные и рассыпанные бумаги, книги, плакаты, недоупакованные ящики с литературой, денежными ведомостями, разлитые по полу чернила, клей, лужи воды.

На складах — штабеля книг, брошюр, листовок.

В нескольких смежных комнатах, видимо, бывшем кинотделе, горы круглых железных коробок и километры спутанных целлулоидных лент...

И ни единого человека!

Только в подвале удалось отыскать старого больного дворника, который и объяснил в чем дело.

Осваг эвакуировался спешно, в полном беспорядке, хватали,

что можно унести, остальное громили. К тому же, первые дни по освобождении города в здании квартировала воинская часть, не очень деликатничавшая с остатками деникинского добра.

Вместе с рекомендованным мне в редакции «Советского Дона» студентом Петей Семеновым я несколько раз обошел все комнаты, пытаясь понять, что же представляло собой это учреждение.

Каких только отделов и подотделов не обнаружили мы!

Отдел информации: внутренней, иностранной, «по Совдепии», бюллетень для ростовских газет, бюллетень для периферийной печати, бюллетень для служебного пользования.

Издательство с секторами: политической литературы, плакатов и альбомов, художественной литературы.

Отдел культурно-просветительный с подотделами: клубным, лекционным, концертным.

Киноотдел с редакциями хроники и игровых картин.

Отдел распространения. Организационно-инструкторский.

По разнообразию функций и масштабам работы учреждение превосходило московское ЦентроРОСТА Осваг был не только информационно-пропагандистским агентством, но и деникинским «политпросветом», «госиздатом», «кинокомитетом».

Перелистал некоторые книги и брошюры: злобная антисоветская макулатура, невежественная и наивная, хотя не лишенная порой литературного блеска; среди авторов попадались и такие в свое время известные имена, как «сатириконцы» Аверченко и Тэффи, московские и петроградские журналисты Сергей Яблоновский, Лоэнгрин и многие другие.

Один из складов оказался забитым пухлыми романами бывшего атамана «Всевеликого войска Донского» генерала Краснова. Это были сочинения того самого П. Н. Краснова, который в дни Октября вместе с Керенским пытался организовать поход против революционного Петрограда.

Взятый в плен, он был отпущен под «честное слово» и обещание отказаться от дальнейшей борьбы против Советской власти. Уехал на Дон, там был избран донским атаманом и, тайно договорившись с германскими генералами, повел наступление против Красной Армии. После ноябрьской революции в Германии лишился поддержки немцев и, сложив полномочия атамана, эмигрировал за границу. В свободное от ратных дел время Краснов успел написать и напечатать мемуары и энное число романов.

...Из произведений «изобразительного искусства» запомнился огромный — на полстены — красочный плакат к кинофильму осваговского производства «Жизнь — Родине, честь — никому».

Плакат изображал внутренность сельской церкви. У алтаря — на вздыбленном коне — красноармеец в буденновском шлеме.

Всюду следы погрома: порубленные шашкой иконы, разбросанная церковная утварь, сломанная дверь алтаря. Цела только икона божьей матери. На эту — единственную уцелевшую святыню и нацелена длинная пика «свирепого буденновца»...

Мне тогда не удалось обнаружить фильма, и я не имею представления о его содержании. Но о прокатной судьбе деникинской «агитки» можно было судить по обнаруженному тут же, в киноотделе, приказу начальника гарнизона Ростова и Нахичевани.

В приказе (опубликованном во всех ростовских газетах, примерно три недели тому назад) генерал-майор Тарасенков извещал, что 2, 3, 4, 5, 6 и 7 декабря в театре «Колизей» (Большая Садовая, 79) будет демонстрироваться бесплатно по одному сеансу в день картина «Жизнь — Родине, честь — никому», «рисующая период господства большевиков в г. Ростове-на-Дону в минувшем, 1918 году».

«Для обозрения этой картины,— приказывал генерал-майор,— всем воинским частям, штабам и управлениям командировать нижних чинов под командой офицеров в следующем порядке:

2, 3, 4 декабря — войскам частей гарнизона; 5 и 6 декабря — чинам штабов и управлений и 7 декабря — чинам городской стражи и лечебных заведений города.

Частям прибывать в театр к 15 1/2.

Во время сеанса играть хору трубачей от 1-й студенческой бригады....»

Для наблюдения за порядком назначались специальные подразделения с дежурными офицерами во главе.

Вот так — в приказном порядке — и «обозревали» деникинские вояки произведения белогвардейского киноискусства.

...Самым интересным, что удалось обнаружить в осваге, были комплекты местных газет.

Несмотря на жесточайшую цензуру и холопское старание редакторов приукрасить положение в стане белогвардейцев, газетные полосы создавали неприглядную картину белого лагеря. Напрасно было искать на этих страницах информацию о жизни рабочих и крестьян, но о быте, нравах и настроениях правящей верхушки, паразитирующих слоев общества и их прихлебателей газеты давали живое и красочное представление.

Засиживаясь за полночь, я листал газеты, выписывал наиболее интересные факты, выдержки из статей и обзоров, объявления.

Особенно богатый материал давала «политическая, экономическая и литературная» газета «Приазовский край».

Как и большинство ведущих буржуазных газет дореволюци-

онной России, «Приазовский край» занимал в прошлом умеренно-либеральные позиции и своей оппозиционностью очень гордился.

Материальное благополучие газеты базировалось на дорогих коммерческих объявлениях, дававших возможность содержать большой информационный аппарат и платить высокие гонорары сотрудникам. Нередко на ее страницах можно было прочитать статьи, очерки, фельетоны, подписанные известными столичными и периферийными либеральными профессорами, публицистами, модными писателями...

Внешнюю респектабельность газета пыталась сохранить и при Деникине.

Как и до революции — это солидное четырехполосное издание большого формата. Как и до революции — много коммерческих объявлений: ими занята почти вся первая и три четверти последней полосы. Как и до революции — много отделов и рубрик.

Официальные сводки и телеграммы собственных корреспондентов с фронтов. Обширная зарубежная информация. Обстоятельные отчеты о заседаниях белогвардейских «парламентов»: «Особого Совещания при главнокомандующем вооруженными силами на юге России» и так называемого «Большого войскового круга при атамане Всевеликого войска Донского» (генерале Богаевском). Многословные статьи, обзоры, фельетоны. Хроника городских происшествий. По периферии: Литература и искусство. Театральный отдел. И т. д., и т. д., и т. д.

Листаю страницы.

Из объявлений на первой полосе узнаю, что театральная жизнь Ростова — Нахичевани «била ключом».

«В городском театре — драматический ансамбль О. П. Зарайской; в репертуаре — «Эрнани» Гюго.

В новом театре — оперетты «Сильва» и «Тайны гарема».

В Нахичеванском театре — комедии «Дама из Торжка» и «Надо разводиться».

В театре-кабаре «Гротеск» — очередная премьера миниатюр и эстрадных номеров.

В Палас-театре — грандиозный концерт. Выступления артистов государственных театров. Танцы в публике. Производится продажа столов и билетов. Начало в 9 1/2 вечера, конец — в два часа ночи».

В кинотеатрах каждые два дня новая программа: «Драма на колокольне», «В китайском притоне», очередные серии «Тайн Нью-Йорка» и т. д.

Этакий «расцвет» искусств!

Другие объявления создавали призрак процветания экономического...

Доно-Кубанский коммерческий банк сообщал об увеличении основного капитала до 12 000 000 рублей. Электрическое акционерное общество Донецкого бассейна выпустило в продажу новую серию акций. Водочно-ликерный завод «Золотой якорь» извещал о приеме заказов на специальные водки: зубровку, английскую горькую, хинную, лимонную, анисовку, а также на коньяки.

Если объявления первой полосы создавали иллюзию относительного благополучия, то редакционный текст развеивал эту иллюзию.

Столица деникинского царства походила на сумасшедший дом во время чумы. Город был забит до отказа воинскими частями, местными и эвакуированными учреждениями, запружен десятками тысяч беженцев. Город задыхался от недостатка жилья, продовольствия, порядка.

«В Ростов едут,— писал в том же «Приазовском крае» автор похожего на стон памфлета,— едут из Бахмута, Екатеринослава, Киева, Харькова, Севастополя, Новороссийска, Баку, Батуми, Петровска, Москвы, Петрограда... Едут в теплушках, в товарных поездах, на крышах вагонов, на буферах и подножках и даже с билетами всех трех классов. Вся эта тыловая армия, численностью превышающая армии среднебалканских государств, копошится в крошечном Ростове, устраивается и приспосабливается, наполняет все, что можно наполнить, толпится на улицах, площадях, тротуарах, в цирках, театрах и столовых, забивает трамвай и железнодорожные кассы и мчится по Садовой на автомобилях, лихачах и простых извозчиках.

Одежд и лиц, племен, наречий, состояний — невероятнейшая смесь. Миллионеры, архимиллионеры, просто капиталисты, чины и люди разных званий и положений, устраиваясь, пристраиваясь и спекулируя, хором жалуются на неудобства, дороговизну и негостеприимство и в то же время сами всемерно усиливают неудобства и дороговизну, затрудняют ход и жизнь истории...»

Памфлет заканчивался криком наболевшей души:

«Ростов неузнаваем. В Ростове редко увидишь ростовца. Ростовец где-то затерялся. В Ростове нет Ростова...»

И было от чего стонать: жесточайшая инфляция, массовая безработица, вакханалия цен.

А как же освещала эта респектабельная газета положение на фронтах? Что сообщала о решающих боях Деникина с советскими армиями?

В октябре 19-го года, в период наибольшего продвижения деникинских войск к Москве, «Приазовский край» ликовал:

«Дело красных,— самодовольно заявлял в интервью для газеты один из ближайших соратников Деникина генерал Шкуро,—

конечно, проиграно. Я не берусь ничего предсказывать ни о времени взятия Москвы, ни о зимней кампании, но совершенно очевидно, что конец близок».

Ему вторил ведущий публицист газеты Лоэнгрин: «Теперь, по всем видимостям, мы вступили в последний период большевизма. В период его агонии».

А в военном обзоре некий Ф. Купчинский приводил подробности:

«Целый ряд советских армий разгромлен окончательно и вряд ли сможет возродиться (например, полки 13-й советской армии). В пух разгромлена 8-я армия... Ее высший командный состав разбежался, ее обозы и припасы окончательно уничтожены...»

И это писалось о той самой армии, которая несколько недель спустя заняла Новочеркасск и вместе с Первой Конной вступила в Ростов!

Скрывая сокрушительные поражения белых армий, деникинские пропагандисты занимались утешительским суесловием.

«Характер большевистского наступления,— читал я в обзоре от середины декабря 19-го года,— определен словами самого главнокомандующего: «Это последние судороги умирающей Совдепии».

Это писалось за три недели до освобождения Ростова, за три месяца до полного разгрома деникинщины!

Осваг, «Приазовский край» и их писаки отлично знали, что защищают не только не правое, но и безнадежное дело.

Об обреченности деникинщины можно было судить по состоянию Добровольческой армии, ее наиболее боеспособных кадров, ее офицерства.

Достаточно было прочесть хотя бы два-три из многочисленных приказов военного начальства, публиковавшихся на первой полосе того же «Приазовского края», о поведении этого офицерства.

Вот для примера цитата из одного такого документа.

«В последнее время,— писал комендант Ростова и Нахичевани генерал-майор Фетисов в приказе от 29 сентября,— очень часто замечаются случаи появления воинских чинов в пьяном виде на улицах, в клубах и на вечерах, устраиваемых с благотворительной целью.

Некоторые доходят до такого состояния, что совершенно не отдают себе отчета в своих поступках, позволяют ссоры между собой, открытую площадную брань, приставанье к публике, оскорбления, требования документов, на поверку которых никто их не уполномочивал, обнажения оружия, стрельбу из револьверов, вмешательство в дела власти — стражи комендатуры —

при водворении ими порядка и вообще при исполнении обязанностей...»

Дальше шло описание конкретных фактов: избиения члена Большого Донского Войскового круга, издевательство над прохожими и т. д.

Комендант приказывал всех пьяных офицеров «немедленно забирать в комендантское управление» и подвергать дисциплинарным взысканиям.

Но угрозы помогали мало, и каждую неделю публиковались приказы о новых дебошах и с новыми угрозами.

Но в ту пору мне некогда было изучать морально-психическое состояние белых частей. Нужно было торопиться с выполнением второго задания: организацией Донского отделения РОСТА.

И, согласовав план действий с руководством Поарма, я отобрал по три экземпляра печатных изданий освага (включая романы генерала Краснова), присовокупил к ним комплекты «Приазовского края» и некоторых других антисоветских газет — все это послал в Москву в три адреса: в ЦК РКП(б), в ЦентроРОСТА и в Румянцевскую (ныне Ленинскую) библиотеку.

Ящики с литературой были отправлены с ехавшим в Москву замначальника Поарма А. Турецким. К сожалению, он не вернулся назад, больше я никогда не встречался с ним и по сей день не знаю, дошли ли материалы по назначению. Во всяком случае некоторые осваговские издания я видел позже в ЦентроРОСТА.

Что касается прочего имущества освага, то, забронировав для ДонРОСТА часть уцелевшей мебели, множительную технику (пишущие машинки, ротаторы), бумагу, канцелярские принадлежности, весь остальной скарб вместе со зданием передали в распоряжение коммунального отдела Ревкома.

Освободившись от освага, вплотную занялся организацией отделения РОСТА.

Помещение удалось найти в центре города в одном из параллельных Большой Садовой тихих переулков. Это был двухэтажный особняк миллионера Хохладжева, одного из крупнейших воротил Ростова и Нахичевани. По словам коренных ростовчан, фирме «Хохладжев с сыновьями» принадлежали Донское пароходство, несколько крупных мельниц, одна из лучших гостиниц в городе, жилые дома, земли, акции во многих банках и акционерных обществах.

В особняке — три десятка комнат, зал с антресолями для оркестра, две холостяцкие квартиры для взрослых сыновей, подвалы для прислуги... Сейчас дом пустовал: сыновья-офицеры

уехали в неизвестном направлении, старик с женой перебрался куда-то к родственникам. В подвале остались дворник и старуха няня. Судя по поведению — сторожа хозяйского добра.

По площади и расположению комнат особняк вполне подходил для наших целей. И, не раздумывая долго, мы — я и мой помощник по ДонРОСТА Петя Семенов — решили обосноваться здесь.

Легко и быстро были решены и другие материально-технические вопросы: мебель взяли из хохладжевского и из осваговского имущества, из освага же перевезли канцелярское оборудование и необходимые для работы материалы; смету и штатное расписание утвердил Ревком; он же отпустил деньги на первоочередные расходы.

Не встретилось затруднений и с набором технических сотрудников. В Ростове скопилось много безработного служилого люда, и уже через три дня приступили к работе комендант, завхоз, бухгалтер, машинистки и курьеры.

Я опасался осложнений с укомплектованием литературно-редакционной части. Помня о недавнем саботаже старых газетчиков в Петрограде, Москве, Киеве, можно было ждать бойкота и здесь. Тем паче что Ростов продолжал оставаться прифронтовым городом: в нескольких километрах от центра, по ту сторону Дона, прочно держали оборону крупные силы деникинцев. Они ежедневно напоминали о себе артиллерийскими налетами.

Однако опасения оказались напрасными. Вера в победу Деникина среди буржуазной и мелкобуржуазной интеллигенции была в корне подорвана, и журналисты стали быстро перестраиваться. Уже в день объявления в «Советском Доне» о наборе сотрудников для ДонРОСТА с предложением услуг явились десятки газетчиков. В большинстве это были московские, петроградские и харьковские журналисты с многолетним стажем работы в печати.

В разное время и по разным причинам очутившись в Ростове, они при белых перебивались с хлеба на квас. Служили на второстепенных должностях в осваге, пробавлялись случайными гонорарами в «Приазовском крае» и других газетах, многие просто голодали.

Так как до того они не работали в советских изданиях и не имели рекомендаций, приходилось отбирать по случайным данным: по справкам дореволюционных редакций, автобиографическим рассказам, по личным впечатлениям — «на глазок». Если человек казался заслуживающим доверия, а в Ревкоме не было сведений об активной антисоветской деятельности, его зачисляли в штат.

Запомнились несколько опытных и талантливых журналистов,

в первые же недели зарекомендовавших себя с самой лучшей стороны. Среди них — бывший заведующий информацией московской газеты «Русское слово» Ипполитов; бывший редактор эсеровской газеты «Дело народа» Дроботов; поэт-«сатириконец» Д'Актиль; другой «сатириконец», в будущем видный «крокодилец» — художник Константин Ротов; начинающий журналист, в будущем известный театральный и кинодраматург И. Прут и некоторые другие.

Уже через неделю удалось наладить выпуск информационного бюллетеня для прессы, еще через неделю — издание ежедневной печатной стенной газеты «ДонРОСТА» чуть позже — агитационных плакатов «Окна ДонРОСТА».

В одном из первых номеров стенгазеты было опубликовано стихотворение Д'Актиля «Марш Буденного», которое вместе с написанной на него музыкой Дмитрия Покрасса стало одной из первых популярных советских песен.

«Окна ДонРОСТА» делались по образцу московских. Авторами донского издания были Д'Актиль (тексты надписей) и К. Ротов (шаржи, карикатуры). При размножении «Окон» (они выпускались в десяти экземплярах) Ротову помогали художники-подмастерья.

Д'Актиль и Ротов на лету схватывали очередные политические темы и быстро находили яркое словесное и изобразительное решение. Мне, как редактору, почти никогда не приходилось вносить сколько-нибудь существенных поправок.

Помню только один юмористический случай. В своих карикатурах Ротов любил изображать «международную буржуазию» в виде упитанной полногрудной дамы с большим декольте. Порой «буржуазия» выглядела столь соблазнительной, что скорей привлекала, чем отталкивала зрителя. Однажды, указав на этот эмоциональный «перекос», я попросил Ротова чуть «приодеть» даму. Недовольный замечанием художник, пробормотав что-то, декольте убрал. Но на другой день принес в редакцию шарж уже на меня. На сохранившемся по сей день карандашном наброске изображены падающая в обморок пышная дама, я, закрывающий ее носовым платком, а также Ротов и другие художники ДонРОСТА, «возмущенные» произволом молодого редактора...

...Занятый сначала ликвидацией освага, затем организацией и текущими делами ДонРОСТА, я лишь на минутку забегал в Поарм и не знал о персональных перемещениях в составе Политотдела.

Однажды меня представили только что прибывшему из Москвы начальнику Поарма Владимиру Николаевичу Залежскому. Сорокалетний человек среднего роста с мягкими чертами лица

и глубоко сидящими глазами, он с первого же взгляда вызывал симпатию и уважение. Они возрастали, когда мы узнавали о его жизненном пути: с 19 лет — участник революционного движения, с 22-х — член РСДРП(б). Многократные аресты и ссылки. В феврале 1917 года член Русского бюро ЦК и член Петербургского комитета большевиков. Делегат Апрельской конференции и VI съезда партии. В первые годы революции — член коллегии и заместитель наркома почт и телеграфов.

Информированный Гиллерсоном о выполняемом мною задании, В. Н. Залежский предложил до прибытия из Москвы постоянного уполномоченного РОСТА продолжать заниматься Донским отделением, обещав не загружать другими делами.

Между тем положение на Кавказском фронте, особенно на ближайших к Ростову участках, серьезно осложнилось. После семисоткилометрового победоносного рейда от Касторной до Ростова Первая Конная вместе с частями 8-й и 9-й армий уперлась в Батайск и вот уже несколько недель не могла продвинуться вперед.

Неоднократные попытки фронтальным ударом форсировать Дон и захватить плацдарм на левобережье терпели неудачи. Несколько раз удавалось переправиться через замерзшую реку, но тонкий лед не выдерживал тяжести артиллерии, и атакующие части с большими потерями откатывались назад.

Только после назначения М. Н. Тухачевского командующим Кавказским фронтом был пересмотрен план операций: было приказано закрепиться на занимаемых позициях, привести части в порядок, тщательно подготовиться к дальнейшему наступлению.

Но пока шла перегруппировка наших дивизий, деникинское командование пустилось на опасную авантюру.

Утром 20 февраля «добровольческая» пехота после артиллерийской подготовки форсировала Дон и ворвалась в город. Бои развернулись на улицах Ростова.

Пришлось срочно эвакуироваться.

Поарм Первой Конной и подведомственные ему организации были переброшены в Таганрог, где находились тылы армии — Управление по формированию новых подразделений (Упраформ), базы снабжения и т. п.

Авантюра деникинцев окончилась провалом, и уже 23 февраля белые были выбиты из Ростова и отброшены за Дон. Но за два-три дня хозяйничанья в городе они натворили немало бед: расстреляли многих не успевших эвакуироваться партийных и советских работников, захваченных в плен комиссаров и командиров. Особенно свирепствовали в госпиталях, где уничтожили сотни больных и раненых красноармейцев. Были разграблены учреждения, склады, магазины.

Попал снаряд и в здание ДонРОСТА, пробив большую дыру в моем кабинете. Но учреждение не подверглось разгрому: сразу явился хозяин особняка, вывесил на парадной двери «охранную грамоту» и приказал дворнику никого не пускать в дом.

Деникин и его армия уважали миллионеров, и никто не осмелился переступить порог хохладжевского владения. Так уцелело ДонРОСТА.

Уходя, хозяин захватил только ночные туфли: «Соскучился. Не могу жить без них», но предупредил дворника: «А добро береги — мы еще вернемся»...

...Вскоре из Москвы прибыл постоянный уполномоченный РОСТА по Донской области, и, сдав ему дела, я получил новое назначение.

— Назначение это временное,— сказал начальник Поарма,— и не по вашему профилю. У нас на политкурсах ЧП, и пока вам придется заняться ими. Прежний заведующий оказался изменником. Во время деникинского налета на Ростов выдал контрразведке пятерых курсантов, они лежали в тифу в госпитале, их расстреляли. При отступлении белых предатель бежал. Курсы сейчас в Таганроге.

В. Н. Залежский охарактеризовал вкратце задачи, программу и состав курсов, предложил взять список учащихся и приготовиться к отъезду в Таганрог.

Однако на другой день, когда я зашел за мандатом, мне сообщили, что по совместительству, и также временно, я назначен исполняющим обязанности военкома организуемых в том же Таганроге кавалерийских курсов.

— Там найдете начальника Упраформа, он расскажет о ваших обязанностях. В ближайшее время постараемся прислать постоянного комиссара.

А когда я пошел прощаться с коллективом ДонРОСТА, новый уполномоченный вручил мне третий мандат: на организацию и руководство Таганрогского бюро ДонРОСТА:

— Найдется время — организуй. Не найдется, подыщи когонибудь из местных. Торопить не будем...

Так в первых числах марта я оказался в Таганроге сразу в трех ипостасях: двух военных и одной гражданской.

Город, который в январе показался мне сумрачным, неуютным, сейчас, в лучах раннего весеннего солнца, выглядел привлекательным, хотя и несколько грустным.

Политкурсы, точнее, их административно-учебная часть разместилась в небольшом одноэтажном домике на главной улице.

Здесь находились аудитории, канцелярия и кабинет заведующего.

В кабинете заведующего я и поселился. В других комнатах жил весь остальной «штат»: секретарь, уборщица, дворник-истопник.

Слушатели — их было человек пятьдесят — приходили только на занятия: жили и питались в нескольких кварталах отсюда — в казармах при Упраформе.

Там же, в районе старых казарм, находились и кавалерийские курсы: учебно-административное здание, общежитие учащихся и квартиры педагогов, манеж, конюшни.

Таким образом, обе работы были почти в одном месте.

Больше я занимался политкурсами. Они готовили политруков из отличившихся в боях красноармейцев-коммунистов. Это были молодые рабочие и крестьянские парни в возрасте двадцати — двадцати пяти лет, смелые, напористые и любознательные, но не очень грамотные в политическом и общекультурном плане.

В связи с большими потерями на фронте политруков не хватало, и срок обучения на курсах не превышал трех-четырех недель.

Чему нужно было научить за этот срок?

Политотдел армии рекомендовал положить в основу учебного плана программу партии, а в качестве пособий взять только что вышедшую популярную книгу «Азбука коммунизма» и еще две-три брошюры, разъясняющие важнейшие разделы программы.

С лекторами было туго. В Таганрогском окружкоме партии их не было. Мало было даже рядовых агитаторов и пропагандистов. В местной газете «Красное знамя» несколько дней подряд печатали строгое объявление:

«Членам РКП(б), умеющим вести беседы по программным вопросам и выступать на митингах, предлагается явиться в Окружной комитет партии для регистрации у секретаря агитпропотдела.

Уклоняющиеся от явки будут исключены из партии. Срок — три дня»...

Приходилось выписывать лекторов из Ростова. Приезжали на два-три дня пропагандисты Поарма. Но когда почему-либо никто не мог приехать, отдуваться приходилось мне: сидел ночами и подробно конспектировал очередные главы «Азбуки коммунизма».

Так впервые прикоснулся к педагогической работе и сделал для себя открытие: какой же это благородный, но и нелегкий труд! Как важно не только владеть предметом, но и уметь увлекательно подавать его! Зато какая радость, когда загораются глаза слушателей, когда возникает контакт с аудиторией!

Но первое время было очень трудно. Особенно, когда доставались теоретические темы: «Капиталистический строй и его развитие», «Империализм».

Ни я, ни другие приезжавшие к нам лекторы еще не умели популярно излагать эти темы, и для курсантов они звучали очень отвлеченно. Как ни старался лектор, даже у самых усердных из слушателей слипались глаза.

Положение резко менялось, когда лекции касались близких и понятных аудитории тем: «Советская власть и ее устройство», «Программа коммунистов в военном вопросе», «Организация сельского хозяйства», «Советская власть и религия». Горячая заинтересованность и жизненный опыт курсантов с лихвой перекрывали педагогические огрехи начинающих лекторов.

И уж совсем легко проходили семинары по текущей политике. Их также по большей части приходилось вести мне. Еще с юношеских лет я привык регулярно и внимательно читать газеты, неплохо разбирался в вопросах международной политики и в положении на фронтах, хорошо знал географию. Этого было достаточно, чтобы семинары превращались в оживленные беседы у карты России, затягивающиеся надолго после окончания урока.

Курсанты оказались хорошими, дисциплинированными и пытливыми ребятами, сложился дружный коллектив, занятия шли успешно. Единственно, что огорчало: тиф!

Сыпной тиф стал бичом всей страны. Физическое истощение людей, топливный голод, антисанитарное состояние жилья, общественных зданий, транспорта, недостаток мыла — все это стимулировало эпидемию. Больницы и госпитали были забиты до предела. Не проходило дня, чтобы не заболевал кто-нибудь из курсантов. Пока искали свободное место в госпитале, больные отлеживались в моем кабинете. По ночам, обнаружив в кровати очередное насекомое (и вспоминая прошлогоднее путешествие в сыпно-тифозном вагоне), не без содрогания думал: не настал ли и мой час?!

За время моего заведывания курсами переболело не меньше половины слушателей. Молодые организмы, как правило, побеждали тяжелую болезнь, но выздоравливающие надолго отставали от товарищей по учебе.

Параллельно с работой на политкурсах — и в том же помещении — удалось учредить и Таганрогское бюро ДонРОСТА. Опираясь на рижский и, особенно, ростовский опыт, подобрал нескольких дельных журналистов (редактора, репортера, художника), установил связи с Таганрогским окружкомом партии и редакцией местной газеты, и бюро заработало. Была налажена ежедневная передача в Ростов информации о таганрогских собы-

тиях. Приступили к выпуску местных «Окон РОСТА». Все это отнимало у меня не более двух-трех часов в день.

...Хуже получилось с третьей моей обязанностью: военкомством на кавалерийских курсах.

Когда я приехал в Таганрог, курсы еще только готовились к открытию: заканчивалась подготовка материальной части, уточнялись программы занятий, шел набор учащихся. Всей этой работой руководил начальник Упраформа бывший офицер-кавалерист Мацалецкий. Он был неплохим педагогом-организатором, хорошо знал учебно-строевую часть, но от политико-воспитательных дел решительно отстранялся. Это целиком возлагалось на военкома.

В меру сил и способностей я включился в новое для меня дело: познакомился с педагогическим составом, участвовал в приеме курсантов, организовал партийную ячейку, начал политзанятия в уже укомплектованных взводах. Присутствовал на первых строевых занятиях.

Вот тут-то, во время строевых занятий, и обнаружились два моих недостатка. Во-первых, выяснилось, что в моем голосе и в манере говорить нет волевых, командирских нот, без которых нельзя выступать перед строем. Пока я читал лекции или вел беседы в классах, все шло хорошо. Но перед шеренгой или эскадроном, когда нужно было произносить речи и отдавать команды, голоса не хватало, я смущался и выглядел не солидно.

Во-вторых, я не умел ездить на лошади. А когда в срочном порядке попытался ликвидировать пробел, убедился, что это не так просто. Во всяком случае, не так просто держаться на лошади с той осанкой, которая обязательна для комиссара кавшколы.

Осознав это, я попросил Поарм ускорить присылку более подходящего кандидата и был рад, что еще до официального открытия курсов (на котором должен был присутствовать весь Реввоенсовет во главе с С. М. Буденным) сдал дела преемнику.

Так закончилось мое кратковременное комиссарство, и я получил возможность заняться только политкурсами и донростовским делом.

...Из событий таганрогского периода особенно запечатлелось одно — приезд М. И. Калинина и небольшая, но очень поучительная беседа с ним.

Он прибыл на агитационно-инструкторском поезде «Октябрьская революция».

За два дня остановки в Таганроге Михаил Иванович успел побывать на крупнейших предприятиях города и в ближайших селах, принял участие в объединенном заседании Окружкома РКП(б) и Ревкома, представителей партийных и профсоюзных

организаций города, несколько раз выступил на собраниях и митингах.

На одном из митингов в городском театре мне пришлось председательствовать, и это позволило увидеть Михаила Ивановича близко. В густой шевелюре Михаила Ивановича проглядывали серебряные нити. Седина пробивалась и в коротко подстриженной бородке. Несмотря на усталость и перенапряжение — их выдавали воспаленные от недосыпания глаза,— он был в прекрасном настроении.

В первой половине марта войсками Кавказского фронта были одержаны крупнейшие победы: форсирован Дон, взяты Батайск и Тихорецкая, шли успешные бои на подступах к Екатеринодару и Грозному... И эти успехи сказывались и на самочувствии докладчика, и на настроении аудитории.

— Мне приходится говорить с вами в момент чрезвычайно благоприятный для нашей Советской республики,— начал свое выступление Всероссийский староста.— Наше положение много улучшилось как в смысле военной обстановки, так и в международном отношении...

Озабоченный своей почетной миссией — вести собрание с участием главы Советского государства,— я не имел возможности полностью записать доклад, и в дневнике тех лет сохранились лишь отдельные фразы:

«...Революционные силы растут и растут... Контрреволюция слабеет с каждым часом, и иностранная буржуазия — как ни старается — не может справиться с нами... Мы налаживаем отношения с возникшими недавно соседними буржуазными государствами: заключили мир с Эстонией, ведем переговоры с Польшей... Сейчас главные усилия нужно направить на экономику, на восстановление хозяйства... И здесь огромную роль должны сыграть трудящиеся южных районов страны... Крестьяне и рабочие центральной России выполнили колоссальную работу по освобождению юга, и теперь ваша очередь, товарищи южные рабочие, помочь им с честью прийти к коммунизму...»

Докладчик призывал к развитию творческой инициативы масс: «Главная задача — будить самодеятельность населения, вовлекать в советское строительство самые широкие круги, вести агитацию не только политическую, но, главным образом, призывать к деловому строительству. Исключительное значение при этом имеют субботники и воскресники. Они становятся все более и более широким явлением. В них участвует, помимо коммунистов, огромная беспартийная масса. Они успели перекинуться даже в деревню...»

Закончив выступление, М. И. Калинин сел в президиум рядом со мной. Отдышавшись и внимательно рассмотрев ауди-

торию, Михаил Иванович наклонился ко мне и спросил шепотом:

— А чем командуете вы?

Я рассказал вкратце о политкурсах.

— Воспитываете будущих комиссаров? Хорошее дело! А каково настроение у ребят?

— Отличное. Боятся только, что скоро не с кем будет драться.

— Пусть не волнуются — на всех хватит. Вот зашевелилась Польша...

И, помолчав немного, неожиданно спросил:

— А как думаете вы, будет большая война с поляками?

Я смутился. Что на такой вопрос мог ответить рядовой армейский политработник?!

— Вы же, Михаил Иванович, знаете больше, чем я.

— Ну, а что думают ваши ребята? — не унимался он.

— Разговоры о Польше идут, будет ли война, не знают, а воевать готовы...

— Ну, вот и отлично,— с удовлетворением сказал Михаил Иванович,— я так и думал. К сожалению, мне нужно уезжать — объявите, пожалуйста.

И, сопровождаемый овацией собрания, Калинин ушел за кулисы и уехал на очередной митинг...

Я долго ломал голову: зачем Калинин задал мне вопрос о войне с Польшей? Что мог дать ему мой ответ?

И только несколько лет спустя, когда во встречах и беседах с другими соратниками В. И. Ленина мне раскрылись многообразие и гибкость большевистских методов общения с массами, я понял смысл и значение вопроса.

Деятели ленинского типа пользовались каждым случаем, чтобы узнать отношение трудящихся к важнейшим политическим событиям. Для этого нужно было собрать мнения разных групп народа. Ибо за каждой группой стоят тысячи и десятки тысяч единомышленников.

Спрашивая о возможной войне с Польшей, М. И. Калинин хотел получить представление о позиции завтрашних комиссаров Конармии: думают ли они на эту тему? Не устали ли от многолетних войн и лишений? Готовы ли к новым тяжелым боям?

...В середине апреля, после очередного выпуска политкурсов, я был вызван из Таганрога в Ростов в Реввоенсовет Кавказского фронта. Начальник Политотдела фронта И. В. Балашов — энергичный, жизнерадостный, улыбчивый человек средних лет объяснил причину вызова:

— В связи с освобождением Северного Кавказа идет форми-

рование Северо-Кавказского военного округа. При Политотделе округа будет издаваться популярная красноармейская газета. Идут поиски редактора. Обсуждается ваша кандидатура. Мне попадался «Красный стрелок»,— сказал Балашов,— мы знаем о вашей работе в ДонРОСТА. Я уверен, что справитесь и с новой газетой. Как вы отнесетесь к этому предложению?..

Я считал себя прежде всего журналистом, скучал по газетной работе и запаху типографской краски и, хотя мне жалко было расставаться с политкурсами, согласился и в тот же день получил направление в редакцию.

Газета называлась «На страже революции». Она была приемницей издававшегося несколько недель под тем же названием органа Политотдела войск Донской области. Но по решению Реввоенсовета фронта она должна была быть в корне перестроена: из ведомственного органа превращалась в популярную газету, рассчитанную на рядовых бойцов. Должна была измениться и ее периодичность: раньше она выходила через день, теперь ежедневно.

От прежнего состава редакции в газете остался только один работник — ответственный секретарь Марк Живов.

Маленький, сутулый подвижный человек с гуcтейшей черной шевелюрой и до синевы выбритыми щеками, страстный курильщик, трудолюбивый и работоспособный, он был душой редакции. Он до самозабвения был влюблен в газету и круглые сутки проводил в редакции или типографии. Не переоценивая своих литературных данных, Марк мало писал, но был незаменим в правке чужих статей и корреспонденций, сочинении заголовков, верстке, беседах с посетителями.

С ним мы и занялись перестройкой газеты: расширением старых и созданием новых отделов, установлением связей с красноармейскими частями.

К сожалению, у меня не сохранилось комплекта «На страже революции». А в библиотеке Института марксизма-ленинизма при ЦК КПСС удалось найти только два вышедших под моей редакцией номера. Как правило, газета выходила на двух полосах размером чуть меньше современных центральных газет. Лишь в редких случаях — по большим праздникам — объем увеличивался до четырех полос.

На первой — печатали передовую статью и политическую информацию: «На красных фронтах», «Мировая революция», «За рубежом», «По Советской России», «По Советской Украине», «На красном Дону» и т. д.

Вторая полоса, озаглавленная «Жизнь Красной Армии», отводилась статьям и информационным материалам о делах в Северо-Кавказском военном округе.

С первой страницей все обстояло благополучно: заголовки были яркими и привлекали внимание читателей, информация была содержательной и актуальной, а отдельные сообщения и по сей день читаются с интересом.

К сожалению, вторая — красноармейская — полоса оставляла желать лучшего. Она состояла по преимуществу из отчетов и резолюций, написанных не очень искушенными в стилистике политруками и секретарями ячеек, и, как ни старался Марк оживить эти статьи, они изобиловали общими фразами и штампованными оборотами.

Мы потратили немало сил, чтобы отыскать внештатных сотрудников среди красноармейцев и политработников. Но не очень преуспели.

Дело в том, что с ликвидацией деникинского фронта и переброской лучших дивизий на польский фронт, на Северном Кавказе остались главным образом второстепенные подразделения: учебные и вновь формирующиеся части, части снабжения, госпитали и т. д. Их занятия и быт давали мало материала для интересных очерков. Возможно, что в этом была одна из причин наших неудач.

Во всяком случае мне запомнился лишь один талантливый корреспондент из красноармейцев — Алексей Дорогойченко.

Мордвин по национальности, начинающий крестьянский поэт, он часто заходил в редакцию со стихами, реже с очерками и репортажами. Дорогойченко умел наблюдать и оценивать явления, хорошо владел словом, и мы охотно его печатали. По окончании гражданской войны молодой поэт вырос в интересного профессионального писателя, автора ряда популярных в 20—30-х годах романов и повестей из крестьянской жизни («Большая Каменка» и др.).

Но один Дорогойченко не делал погоды. Мы продолжали биться над оживлением полосы, но она упорно оставалась бледной и невыразительной. И как часто с грустью вспоминал я о своем первом газетном детище — «Красном стрелке»: насколько теснее были наши связи с бойцами и насколько интересней «Стрелок» читался!

...В начале лета во время командировки в Харьков удалось заехать в Изюм к отцу, повидаться с женой, переехавшей сюда из Москвы, и впервые увидеть появившихся за два месяца до того наших первенцев-близнецов.

И хотя из писем я знал, что родилась двойня, меня ждал сюрприз: они оказались необычными. До сих пор я встречал близнецов одного пола и похожих друг на друга. Наши оказались мальчиком и девочкой и совсем разными: мальчик походил на меня, в девочке отчетливо проступали черты матери.

Но как в суровые, голодные годы вырастить этих милых, слабеньких малюток? Материнского молока не хватало даже для одного. Подкармливать было нечем. Когда кричали от голода, давали жвачку из черного хлеба.

Семья отца питалась отрубями и мороженой картошкой. До нового хлеба было еще далеко.

И как ни рискованно было пускаться в далекий путь, решили переехать всей семьей в Таганрог. Там было легче с продуктами, да и мне можно было чаще наведываться из Ростова.

В Таганроге детей удалось поместить в городские ясли. Туда же поступила медсестрой Полина. Рассчитывали, что если удасться устроиться с квартирой и яслями в Ростове, в Ростов переедут и они.

План этот осуществить не удалось. Вскоре я получил новое задание, связанное с длительной командировкой в Закавказье.

К тому времени военное положение Советской России снова резко ухудшилось. Если после разгрома Деникина и решающих побед на других фронтах наметилась мирная передышка и партия призвала народ сосредоточить внимание на задачах хозяйственного строительства, то сейчас на страну надвинулась новая грозная опасность — очередной поход Антанты.

С запада повели наступление на Белоруссию и Украину белопольские легионы Пилсудского, а вскоре из Крыма двинулась отдохнувшая, переформированная и хорошо снабженная французами и англичанами армия Врангеля.

Но если война с Польшей ожидалась, к ней готовились: на запад перебрасывали лучшие дивизии, то возможность врангелевского наступления явно недооценивали, и это позволило ему не только начать продвижение со стороны Перекопа, но и высадить десант на северном побережье Азовского моря.

К середине июня под ударами превосходящих сил противника наши части вынуждены были оставить Каховку, Мелитополь, значительную часть богатой хлебом Северной Таврии. На нижнем Днепре создалась угроза Херсону, на Азовском побережье — Бердянску и Мариуполю. Предпринятое в конце июня наше контрнаступление не увенчалось успехом.

Стало очевидно, что врангелевский фронт становится одним из важнейших участков борьбы.

Нужно было не только значительно усилить советские войска на этом фронте, но и принять меры против пополнения врангелевской армии за счет деникинцев, бежавших в Закавказье и оттуда переправлявшихся в Крым.

По заключенному в начале мая договору РСФСР с грузинским меньшевистским правительством последнее обязалось разо-

ружать и интернировать отступавшие в Грузию деникинские части и не оказывать белым армиям никакой помощи.

Между тем поступали сведения, что из Батума продолжают отправляться в Крым пароходы с белогвардейскими офицерами, а также с нефтью и бензином для врангелевской армии.

Необходимо было зафиксировать факты нарушения договора и вооружить советскую дипломатию материалами для энергичных протестов и предотвращения дальнейших нарушений.

С таким заданием я был направлен Реввоенсоветом фронта в буржуазную Грузию.

Несколько слов о путешествии.

По полученным из Владикавказа (ныне Орджоникидзе) сведениям, ближайший путь в Закавказье — по Военно-Грузинской дороге — был закрыт. Вдоль шоссе по обе стороны границы орудовали шайки бандитов: нападали на экипажи, грабили пассажиров, сопротивлявшихся убивали.

Пришлось ехать окружным путем — по Северо-Кавказской железной дороге через Минводы — Петровск в Баку и уже оттуда в Грузию.

До Баку это был тот самый путь, который я безуспешно пытался проделать весной 1918 года и который тогда оказался разрушенным во многих местах.

Теперь путь был свободен, но поезда все еще ходили нерегулярно, с черепашьей скоростью, с длительными остановками. Путешествие было утомительным, но интересным.

Я впервые увидел края, о которых мечтал с детства: величественную панораму Кавказских гор, богатые поля Ставрополья, песчаные берега лазурного Каспия, казачьи станицы и горские аулы.

Я увидел населяющих эти романтические места людей, воспетых Пушкиным, Лермонтовым, Л. Толстым.

Я впервые попал в большой восточный город — Баку, изумительную смесь феодально-мусульманской патриархальности, капиталистической промышленности (нефть!) с зачатками нового строя.

В кривых и узких улочках старых кварталов пугливо жались к глиняным стенам женщины с закрытыми паранджой лицами, а в центре и в рабочих районах кипела новая жизнь: работали Советы, восстанавливались промысла и заводы, открывались школы, ясли, клубы.

Со времени свержения в Азербайджане (в апреле 20-го года) буржуазно-националистического правительства муссаватистов и восстановления советского строя республикой руководил Вре-

менный революционный комитет, работавший под руководством Центрального Комитета Компартии Азербайджана.

Ревком возглавлял видный азербайджанский писатель и общественный деятель Нариман Нариманов.

В прошлом школьный учитель, публицист и драматург, один из лидеров левой азербайджанской социал-демократической организация «Гуммет» («Энергия»), активный борец за установление рабоче-крестьянской власти в Азербайджане, Нариманов пользовался большой популярностью у трудящихся Баку и впоследствии занимал посты председателя Совнаркома АзССР, председателя Союзного Совета Закавказской Советской Федерации, одного из председателей ЦИК СССР.

Для получения пропуска в Грузию, мне нужно было разрешение Ревкома, и через два дня по приезде в Баку я был принят Н. Наримановым.

Меня встретил пожилой азербайджанец с высоким лбом, добрыми усталыми глазами, тронутыми сединой усами. Прочтя привезенное из Ростова письмо, в котором излагалась просьба о содействии моей поездки в Грузию, Нариманов по-отечески осведомился, хорошо ли я переношу южную жару, не болею ли малярией (она свирепствует в Баку и во многих местах Закавказья), дал несколько бытовых советов. Затем вызвал секретаря и поручил срочно заготовить командировочный документ.

Через полчаса мне была выдана бумага, сохранившаяся по сей день. Она гласила:

«АЗЕРБАЙДЖАНСКАЯ
СОЦИАЛИСТИЧЕСКАЯ СОВЕТСКАЯ РЕСПУБЛИКА
НАРОДНЫЙ КОМИССАРИАТ
ПО ИНОСТРАННЫМ ДЕЛАМ
КУРЬЕРСКИЙ ЛИСТ

Предъявитель сего Николай Алексеевич ЛЕБЕДЕВ отправляется в качестве Дипломатического курьера в Тифлис с пакетами дипломатической почты.

Все гражданские и военные власти приглашаются оказывать Николая Алексеевичу ЛЕБЕДЕВУ всякую помощь и дать ему возможность проехать в Тифлис скорейшим путем.

Ручной багаж его и корреспонденция досмотру не подлежат.

8 августа 1920 года.

Народный комиссар по иностранным делам
Н. Нариманов»

Через три дня я получил пропуск Дипломатического представительства Грузии в Азербайджане. Он давал право на «свободный въезд в пределы Республики Грузии», призывал грузинские власти «не чинить никаких препятствий и оказывать всяче-

ское содействие», освобождал багаж и корреспонденцию от таможенного досмотра.

Накануне отъезда удалось побывать на расширенном пленуме Бакинского Совета рабочих, крестьянских и матросских депутатов, заседавшем совместно с промыслово-заводскими и фабричными комитетами.

На пленуме я впервые услышал С. М. Кирова. Незадолго до того он был назначен Полпредом РСФСР в меньшевистской Грузии и на заседании вместе с нашим Полпредом в дашнакской Армении Б. В. Леграном информировал трудящихся Баку о положении в соседних, в ту пору буржуазных республиках Закавказья.

Я сидел во втором ярусе крупнейшего в городе Маиловского театра, и издали невысокая крепкая фигура выступавшего на сцене Кирова казалась совсем маленькой. Но сильный и звонкий голос оратора заполнял весь театр, достигая самых далеких его уголков. Голос был молодой, веселый, напористый.

Театр слушал его затаив дыхание. Чувствовалось, что оратора знают и любят, что он свой.

Я не записывал речи. Помню только, что Киров говорил о международном положении: о нарастании кризиса и подъеме революционного движения в Западной Европе, о миссии пролетариата в этом движении, о роли коммунистической партии в борьбе за новый мир.

Меньше всего он говорил о Грузии: дипломатический пост требовал осторожности в выборе выражений. Но он призывал актив помнить о своих интернациональных обязанностях и, в случае необходимости, быть готовым оказать помощь братьям по классу.

Киров говорил вдохновенно, каждая фраза будоражила мысль, зажигала сердца.

По окончании речи оратору была устроена бурная овация...

На другой день я выехал в Грузию.

Границу пересек без всяких инцидентов.

Но в Тифлисе, как только поезд остановился у вокзала, в купе явились двое военных и в категорической форме предложили следовать за ними. Ни курьерский лист, ни грузинский пропуск, ни устные протесты не возымели действия. Это были представители так называемого Особого отряда — меньшевистской охранки.

В помещении отряда они перерыли содержимое чемодана и, хотя не обнаружили ничего предосудительного, отобрали курьерский лист:

— Получите в своем Полпредстве.

Я поехал в Советское Представительство.

Какова же была моя радость, когда в вестибюле встретил друзей по РОСТА: Л. Н. Старка и Володю Ерофеева.

Старк работал советником, Ерофеев — заведующим Бюро печати. Они уже знали о моем приезде, радушно приветствовали меня и успокоили по поводу инцидента на вокзале.

— Это обычная их манера,— сказал Старк.— Так они встречают каждого нового человека из России. Независимо — с дипломатическими или недипломатическими документами он прибывает. Мы ничего не можем поделать с этим хамством. Сегодня пошлем очередную ноту. Завтра-послезавтра вернут твои бумаги...

Вечером Старк познакомил меня с С. М. Кировым, только что прибывшим из Баку.

Сергей Миронович был осведомлен и о моем задании в Грузии, и о вокзальном происшествии.

-- Меня уже информировал товарищ Старк,— сказал он.— Здесь вы увидите немало странного. Грузинские меньшевики любят изображать из себя этаких цивилизованных европейцев. Мы, де, не какие-нибудь варвары-большевики. Ной Жордания — их главный лидер — так и заявил в Учредительном собрании: если уж выбирать между Западом и Востоком, то он предпочтет западных империалистов фанатикам Востока. «Фанатики» — это мы, русские и грузинские коммунисты. По отношению к нам они ведут себя как последние двурушники. По договору с РСФСР они обещали легализовать компартию. И партия вышла из подполья. Даже начала издавать газеты. Но не прошло и нескольких недель, как на партию и газеты обрушился град репрессий. Газеты закрыты, редакция и типография опечатаны, сотрудники арестованы. Арестованы и десятки других активистов. Видимо, дело идет к полной ликвидации партии...

Киров остановился у окна, посмотрел на улицу и, снова зашагав по кабинету, продолжал:

— Не менее возмутительно ведут себя меньшевистские правители и по отношению к Полпредству. Каждого нашего дипкурьера задерживают. Вам еще повезло, что отобрали только документы. Других по несколько дней мытарят на пограничных пунктах... Во время дипломатических приемов министры рассыпаются в любезностях, выражают готовность установить самые дружеские отношения. Клянутся, что в нашей войне с Врангелем соблюдают строжайший нейтралитет. На деле помогают белогвардейцам.

Делается это секретно, следы тщательно заметаются. Но нам удалось установить, что в июле из Батума на пароходе «Кзыл-Арват» под французским флагом было отправлено Врангелю

восемьсот бывших деникинцев. Отправлены деникинцы в Крым и на пароходе «Петр Великий». И ваша задача, товарищ Лебедев, так организовать дело, чтобы о готовящихся новых отправках мы знали заранее и заранее могли предпринять дипломатические шаги... Хорошо, что вы журналист, хорошо, что у вас сохранился корреспондентский билет РОСТА. Вас зачислят в нашу торговую миссию — сотрудником по информации. И это даст вам свободу передвижения и облегчит поддержание связей. В Полпредство без самой крайней надобности не приходите. За нами установлено наблюдение, каждый бывающий в Полпредстве берется на учет, за многими ведется слежка, часты аресты. Будьте осторожны...

Сергей Миронович пожал мне руку и пожелал успеха.

...Я не буду рассказывать о подробностях своей работы. Это была деятельность, не нарушавшая грузинских законов, но нежелательная для местных властей.

Первые недели я работал в Тифлисе, затем переехал в Батум.

Как и всякое занятие такого рода, оно было связано с опасностями: возможностями провалов, провокаций, прямых столкновений с противником. Приходилось находить пути в окопавшиеся на территории Грузии врангелевские организации, устанавливать наблюдение за уходящими в Крым судами, поддерживать контакты с сочувствовавшими Советской власти людьми среди команд и служащих Батумского порта.

Но, в отличие от приключенческих романов и кинофильмов о разведчиках, все обошлось без значительных драматических происшествий. Видимо, мне повезло: налаженные еще до меня связи не прерывались, сведения поступали регулярно и регулярно же переправлялись по нужным адресам.

И лишь когда, несмотря на предосторожности, моя скромная личность привлекла внимание батумской охранки и за мной была установлена слежка, я получил распоряжение в кратчайший срок выехать из Грузии, что и было выполнено без особых осложнений...

Мне представляется более интересным и более полезным рассказать о некоторых журналистских впечатлениях того времени, как они отложились в памяти и в моих корреспонденциях, печатавшихся (под псевдонимом) в «Правде» и других советских газетах.

...В сравнении с советскими городами периода гражданской войны Тифлис лета 1920 года производил впечатление — по крайней мере на первый взгляд — города благоденствующего и процветающего.

На центральных улицах фланировала хорошо одетая публика: буржуазного вида господа и дамы, щеголеватые молодые люди неопределенных профессий, юркие спекулянты, русские и грузинские офицеры, дорогие кокотки и вульгарные проститутки.

На рынках — горы продуктов, в магазинах — английские, французские, итальянские товары.

На рекламных тумбах аршинные афиши приглашали публику в театры, летние сады, кинематографы. Эти афиши напоминали первую страницу ростовского «Приазовского края».

Публике предлагались представления на все вкусы.

Было непонятно, откуда бралось столько зажиточной публики, оплачивающей эти многочисленные зрелища, и для кого издавалось столько газет? Только в одном Тифлисе, кроме грузинских и армянских, выходило шесть русских периодических изданий: четыре ежедневных — меньшевистская «Борьба», кадетское «Слово», помещичья «Грузия», бульварные «Новости дня» и два еженедельника — «Тифлис» и «Понедельник».

Это были не маленькие листки, а четырехполосные издания формата крупных дореволюционных газет типа «Русского слова», «Русской мысли», «Речи». В них публиковалась многословная и противоречивая информация из разных источников: Грузинского телеграфного агентства, буржуазных информационных служб, бюллетеней западноевропейских миссий на Кавказе, телеграмм собственных корреспондентов, перепечатки из зарубежной прессы.

Особенно много места уделялось сообщениям о ближайших к Грузии районах.

Систематически печатались статьи и хроника жизни Тифлиса и грузинской периферии, заметки по экономическим вопросам, по вопросам культуры и искусства.

Вся первая полоса и не меньше половины последней отводились коммерческой рекламе: обширным объявлениям банков и акционерных обществ, зрелищных предприятий, магазинов, извещениям о купле и продаже, похоронах, спросе и предложении рабочей силы. Платная реклама и являлась финансовой базой всех этих изданий. Она же какое-то время поддерживала иллюзию экономического благоденствия меньшевистской Грузии.

Впрочем, временное благоденствие опиралось и на более реальные, хотя и не очень прочные факторы.

Во-первых, Грузинское правительство присвоило себе имущество царских армий Русско-турецкого фронта, которое было сосредоточено в Тифлисской и Кутаисской губерниях и осталось в Грузии после революции и окончания военных действий. Солдаты и офицеры разбежались, а огромные запасы вооружения и продовольствия были захвачены грузинскими властями.

Во-вторых, в марте-апреле 20-го года отступавшие деникинские войска эвакуировали с Северного Кавказа в Грузию военное имущество и запасы продовольствия, которые также перешли в распоряжение грузинских правительственных органов.

В-третьих, солидный доход давали транзитные операции: перекачка из Баку в черноморские порты азербайджанской нефти и перевозка в обратном направлении зарубежных товаров для Азербайджана и Армении. Кое-что перепадало и от полулегальной (а потому и более прибыльной) торговли с белогвардейским Крымом.

Наконец, немало ценностей (в золоте, ювелирных изделиях, иностранной валюте) привезли в Грузию десятки тысяч беженцев из Центральной России. Часть этих ценностей шла на оплату импортируемых из-за границы товаров и таким образом увеличивала продовольственные и товарные ресурсы Грузии.

Эти нетрудовые и непроизводительные источники создавали материальную базу процветания, которым одно время очень кичилось буржуазно-меньшевистское правительство Ноя Жордания.

Однако к концу лета, буквально на моих глазах, процветание кончилось.

Запасы, доставшиеся от царской и деникинской армий, оказались исчерпанными. Транзитные доходы, в связи с прекращением вывоза бакинской нефти в Западную Европу и обострением гражданской войны в Армении, прекратились. Кончился и приток ценностей. Белоэмигранты уезжали в Турцию, на Балканы, во Францию, увозя с собой золото, бриллианты, валюту, царские деньги.

На рынках и в магазинах стало меньше хлеба, мяса, предметов широкого потребления. Срочно была введена хлебная монополия. В то же время поднялась спекуляция. Достаточно было постоять на углу Эриванской площади и Салолак, посидеть в кафе, прислушаться к разговорам в фойе кинотеатра, чтобы вы почувствовали, как широко распространилась спекулятивная лихорадка. Она охватила тысячи людей разного возраста, обличий, званий.

— Два вагона угля — предлагает солидный «профессор».

— Мануфактура...

— Марганец...

— Табак...— слышатся обрывки фраз.

Продавали и покупали поломанные автомобили и недостроенные фабрики, московские дома и кисловодские дачи, орловские имения и акции петроградских акционерных обществ.

Особенное оживление царило около банков, банкирских контор, меняльных лавок — здесь шла спекуляция валютой: анг-

лийскими фунтами, американскими долларами, немецкими марками, николаевскими, донскими, советскими рублями.

Грузинский рубль катастрофически катился вниз, обесцениваясь не по дням, а по часам. Вчера за доллар платили 1200 грузинских рублей, сегодня — 1300, через неделю он стоил 1600.

Печать, еще недавно захлебывавшаяся от восторгов по поводу экономического «рая», закричала караул. «Жизнь в свободном Закавказье, даже в благополучной Грузии,— писало «Слово» от 27 августа 1920 года,— становится все тяжелей, захлестывает молниеносное и судорожное вздорожание... Стерлинги, франки, лиры поднимаются буквально с каждым днем... Биржа живет нервной, взволнованной жизнью. Разговоры только о валюте, и каждый чистильщик сапог знает о ценах на фунты и лиры».

Правительство растерялось. Еще недавно гордившееся тем, что гарантирует полную свободу торговли и неприкосновенность частной собственности, вдруг переходит к методам репрессий: опечатывает банкирские и меняльные конторы, арестует сотни спекулянтов, конфискует ценности... Но это не спасает меньшевистскую республику от жесточайшего экономического и политического кризиса.

Рост дороговизны вызывает недовольство трудящихся. Несмотря на преследование коммунистов, крупнейшие профсоюзы переходят под влияние партии большевиков. Растут большевистские настроения и в грузинской деревне, где огромную роль играют бывшие солдаты-фронтовики, вернувшиеся в 1918—1919 годах из России и агитировавшие за установление Советской власти.

В ряде районов республики дело доходит до вооруженных выступлений, принимающих широкий размах. Для подавления восстания в южной Осетии меньшевистскому правительству пришлось пустить в ход крупные карательные отряды с артиллерией. Были разгромлены и сожжены многие селения. Спасаясь от зверств карателей, 20 000 крестьян бежало в северную, советскую Осетию.

Сведения о вооруженных вспышках поступали из Аджарии, Абхазии.

В ответ на революционные выступления правительство усилило репрессии против коммунистов: их бросают в тюрьмы, высылают за пределы республики.

Меньшевистская Грузия беззастенчиво нарушала свои международные обязательства. Вместо лояльного выполнения русско-грузинского договора и поддержания добрососедских отношений с РСФСР и Советским Азербайджаном, правительство Жордания делает основную ставку на политическую и военную помощь со стороны Антанты. Оно раболепствует перед обосно-

вавшимися в Тифлисе английской, французской, американской миссиями, раздает капиталистам этих стран концессии, поддерживает тайные дипломатические и торговые отношения с Врангелем.

Идут переговоры о создании нового—Закавказского фронта против Советской России. Но, занятая организацией белопольско-врангелевского похода на западе и юге нашей страны, Антанта не рискует пускаться в очередную авантюру.

Под влиянием успехов Красной Армии и усиления рабочего движения в капиталистических странах, требующего прекращения интервенции против Советской России, английское правительство принуждено эвакуировать свои войска из оккупированной части Грузии. В июле английская эскадра покидает Батум.

Лишившись поддержки иностранных войск, дрожащее перед лицом нарастающего революционного движения внутри страны, меньшевистское правительство пытается найти поддержку у зарубежных социал-реформистов и через них мобилизовать правительства и общественное мнение Западной Европы в свою пользу.

Для этого — после тщательной подготовки — организуется приезд в Грузию пышной делегации II Интернационала. В это время II, правосоциалистический, Интернационал переживал тяжелейший кризис. Распавшийся в период первой мировой войны, он в начале 1919 года на конференции в Берне заявляет о своем восстановлении и, в отличие от довоенного, получает наименование «Бернского». По политическим установкам он не меняет своей оппортунистической сущности, остается желтым, предательским, враждебным по отношению к Советскому государству.

К руководителям этого Интернационала и обращается правительство Ноя Жордания с приглашением приехать в Грузию и убедиться воочию в «расцвете демократии» этой, «единственной в мире, подлинно социалистической страны — антипода варварской России».

Приглашение с готовностью принимается, и осенью 1920 года в Грузию направляется большая делегация во главе с широко известными в те годы лидерами международного реформизма — Каутским, Вандервельде, Реноделем, Макдональдом и др.

В середине сентября делегация прибыла в Грузию. Правительством и печатью этот приезд рекламировался как величайшее политическое событие. Приезд должен был свидетельствовать о том, что II Интернационал не только возродился, но и проявляет невиданную активность. Со своей стороны грузинские меньшевики хотели продемонстрировать процветающую страну, управляемую социал-реформистами.

Интерес к этой акции II Интернационала проявляла и советская печать.

Мне довелось наблюдать встречу делегации в Батуме, и «Правда» напечатала большую мою корреспонденцию об этой встрече под ироническим заголовком — «Желтые «интернациональщики» путешествуют (Веселое письмо из Грузии)».

Я привожу выдержки из статьи, передающей непосредственные впечатления.

«Завистливые большевики распространяют злостные слухи о смерти II Интернационала. Абсолютная ложь! Ни капли истины. II Интернационал жив, здоров и весел!.. Его внимание привлекла далекая экзотическая Грузия, где социал-предатели не только на побегушках у буржуазной власти, но и — сама власть.

...Дали телеграмму в Тифлис: «Выезжаем с семьями 4 сентября. Будем 14-го. Ждите. Каутский, Вандервельде, Ренодель, Де-Брукер, Макдональд, Шоу, Сноуден»,— и сели на пароход.

Грузинские меньшевики заволновались: «Счастье-то, счастье какое! Сам Каутский! Сам Ренодель!! Сама мадам Сноуден!!!»

Затрещали газеты всех партий и направлений. Оказывается, приезду «дорогих гостей» рада не только правительственная «Борьба», но и кадетское «Слово», и даже черносотенная «Грузия».

Это неважно, что они якобы социалисты,— они поддерживают борьбу с большевиками, а потому — добро пожаловать...

...Зашевелились правительственные учреждения. В Тифлисе и Батуми созданы специальные «встречальные» комиссии. Выработали церемониал торжеств. День приезда объявили национальным праздником.

Секретариат батумских профсоюзов разослал циркуляр, предлагающий всем профессиональным организациям явиться на митинг в честь делегации с предупреждением, что неявившиеся профсоюзы будут распущены.

...Чуть было не испортили спектакля расклеенные по заборам прокламации коммунистов, не весьма лестно аттестующие заморских путешественников. Положение спасла милиция, успевшая своевременно содрать крамольную литературу.

С трепетом и замиранием сердца ждал официальный Батум 14 сентября.

С раннего утра на пристани собрались именитые люди города и прибывшие из Тифлиса представители правительства. Тут и товарищ министра иностранных дел, и представитель меньшевистского ЦК, и комиссар Батумской области, и городской голова, и начальник милиции, и армянское (архибуржуазное) благотво-

рительное общество, и прочая, и прочая, и прочая. Не хватало только делегации от многочисленных местных банкирских контор.

В десять часов к гавани подошел океанский пароход «Франц Фердинанд».

«Высокие гости» вышли на пристань, выслушали молча приветственную речь заместителя комиссара — генерала царской армии Мдивани (Макдональд даже поморщился) и уехали на автомобилях в предназначенную для них резиденцию.

Каутский не приехал. Дорогой он заболел и остался в Риме, обещав через две недели приехать «дополнительно».

У Рабочего Дворца собрались на митинг официальные городские организации во главе с меньшевистскими правлениями профсоюзов и добровольной пожарной дружиной, к которым присоединилась небольшая толпа обывателей.

Председатель батумского совета профсоюзов, небезызвестный в Закавказье социал-предатель Аполло с сияющим лицом тоном циркового импрессарио начал представлять гостей...

— Франция прислала нам преемника великого Жореса, блестящего оратора Пьера Реноделя!

Жидкие аплодисменты. Приятная улыбка на жирном лице Реноделя.

— Мужественная, разоренная войной Бельгия представлена участником всех конгрессов Интернационала, знаменитым брюссельским профессором, министром юстиции Эмилем Вандервельде, секретарем исполнительного бюро Интернационала Гюисмансом и известным ученым, вождем бельгийских социалистов Де-Брукером!

Новые аплодисменты. Три приятные улыбки.

— Из Англии прибыло несколько представителей: вождь британского рабочего класса Рамсей Макдональд, а также (и тут физиономия Аполло преисполнилась особого умиления) член палаты общин, секретарь союза текстильщиков Том Шоу и мадам Сноуден, которые недавно в течение двух месяцев путешествовали по Советской России.

Обряд представления закончился.

Полился поток речей местных меньшевиков, в один голос плакавшихся на горькую судьбу Грузии и восхвалявших свою исключительную храбрость, позволившую отстоять независимость «социалистической» республики от белого и, особенно, от красного террора.

Но гвоздем торжества было выступление Вандервельде, который с обычной для него театральностью и биением ладонями в грудь выразил свою «невыразимую радость по случаю приезда в демократическую, социалистическую Грузию».

Пожарные, восхищенные смешными выкриками толстяка, не

ожидая перевода с французского, покрыли речь Вандервельде бурными аплодисментами.

Митинг закончился. Аполло... вместе с делегацией скрылся с балкона.

...Вечером желтые «интернациональщики» повезли свои сытые тела в столицу «социал-демократического рая» — Тифлис.

Батум, 15 сентября 1920 года».

В последующие дни полосы тифлисских газет были заполнены обширными репортерскими отчетами о встрече делегации в Тифлисе, о посещении ею Учредительного собрания, Центрального совета профсоюзов, ЦК партии меньшевиков, о путешествии по Военно-Грузинской дороге (до границы с Россией), о поездках в Кахетию, Боржоми, Кутаис, Гори, Чиатури, Душет, о выступлениях делегатов на митингах, собраниях, банкетах, где лились рекой комплименты грузинским порядкам и невозбранно поносилась Советская страна.

Отчеты были полны раболепского подобострастия перед «знатными европейцами». Репортеры в восторге от каждого их движения, жеста, манеры выступления.

«...Говорит Вандервельде. Он мастерской оратор. Все тонкости, все нюансы голоса и жесты служат ему, чтобы сразу же покорить аудиторию. Вот вытянутая вперед угрожающая рука, вот гневный удар ногой по полу, вот простертые вверх, сжатые в кулак руки... Слова непонятны, но жест, жесты выразительней слов!..»

Столь же восхищены репортеры и другими ораторами:

«...Вот Макдональд. Ветер растрепал его седины. Железная энергия в чертах его бронзового лица. В голосе — металл. Фразы отрывисты, коротки и могучи».

В бесчисленных речах хозяева и гости обмениваются преувеличенными любезностями...

А потрясенный неистощимым кавказским хлебосольством Том Шоу дал обещание призвать английских трудящихся последовать грузинскому примеру:

— Я думаю, что мы должны следовать по пути Грузии. Я уверен, что в продолжении ближайших десяти лет и в Англии станет рабочее правительство. Социализм будет создан и утвержден...»

Том Шоу обманул: с тех пор прошло не десять, а пять раз по десять лет, «рабочее правительство» не один, а много раз стояло у власти в Англии, а социализма как не было, так и нет в этой стране...

...29 сентября на пароходе «Франц Иосиф Кирали» делегация отбыла из Батума в Европу.

Днем раньше тем же пароходом прибыл из Италии в Грузию злейший враг Октябрьской революции Карл Каутский с женой.

Меньшевистская «Борьба» приветствовала его аншлагом на всю первую страницу и передовой-панегириком.

Уезжая, супруги Каутские опубликовали в «Борьбе» письмо, в котором со свойственной им сентиментальностью прощались со своими грузинскими хозяевами.

Но положение в Грузии было настолько плачевным, что даже Карл Каутский, который безудержно славословил Жордания и других грузинских социал-предателей, вынужден был сказать о Грузии: «Там ропщут все классы». А в октябре 1920 года и сам Ной Жордания с горечью констатировал:

«...Сегодня всякий видит, что мы изо дня в день приближаемся к экономической катастрофе».

Как я уже писал, батумская охранка заинтересовалась моей особой и установила слежку. Встречаться с нужными людьми стало все труднее и труднее. Грузинские товарищи предупредили, что готовится очередная облава на «нежелательных иностранцев» и что лучше, если я хотя бы на время уеду из Батума. В середине октября через Тифлис я отбыл на Родину.

На сей раз я ехал по Военно-Грузинской дороге — с двумя или тремя ночевками.

Пришлось слегка поволноваться, так как на станциях рассказывали о продолжающихся налетах бандитов.

На грузинской территории особенно часто нападали на советских дипкурьеров. Какими-то неведомыми путями захваченная бандитами почта оказывалась затем в руках грузинских властей, и, если в ней обнаруживали секретные материалы, то использовали их против нас.

Дорожные треволнения с лихвой перекрывались неизгладимыми впечатлениями от живописных долин Грузии, величия Кавказских гор, веселой Арагви и мрачного Терека, сияющей над облаками снежной головы Казбека, волшебной симфонии Дарьяльского ущелья.

Потрясенный увиденным, я дал себе слово вернуться сюда, пройти от Владикавказа до Тифлиса пешком и в полную силу насладиться этим неповторимым средоточием прекрасного.

Я выполнил это уже кинематографистом — в конце 20-х годов — во время съемок фильма «Ворота Кавказа», когда около полугода жил и работал на Военно-Грузинской дороге.

...В Ростове после отчета за проделанную работу я был зачислен в резерв Реввоенсовета Кавказского фронта и получил кратковременный отпуск для свидания с семьей.

Помчался в Таганрог, где оставил Полину с двумя малышами. Больше трех месяцев я не имел от нее никаких вестей.

В Таганроге меня ждал двойной удар: пять недель назад умер семимесячный Коля, только что скончалась Нина. Оба — от воспаления легких, усугубленного сильнейшим истощением. Как трудно растить детей на шестом году войн и разрухи! Вторично я стал отцом только через двадцать лет...

...Между тем нескончаемая, казалось, война шла на убыль. После тяжелых летних боев на Западном фронте было заключено соглашение о перемирии и предварительных условиях мира с Польшей Пилсудского. Еще раньше были подписаны мирные договоры с буржуазными правительствами Латвии и Литвы. Вскоре были установлены мирные отношения и с Финляндией.

Осенью, после жестоких сражений у Перекопа, был полностью разгромлен Врангель и освобожден Крымский полуостров.

Вскоре оперативные сводки стали сводиться к нескольким словам: «На всех фронтах спокойно». А еще через некоторое время полевой штаб Реввоенсовета республики объявил о прекращении ежедневных сводок: «Впредь сообщения о военных событиях будут посылаться в зависимости от положения дел на фронтах».

...В Ростове шла перестройка партийных, советских, профсоюзных организаций на мирный лад.

ДонРОСТА превратилось в ДонКавРОСТА с распространением его деятельности от Ростова до берегов Каспия и с филиалами в крупнейших городах Северного Кавказа.

Газета «На страже революции» была ликвидирована.

В штабах и политотделах фронта и армий шло сокращение штатов и переброска освобождающихся кадров на мирную работу. Молодежь начали отпускать на учебу — в вузы, на рабфаки, в партшколы.

Поворот наметился и в моей судьбе.

Положительно оценив результаты командировки в Грузию, Политотдел фронта рекомендовал мне специализироваться на зарубежных делах и откомандировал в Москву — в распоряжение соответствующего управления Реввоенсовета республики.

Так в конце ноября — начале декабря я снова оказался в Москве.

В Реввоенсовете республики после заполнения анкеты и беседы с начальством меня направили в Информотдел — литературным сотрудником в группу стран Ближнего Востока.

Работа в Информотделе показалась мне малоинтересной.

Я должен был просматривать иностранную прессу, отмечать для перевода информацию и статьи по определенной теме, а после возвращения материалов от переводчиков составлять письмен-

ные обзоры о политической и экономической жизни той или иной из ближневосточных стран.

На мою долю досталась Персия (Иран). За время работы в отделе я написал несколько пространных обзоров о происходивших в ту пору революционных событиях. Но эти опусы не доставляли мне творческого удовлетворения. Это были фактографические описания без сколько-нибудь убедительных обобщений и политических выводов.

К своему глубокому огорчению, я убедился, что на большее мне не хватало теоретических знаний, марксистской исследовательской методологии, конкретных сведений по истории, географии, политике Ближнего Востока.

Стало ясно, что нужно срочно учиться, наверстывать упущенное за годы войны.

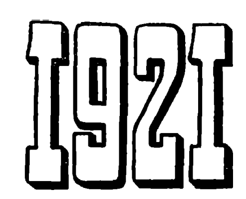
С большим рвением я взялся за занятия на курсах внешних сношений, куда был командирован Информотделом.

Курсы были организованы Наркоматами иностранных дел и внешней торговли, на них зачислялись коммунисты, работавшие в области международных отношений. К чтению лекций и руководству семинарами были привлечены педагоги МГУ. Занятия велись по вечерам, и это позволяло учиться без отрыва от службы.

Помню, с каким наслаждением я слушал и конспектировал лекции по политэкономии, политической и экономической географии, государственному и международному праву и другим общественным дисциплинам.

Тысячу раз был прав В. И. Ленин, сказавший на III съезде комсомола: «Если я знаю, что знаю мало, я добьюсь того, чтобы знать больше, но если человек будет говорить, что он коммунист и что ему и знать ничего не надо прочного, то ничего похожего на коммуниста из него не выйдет».

Задачу стать настоящим коммунистом — коммунистом не только чувства, но и сознания, я пытался решить в ближайшие после окончания войны годы.

На крутом повороте.— Демобилизация из армии.— В Наркомате по иностранным делам.— В буржуазной Латвии. «Новый путь».— Второе открытие кинематографа.— В отделе печати НКИД.— Подготовка к четвертой годовщине Октября.— Интервью с И. В. Сталиным.— На подступах в кино.

На переломе застал Советскую страну 1921 год — на труднейшем повороте от войны к миру. И хотя на Дальнем Востоке интервенция и война еще продолжались, рабочие и крестьяне Страны Советов под руководством Коммунистической партии сосредоточили основные усилия на осуществлении задач мирного социалистического строительства. Нужно было решать бесчисленное множество задач. Вождь партии В. И. Ленин говорил: «Чтобы победить капитализм вообще, надо, во-первых, победить эксплуататоров и отстоять власть эксплуатируемых — задача свержения эксплуататоров революционными силами; во-вторых, задача созидательная — построить новые экономические отношения, показать пример того, как это делается. Эти две задачи осуществления социалистического переворота связаны неразрывно и отличают нашу революцию от всех предыдущих, в которых довольно было стороны разрушительной».

В сложной международной обстановке приступили трудящиеся Советской страны к восстановлению народного хозяйства.

Империализм отступил, но он не оставил надежды при удобном случае раздавить Советскую страну. Возникло неустойчивое равновесие, которое позволяло Стране Советов существовать и развиваться в условиях капиталистического окружения.

Сложной была обстановка и внутри страны. По общему уровню производства Россия была отброшена на многие десятилетия назад. Жесточайший неурожай в Поволжье и на юге Украины усилил разорение и без того подорванного сельского хозяйства.

Рабочие, интеллигенция, большинство деревенского населения голодали.

Начавшееся сокращение армии привело к дополнительным осложнениям, связанным с трудоустройством демобилизуемых красноармейцев.

Активизировались остатки контрреволюционных партий, выдвинувшие иезуитский лозунг: «Советы без коммунистов».

Большую тревогу вызывало положение внутри партии. Впервые о разногласиях в ЦК и в руководящем активе партии я узнал из «Правды», где с начала января стали печататься обширные материалы к дискуссии о профсоюзах. Почти ежедневно появлялись статьи членов ЦК и других руководящих работников, а также коллективные тезисы групп коммунистов и отдельных партийных организаций на эту тему.

18 января в «Правде» публикуется «Проект постановления X съезда РКП(б) о роли и задачах профсоюзов» (известный под названием «платформа десяти») за подписями В. И. Ленина, Ф. А. Сергеева (Артема), М. И. Калинина, Г. И. Петровского, Я. Э. Рудзутака, И. В. Сталина и других.

В статьях и тезисах, резолюциях, публикуемых в газетах, излагались разные точки зрения на место и задачи профсоюзов в эпоху диктатуры пролетариата, на их взаимоотношения с партией и государством, на их роль в управлении промышленностью и организации производства, на методы работы профсоюзов с массами, соотношение между методами убеждения и принуждения и т. д.

Должен сознаться, что, не имея опыта работы в профсоюзах, я не очень глубоко вникал в сущность полемики, а публиковавшиеся в «Правде» материалы рассматривал как обычную предсъездовскую дискуссию. Во всяком случае она — даже при наличии казавшихся мне излишними резкостей — не вызывала ни у меня, ни в нашей низовой партийной организации беспокойства.

И вдруг 21 января, наряду с другими дискуссионными материалами, в «Правде» появляется ленинская статья под тревожным заголовком: «Кризис партии».

Ленин предупреждал о серьезной угрозе, нависшей над партией.

«Надо иметь мужество смотреть прямо в лицо горькой истине. Партия больна. Партию треплет лихорадка. Весь вопрос в том, захватила ли болезнь только «лихорадящие верхи», да и то может быть исключительно московские, или болезнью охвачен весь организм. И в последнем случае, способен ли этот организм в несколько недель (до партсъезда и на партсъезде) излечиться полностью и сделать повторение болезни невозможным или болезнь станет затяжной и опасной».

Из статьи я узнал, что дискуссия началась еще в ноябре 1920 года, когда на V Всероссийской конференции профсоюзов Троцкий выступил с авантюристическим предложением о «перетряхивании» профсоюзов, что дискуссия затем перекинулась

в ЦК и на VIII съезд Советов и привела к появлению групповых платформ и зародышей оппозиционных фракций, в том числе опаснейшего синдикалистского уклона, означающего, по выражению Ленина, полный разрыв с коммунизмом...

Разоблачив политическую несостоятельность оппозиционных платформ и призвав партию к борьбе с идейным разбродом и нездоровыми элементами оппозиции, Владимир Ильич выразил уверенность, что партия преодолеет кризис и «не ослабнет, а окрепнет к мартовскому X съезду РКП и после него».

Однако и после статьи «Кризис партии» дискуссия продолжалась, захватывая все более и более широкий круг партийных работников и парторганизаций. Кроме десятков статей в «Правде» и других газетах, появились брошюры, листовки с «платформами» и комментариями к ним. Таких брошюр и листовок насчитывалось свыше двадцати.

В связи с расширением дискуссии пришлось больше чем на месяц перенести открытие X съезда партии (с 4 февраля на 8 марта).

К этому времени подавляющее большинство партийных организаций (в том числе ведущие — Московская, Петроградская, Украинская, Иваново-Вознесенская, Нижегородская и другие) высказались за ленинскую «платформу десяти».

Как известно, X съезд принял ряд важнейших политических решений. И среди них — историческое, определившее генеральную линию партии на целый ряд лет: решение о переходе от продразверстки к продналогу, от политики военного коммунизма к новой экономической политике.

Нужно сказать, что все эти события — острейшая дискуссия о профсоюзах, возникновение фракций и накал внутрипартийной борьбы, наконец, поворот к нэпу — к восстановлению свободной торговли и частичному возрождению капитализма, застали нас, молодых коммунистов, врасплох.

Положение в партии напоминало бурные дни борьбы вокруг Брестского мира: та же тревожная обстановка в стране, тот же крутой, полный опасностей поворот в политике, разногласия внутри Центрального Комитета и среди партийного актива. И та же нечеловеческая энергия и потрясающая страстность, с которой Ленин отстаивает свои позиции.

Наученный опытом Октября и Бреста, я — при обсуждении дискуссии о профсоюзах в нашей партячейке — голосовал за «платформу десяти», ибо был уверен: где Ленин — там и правда.

Но многое оставалось неясным, особенно в вопросе о дальнейшем развитии и перспективах нэпа. Напрашивался такой ход мыслей. Если свобода торговли и допуск в экономику капитализма — значит, через какое-то время буржуазия начнет играть су-

щественную роль в хозяйстве страны, а, окрепнув экономически, потянется и к политической власти.

Сумеем ли мы, при отсутствии хозяйственного опыта и недостатке кадров, в условиях рыночной стихии и капиталистического окружения, устоять до мировой революции? Ведь никто не знает, когда же она придет нам на помощь?!

Как же выбраться из чудовищной разрухи, нищеты, экономической и технической отсталости?

Такие или примерно такие мысли обуревали меня и моих сверстников.

До сих пор все было ясно: нужно разбить врага! Этой задаче подчинялись все наши помыслы. Каждый из нас — солдат и воюет или трудится там, куда его поставила партия.

С переходом к миру настало время для миллионов людей подумать и о собственной жизненной перспективе.

...Весной 1921 года — 23 лет от роду — меня демобилизовали.

Сдав последний обзор об Иране, я распростился с товарищами по Информотделу и снова стал штатским человеком.

Что делать? Куда податься? Где наиболее целесообразно могут быть использованы мои силы, способности, энергия?

Революция дала мне немалый политический и жизненный опыт, сделала гражданином, борцом, коммунистом. Но я еще слишком мало знал, чтобы определить, какую дорогу избрать. Был уверен только в одном: нужно учиться, учиться и учиться.

Но чему, где и как?

Я вступил в полосу исканий, проб, раздумий.

Не вернуться ли в Политехнический институт? Пять лет назад (перед мобилизацией в царскую армию) я успешно перешел на третий курс инженерно-строительного факультета и — вернись туда — через два года мог бы стать инженером.

Но меня не влекла эта перспектива.

Дело в том, что я поступил в Политехнический не по велению сердца, а по случайным обстоятельствам. Отец мечтал, чтобы его старший сын получил высшее образование. Но у отца не было средств на оплату обучения и содержания студента в большом городе. По воле случая в год окончания мною Изюмского реального училища при местном уездном земстве была учреждена стипендия, предназначавшаяся лучшему выпускнику училища для обучения в высшем учебном заведении, при обязательном условии — выпускник должен был поступить в технический вуз. Стипендия открывала для меня возможность получить высшее образование. И хотя с детства я увлекался литературой, историей, географией и лелеял мечту об университете, пришлось послать документы

в Петроградский политехнический, и там без экзаменов, по конкурсу аттестатов был зачислен на инженерно-строительный факультет...

Так осенью 1914 года — шестнадцатилетним юношей — оказался в Петрограде, в Лесном, в белом величественном здании института имени Петра I. Сняв комнату по соседству и осмотревшись, добросовестно приступил к изучению высшей математики, физики, химии, начертательной геометрии, сопротивления материалов, строительного искусства, архитектуры и десятков других необходимых будущему инженеру дисциплин.

В институте я проучился два года — до мобилизации в армию и не жалею об этом времени: институт дал мне очень много.

Среди преподавателей помню великолепных педагогов: замечательного математика И. И. Иванова, физика, будущего академика А. Ф. Иоффе, талантливейшего архитектора В. А. Щуко, видного теоретика начертательной геометрии Н. А. Рынина. Они не только делились своими знаниями, но и заражали любовью к науке, исключительной добросовестностью в выполнении своих обязанностей.

Помимо лекций, семинаров, лабораторных занятий на своем факультете, время от времени посещал лекции на соседнем, экономическом факультете, где тогда преподавали светила русской буржуазно-демократической социологии.

Слушал автора первого Манифеста Российской социал-демократической рабочей партии, идеолога «легального марксизма», а затем одного из лидеров кадетской партии — Петра Бернгардовича Струве. Известный ученый и литератор, пользовавшийся в те годы большим авторитетом среди буржуазной интеллигенции, он оказался скучнейшим лектором, невнятно бормочущим что-то себе под нос. Не помню теперь, какую дисциплину он читал, но, чтобы не срывать занятий (а если курс не прочитан, нельзя было сдавать экзамены), студентам приходилось устраивать «дежурства» — по два-три человека на лекциях.

И в то же время самая большая институтская аудитория не могла вместить слушателей, когда читал лекции по политэкономии другой столп буржуазной науки — М. В. Бернацкий. Опытный педагог, отлично владевший ораторским искусством, он привлекал студентов анализом современности, критикой финансовой политики царского правительства, ядовитыми замечаниями в адрес бюрократии. Впрочем, все эти вольности не выходили за пределы дозволенного начальством. (Как показало близкое будущее, оба ученых — и Струве, и Бернацкий — стали министрами Крымского правительства Врангеля, а потом скатились в болото белой эмиграции).

Из других корифеев экономического факультета запомни-

лись — популярнейший в ту пору теоретик буржуазной политэкономии М. И. Туган-Барановский и не менее популярный историк и социалог — позитивист М. М. Ковалевский.

При всей отдаленности этих ученых от марксизма (о котором в ту пору и я имел самое приблизительное представление), они развили во мне интерес к социально-политическим проблемам, критическое отношение к существовавшему государственному строю, убеждение в необходимости коренного его переустройства.

Не без их влияния участвовал в студенческих забастовках, митингах против мобилизации в армию, в сборах денег в пользу политического Красного Креста.

В те годы впервые познакомился с Петроградом — великим и прекрасным городом: его неповторимыми архитектурными ансамблями, проспектами, площадями, парками, с красавицей Невой, каналами, с бесчисленными памятниками, музеями, театрами. Впервые увидел шедевры Эрмитажа и Русского музея, впервые побывал в настоящих театрах, в первоклассной драме, опере, балете, наслаждался искусством Шаляпина, Собинова, Савиной, Юрьева, Варламова. Во время гастролей МХТ в Петрограде влюбился в этот изумительный сценический коллектив. Перечитал уйму современной русской и иностранной литературы. И по сей день храню самые теплые чувства о двух «политехнических» годах своей юности...

И тем не менее мне не хотелось возвращаться в институт и становиться инженером.

Журналистика дала мне возможность быть тесно связанным с политикой, с революцией, с общественной жизнью, позволила много двигаться, быть в гуще событий, встречаться с десятками людей. Я был газетчиком-самоучкой. К сожалению, ни института журналистики, ни журналистских факультетов при университетах в те годы еще не существовало. Кроме популярной книги Керженцева «Газета», нельзя было найти и специальной литературы. Таким образом, профессиональные навыки нужно было продолжать накапливать на практике.

Лучше обстояло дело с общеобразовательными дисциплинами. Некоторые из них я изучал на курсах внешних сношений, а потом эти курсы влились в МГУ, где на их базе было создано отделение внешних сношений факультета общественных наук (ФОН). В МГУ наш учебный план пополнился большим циклом социально-исторических дисциплин, преподавали их крупнейшие педагоги того времени.

Помню занятия по историческому материализму В. Адоратского, лекции по политической экономии И. Трахтенберга, истории социализма В. Волгина, истории Запада и Америки А. Савина, введение в учение о праве М. Рейснера.

Время от времени посещал занятия на других отделениях ФОН. Не раз слушал лекции А. В. Луначарского, литературоведов В. Фриче и П. Сакулина, историка М. Н. Покровского, психолога Г. Челпанова.

В большинстве это были ведущие специалисты в своей области науки, авторы солидных трудов, отличные лекторы. Но, за исключением группы марксистов (оставшихся в МГУ того времени в меньшинстве), педагоги стояли на разных политических и идейных позициях, разделяли разные философские взгляды, порой открыто, чаще замаскированно полемизировали с марксизмом.

Как нелегко было продираться через эти заросли фактов, мнений, оценок! И как много приходилось решать самим! Трудности усугублялись тем, что еще не было марксистских учебников. К изданию первого собрания сочинений Ленина только-только приступили. А опубликованные ранее ленинские книги, брошюры, статьи, речи, так же как и дооктябрьские издания Маркса и Энгельса, приходилось с трудом доставать в библиотеках, у букинистов, у знакомых.

Одолевали и материальные трудности. Месячного пайка хватало максимум на неделю. Нужно было работать. И, оставшись на вечернем отделении МГУ, я перешел на работу в Наркомат иностранных дел. Этому помог П. М. Керженцев

Еще до демобилизации встретившись в Доме печати с Платоном Михайловичем Керженцевым, я узнал, что решением ЦК он мобилизован на дипломатическую работу, готовится к отъезду за границу в качестве посла в одну из скандинавских стран, а пока заведует отделом по подготовке мирных переговоров с Антантой.

— Насколько я понимаю, вы на перепутье,— сказал он мне,— переходите в Наркоминдел. В печати сейчас положение сложное. В связи с хозрасчетом, газетная сеть резко свертывается, всюду сокращение штатов, в РОСТА закрыты многие редакции. А я могу предложить вам интересную работу, связанную с разъездами.

...Через несколько дней я был зачислен сотрудником НКИД и в его системе проработал около года, дипломатом не стал, но за этот год нашел область творчества, которой увлекся со всей страстью молодости и которая затем стала основным плацдармом приложения сил на всю жизнь. Эта область — кинематограф.

Но прежде чем рассказать, как это случилось, остановлюсь вкратце на наиболее запомнившихся эпизодах моего наркоминдельского года.

В период блокады и иностранной военной интервенции, при почти полном отсутствии дипломатических связей с другими государствами, деятельность Наркоминдела свелась к минимуму.

К концу гражданской войны и с установлением дипломатических отношений с Эстонией, Латвией, Финляндией и рядом других стран наркомат помимо части гостиницы «Метрополь», где он разместился в 1918 году после переезда из Петрограда, получил большое шестиэтажное здание на углу Кузнецкого моста и Большой Лубянки.

В «Метрополе» осталось руководство наркомата — Г. В. Чичерин и его заместители, секретариат НКИД и часть обслуживающих ее отделов; в здании на Кузнецком — экономический, протокольный и большинство других отделов, библиотека, управление делами, хозяйственное управление, бюро по обслуживанию иностранцев и т. д. Значительная часть здания была отведена под квартиры сотрудников.

Здесь же, на Кузнецком, помещался и созданный недавно отдел по подготовке переговоров с Антантой. Кроме Керженцева и его заместителя Франкфурта, в нем работало около десятка сотрудников, в задачу которых входил розыск и изучение документов о вмешательстве стран Антанты в дела Советской России, о военной помощи Антанты русским контрреволюционным армиям, об огромном материальном ущербе, нанесенном этими акциями нашей экономике.

На основе этих документов НКИД готовил встречный счет в ответ на претензии стран Антанты за аннулированные Октябрьской революцией иностранные займы и национализированное имущество подданных этих стран.

В работу по розыску документов включился и я.

В качестве первого поручения мне пришлось ознакомиться с помещениями и имуществом, брошенными западноевропейскими посольствами весной и летом 1918 года — в момент разрыва с нами дипломатических отношений.

До переезда Советского правительства в Москву посольства находились в Петрограде, куда мне пришлось выехать.

В сопровождении уполномоченного НКИД по Петрограду я побывал в опечатанных помещениях французского, итальянского, шведского и румынского посольств, обнаружив всюду примерно одну и ту же картину: поломанную мебель, порванные и разбросанные бумаги, изъеденные и загаженные мышами книги, альбомы, подшивки газет, географические карты.

Между тем даже при поверхностном осмотре здесь можно было обнаружить немало полезных дипломатических и военных изданий, справочников, словарей, географических атласов, альбомов фотографий, диапозитивов.

В некоторых посольствах сохранились документы, которые интересовали меня в первую очередь: части архивов с секретной перепиской за разные годы. Но они также оказались в таком беспорядке, что, просидев над ними несколько дней, я убедился в тщетности моих кустарных попыток определить их практическую ценность для будущих переговоров с Антантой. Здесь нужен не один, а десятки сотрудников, специалистов архивного дела, переводчиков, историков международных отношений, правовиков и т. д. И эту работу нужно вести не в порядке кратковременной командировки, а местными, петроградскими силами.

Вернувшись в Москву и проинформировав Керженцева, я, с его санкции, написал подробную докладную записку на имя члена коллегии НКИД, управляющего делами наркомата Н. Горбунова о результатах поездки в Петроград. В записке я рассказал о безобразном хранении имущества и материалов бывших иностранных посольств и о необходимости усилить их охрану. Это требует значительного расширения штатов Петроградского уполномоченного и поручения ему срочной инвентаризации и систематизации архивных документов посольств.

Эти предложения были приняты и реализованы. Через некоторое время к нам стали поступать материалы, уже подвергшиеся первичной обработке в Петрограде.

Но мне пришлось прервать эту работу, так как я был направлен в Ригу заведующим бюро печати при Полпредстве РСФСР в Латвии.

Итак, я снова в знакомых местах — на древних берегах Балтики. Что же изменилось в Риге?

На первый взгляд все как будто осталось на месте.

По-прежнему прекрасен город. Те же чистые, пожалуй, еще более ухоженные проспекты, площади, парки. Так же очаровательны средневековые кварталы Старого города. Тот же влажноватый воздух Прибалтики.

Но стоило всмотреться пристальней — многое изменилось. Особенно в центре. И прежде всего, люди.

Два года назад я покинул прифронтовой город, а приехал в лихорадочно-оживленную столицу буржуазной Латвии, напоминающую суетливую столицу меньшевистской Грузии. То же кажущееся экономическое процветание — крикливые витрины магазинов со второсортными импортными товарами, множество ресторанов, ресторанчиков, кафе, баров. То же обилие дешевых увеселений — театров-варьете, кинематографов, танцплощадок. Та же пестрая космополитская толпа на центральных улицах: буржуазные дамы, нувориши, латышские чиновники и русские

офицеры, местные и приезжие спекулянты, белые эмигранты и раскрашенные проститутки. То же обилие печатных изданий — газеты латышские, русские, немецкие, еврейские...

Но стоило проехать на трамвае несколько остановок от центра к окраинам — вы попадали на пустынные улицы с редкими и бедно одетыми прохожими, видели обшарпанные, давно неремонтированные дома, бездействовавшие фабрики, заколоченные мастерские.

И эти контрасты отражали антинародную политику правящей верхушки.

Ставка правительства Ульманиса была сделана на кулацкое хозяйство в деревне, экспорт продовольствия и импорт промышленных товаров, максимальное сокращение численности рабочего класса. Закрытые еще в годы первой мировой войны предприятия оставались законсервированными.

Смертельно боявшееся социалистической революции, правительство Ульманиса вынуждено было, однако, установить с Советской страной мирные отношения: в конце 1920 года в Риге были учреждены советские дипломатическое и торговое представительства.

Полпредство помещалось недалеко от железнодорожного вокзала в четырехэтажном здании бывшей гостиницы. В нижних этажах находились приемная и кабинеты полпреда и советников, бюро печати, канцелярия, другие служебные помещения, в верхних — квартиры и общежитие сотрудников. Штат состоял из нескольких десятков человек, все жили и работали под одной крышей (семьи оставались в Москве). Это была маленькая советская крепость в капиталистическом окружении.

В первый же день по приезде в Ригу после представления полпреду один из советников подробно рассказал мне о задачах и особенностях работы здешнего бюро печати. Оно выполняло те же функции, что и другие наши информационные ячейки за границей: информировало Москву о событиях в данной стране, для чего составляло и отправляло ежедневные телеграфные сводки и еженедельные обзоры, размножало и распространяло по местным редакциям (а также среди аккредитованных в Риге иностранных корреспондентов) передававшийся из Москвы бюллетень РОСТА.

И то и другое мне было хорошо знакомо.

Но оказалось, что помимо обычной деятельности в обязанности Рижского бюро печати входили (и составляли львиную долю его загрузки) заботы по выпуску издававшейся нашим полпредством ежедневной газеты на русском языке «Новый путь».

Это была четырехполосная газета большого формата, которую нужно было ежедневно заполнять доброкачественным мате-

риалом. Газета имела небольшой редакционно-издательский аппарат вне помещения Полпредства (на Елизаветинской, 22). Там сидел секретарь редакции, туда приходила почта, там бывали местные репортеры, там же помещалась издательская часть.

Но основной труд по планированию и подготовке номеров, по заказу, чтению и редактированию материала лежал на бюро печати. В его составе была выделена специальная группа сотрудников, исполнявшая обязанности редколлегии. Она практически и делала газету.

В группу входило четыре-пять человек, из которых помню польского журналиста-коммуниста И. Ковальского, поддерживавшего связь с Елизаветинской, 22 и одно время официально подписывавшего газету; опытного петроградского журналиста Б. Г. Комаровского-Данского, бывшего редактора дореволюционного большевистского журнала «Вопросы страхования» и сотрудника других дооктябрьских легальных изданий партии большевиков; москвича Г. О. Винокура, отличного литературного редактора, впоследствии видного ученого-филолога.

Основной задачей газеты была борьба с дезинформацией о Советской России, с морем лжи, заливавшей страницы издававшейся в Прибалтике буржуазной и белоэмигрантской печати.

Поэтому главное место на газетных полосах занимала разнообразная информация во всех ее видах и жанрах: телеграммы РОСТА и ЛТА (Латвийского телеграфного агентства) из западноевропейских стран; корреспонденции, статьи, очерки о международной жизни, обзоры печати.

Помимо ежедневной большой рубрики «В Советской России», жизни советского народа посвящались многочисленные материалы: обширные корреспонденции под постоянными заголовками — «Московские письма», «Петроградские письма», статьи, очерки, обстоятельные интервью с приезжавшими в Ригу или проезжавшими через нее советскими политическими деятелями, учеными, работниками культуры.

В разное время были напечатаны беседы с Н. И. Подвойским, Г. М. Кржижановским, Н. А. Семашко, артистом Московского художественного театра В. И. Качаловым, статьи академика С. Ф. Ольденбурга, художника и искусствоведа И. Э. Грабаря, статьи о современной Красной Армии, всеобуче, физкультуре и спорте, о возвращении русских эмигрантов на Родину и многие другие.

В разделе «Экономическая жизнь» главное место уделялось материалам о советской экономике: восстановлении промышленности, транспорта и связи, внутренней и внешней торговле.

Информацию о культурной жизни РСФСР читатель получал также в разделах «Книжный угол» и «Жизнь искусства».

В первом печатались обзоры, критические статьи, рецензии на новые советские книги, обширная библиография, хроника литературной жизни.

Во втором — корреспонденции из Москвы и Петрограда о художественной жизни нашей страны.

Хуже обстояло дело с рубрикой «В Латвии» и с отделом публицистики.

Зажатая тисками цензуры, находящаяся под постоянной угрозой закрытия, газета тщательно обходила больные вопросы внутренней жизни. Под шапкой «В Латвии» давалась лишь официальная информация ЛТА.

Цензурные рамки связывали и наших публицистов. В передовых и других политических статьях мы писали о международной жизни, о положении дел в разных странах, часто полемизировали с белоэмигрантской печатью. Но тщательно избегали касаться внутренней и внешней политики Латвии, вопросов классовой борьбы, рабочего движения.

И это лишало «Новый путь» свойственных советской печати боевитости, наступательного духа, связей с широкими массами трудящихся.

Но газета делала свое дело. Как известно, с началом новой экономической политики среди белой эмиграции за границей возникло влиятельное течение, звавшее примириться с Советской властью. В Праге вышел сборник «Смена вех», авторы которого — видные белоэмигрантские литераторы — утверждали, что нэп — это отказ от социализма и неизбежное возрождение капиталистических отношений в нашей стране. Отсюда делался вывод, что нет необходимости в дальнейшей вооруженной борьбе с большевиками, а наоборот, нужно возвращаться в Россию и общими усилиями восстанавливать экономику страны. Под тем же названием в Париже начал выходить журнал, пропагандировавший и развивавший концепцию пражского сборника.

Идеи «сменовеховства» — при всей их буржуазно-реставраторской направленности — имели и положительную сторону: они раскалывали эмиграцию, убеждая все более широкие ее круги в бессмысленности новых попыток военной интервенции и в необходимости поисков мирных путей возвращения на Родину.

Как сторонникам этой концепции, так и колеблющимся, сомневающимся, раздумывающим нужна была повседневная, правдивая, объективная информация о происходящем в России.

В Западной Европе эти функции выполняла издававшаяся в Берлине русская просоветская газета «Новый мир». В Прибалтийских республиках их выполнял наш «Новый путь».

Особо нужно отметить участие газеты в агитационной кампании по организации помощи голодающим в Поволжье.

В связи с небывалой засухой весной и летом 1921 года ряд Поволжских губерний оказался охваченным жесточайшим голодом.

Еще не оправившись от войны, страна не имела достаточных продовольственных резервов, чтобы удовлетворить нужды голодающих. И, мобилизуя все внутренние ресурсы для борьбы с бедствием, Советское правительство принуждено было обратиться за помощью к рабочему классу, трудовому крестьянству, всем прогрессивным силам за рубежом.

Во многих странах коммунистические партии, рабочие организации, передовая интеллигенция развернули большую агитационную и организационную работу по сбору денежных средств, продовольствия, медикаментов.

И советский народ никогда не забудет этой братской помощи.

Иначе отнеслись к страданиям миллионов людей правящие классы капиталистических стран. Рассчитывая нажить на голоде политический капитал, буржуазные правительства не только не оказывали помощи, но и всячески тормозили общественные начинания.

Ярчайшим проявлением бесчеловечности было поведение правительств Антанты, когда к ним обратился с просьбой о содействии знаменитый норвежский ученый и общественный деятель Фритьоф Нансен. Возглавив крупнейшую международную общественную организацию помощи голодающим в Поволжье, Нансен поставил перед правительствами западных стран вопрос о предоставлении ей небольшой субсидии на транспортные расходы.

Как же реагировали они?

Об этом с негодованием рассказал норвежский ученый в своем выступлении на заседании Лиги Наций.

— От 20 до 30 миллионов людей находятся под угрозой голода и смерти,— докладывал он на заседании Лиги Наций.— Если в продолжение двух месяцев они помощи не получат, их участь предрешена. Все, что нужно для спасения их, находится от них только за несколько сот миль. Средства передвижения можно получить в продолжение месяца... Правительства ответили,— с возмущением говорил Нансен,— что они денег дать не могут.

В этом году в Канаде урожай так хорош,— продолжал ученый,— что Канада может вывезти в три раза больше хлеба, чем нужно для борьбы с голодом в России. В Соединенных Штатах Америки пшеница портится в амбарах фермеров, которые не могут найти покупателей. В Аргентине столько кукурузы, что невозможно ее продать, и поэтому ее употребляют в качестве топ-

лива для паровозов. В Америке и у нас стоят в гаванях корабли без дела, а там на Востоке гибнет 30 миллионов людей!.. Правительства не могут дать пять миллионов фунтов стерлингов! Правительства не могут собрать этой суммы, которая равна только половине расходов, нужных для постройки одного военного корабля!

Такую же подлую позицию заняли буржуазная печать и наиболее реакционные круги белой эмиграции. Требуя от Советской власти политических уступок, они развернули злобную кампанию против оказания помощи. Эта пропаганда захлестнула и Прибалтийские государства.

Как и всегда, основными средствами антисоветских кампаний являлись дезинформация, клевета, ложь.

При отсутствии в Прибалтике коммунистической печати «Новый путь» оказался одним из основных источников правдивых сведений о положении в СССР.

В ежедневно публиковавшейся рубрике «Борьба с голодом» мы печатали корреспонденции о положении в голодающих районах, о мерах, принимаемых Советским правительством, о помощи, поступающей со всех концов мира.

Большое впечатление произвело опубликование в газете, присланной нашим московским корреспондентом, беседы с М. И. Калининым «По голодным местам». На основе личных впечатлений М. И. Калинин рассказывал о причинах, характере и масштабах трагедии и о том, что делается центральными и местными властями, а также партийными, профсоюзными организациями, рабочими, служащими, самими голодающими крестьянами для ликвидации бедствия и предотвращения его в будущем.

Не смягчая действительной тяжести положения, Калинин дал картину, далекую от того состояния паники и хаоса, которое, по уверениям антисоветской печати, якобы охватило все Поволжье.

В той же рубрике «Борьба с голодом» мы печатали обширный материал о работе зарубежных общественных организаций, больших и малых коллективов, отдельных лиц, оказывавших реальную помощь голодающим Поволжья. Не раз публиковалась информация о деятельности миссии Нансена, Американской администрации помощи (АРА), Шведской экспедиции помощи, пожертвованиях немецких, французских, датских, чехословацких, австрийских рабочих организаций, американских квакеров, германских художников и артистов и многих других.

И эта правдивая информация не только разоблачала клевету, но и побуждала тысячи людей доброй воли включаться в помощь попавшим в беду...

...При всей специфичности задач и ограниченности возможностей «Нового пути» работа в нем явилась для меня следующей,

более высокой ступенью освоения журналистской профессии.

«Красный стрелок» и «На страже революции» дали опыт редактирования массовых красноармейских газет, рассчитанных на своего, близкого нам политически и идейно читателя.

«Новый путь» обращался к совершенно иной аудитории — к буржуазной и мелкобуржуазной интеллигенции, не понявшей Октябрьской революции, бежавшей от нее и сейчас, в эмиграции, болезненно пересматривавшей свои позиции. Нам труднее было находить с ней общий язык. Приходилось прибегать к более гибким формам подачи материала, разнообразить жанры, шире освещать те стороны жизни, которые представляли интерес для этого специфического читателя.

И это требовало от каждого из нас — членов редколлегии и авторского актива — не только повышения литературно-стилистического качества нашей публицистики, но и расширения журналистского амплуа, работы над самой разнообразной тематикой, в разных жанрах, заставляло становиться газетчиками-универсалами.

Разумеется, не все удавалось, нередко из-за спешки печатали материалы недоработанные, поверхностные, подвергавшиеся затем заслуженной критике. Но, несмотря на огрехи и огорчения, работа была интересной. Росли знания, оперативность...

В это же время я много писал из Риги для советской печати. Это были корреспонденции под общим заголовком «Письма из Латвии». В них я рассказывал о политической, экономической и культурной жизни республики, о расстановке классовых сил, об отношении разных социальных групп к Советской стране, в частности к вопросу о помощи голодающим в Поволжье, о расслоении среди белой эмиграции. Корреспонденции печатались в Петроградской газете и в издававшейся в Москве латышской газете «Кревиас Циня».

В те годы жизнь сотрудников наших дипломатических и торговых миссий за границей была сопряжена с большими ограничениями. Капиталистические правительства, буржуазная общественность и печать рассматривали советские представительства как аванпосты враждебного им мира, а их сотрудников как носителей «большевистской заразы» и «агентов Коминтерна».

Поэтому внеслужебное общение работников Полпредства с местным населением было практически исключено, случаи нарушения брались на учет полицией, влекли крупные неприятности для латышских подданных. Особенно опасными были встречи с рабочими, профсоюзными деятелями. Во избежание провокаций подобные встречи запрещались нам и руководством Полпредства.

Не очень рекомендовались и частые посещения кафе, ресто-

ранов, танцплощадок, где также можно было ожидать провокаций.

Таким образом, во внерабочее время небольшой коллектив Полпредства принужден был вариться в собственном соку.

Это чувство отчужденности каждый переживал и преодолевал по-своему. Одни усиленно читали, вели подробные дневники, занимались самообразованием. Другие переписывались с родными и друзьями. Третьи занимались спортом, коллекционированием книг, марок.

Однако существовал один вид развлечения, который объединял всех или почти всех сотрудников Полпредства: кинематограф!

И на этом следует остановиться особо, ибо именно тогда я вторично открыл для себя кинематограф (первое состоялось в раннем детстве), и это открытие дало толчок коренному перевороту в моей биографии.

Но расскажу по порядку.

В то время в Риге работало около двадцати комфортабельных кинотеатров, ожесточенно конкурирующих друг с другом.

В погоне за зрителем они каждые два-три дня меняли программы. За месяц через экраны города проходило до пятидесяти новых фильмов. Прокатчики, одной копией фильма обслуживавшие все Прибалтийские республики, покупали по дешевке картины, уже прошедшие по экранам Западной Европы, и это давало возможность видеть в Риге все, что видели зрители Парижа, Лондона, Берлина.

В большинстве это была давно набившая оскомину конвейерная макулатура: примитивные мещанские мелодрамы, псевдопсихологические, так называемые «салонные драмы», псевдоисторические, «костюмные фильмы», скабрезные фарсы с переодеванием.

Но наряду с ними через Ригу прокатилась волна лучших американских, немецких, французских картин, снятых в годы первой мировой войны и послевоенных потрясений.

За месяцы работы в Риге я увидел десятки киношедевров, созданных лучшими американскими кинорежиссерами, с участием наиболее прославленных кинозвезд США того времени: «Сломанные побеги» и «Нетерпимость» Гриффита, серию ковбойских фильмов Томаса Инса, захватывающий приключенческий фильм «Дом ненависти» с участием Пирль Уайт и трогательного «Длинноногого дядюшку» с Мэри Пикфорд, остроумные эксцентриады раннего Чарли Чаплина, Гарольда Ллойда, толстяка Фатти.

За это же время я просмотрел многочисленные и разнообразные по тематике, жанрам, стилистике немецкие ленты с участием

крупнейших актеров Германии — Эмиля Янингса, Пауля Вегенера, Вернера Крауса; нашумевшие фильмы французов — «Жюдекс» Фейяда и «Я обвиняю» Абеля Ганса; поэтические экранизации шведской литературной классики в постановках Шистрема и Стиллера.

Каждую неделю я знакомился все с новыми и новыми актерскими индивидуальностями, узнавал о появлении новых киножанров, обнаруживал новые режиссерские и операторские приемы.

Это было открытие, казалось бы, давно знакомого чуда.

Как и все мое поколение, я в детстве (совпавшем с первой волной распространения кино) был до глубины души потрясен люмьеровским паровозом, на всех парах мчавшимся на меня с полотна экрана.

Подростком — в младших и средних классах реального училища — стал «киноманом»: ходил в кино почти каждый день.

В студенческие годы увлечение кинематографом сменилось величайшим к нему презрением. Попав в Петроград, я впервые ощутил чары большого сценического искусства — увидел классические спектакли в Мариинском и Александринском театрах, лучшие постановки Музыкальной драмы, театра Суворина, пародии «Кривого зеркала», спектакли МХТ.

Рядом с филигранным мастерством и обаянием Станиславского, Шаляпина, Качалова, Савиной, Варламова каким убожеством выглядело примитивное лицедейство большинства доморощенных «кинозвезд»!

Ничего, кроме смеха, не вызвало и содержание бесчисленных декадентских и псевдореалистических «салонных драм» — всех этих «Скерцо дьявола», «На ложе смерти и любви», «В буйной слепоте страстей» и т. п., заполнивших русские экраны в период первой мировой войны и продолжавших фабриковаться частными фирмами в первые годы революции. На экранах двигались, принимали красивые позы, имитировали переживания выключенные из реальной жизни люди, для которых не существовало ничего, кроме их комнатных страстей. В наше, наполненное социальными катаклизмами время этот мир казался миром теней.

Фильмы, прошедшие перед моими глазами летом 1921 года, произвели переворот в моем отношении к кинематографу. Скептицизм сменился пристальным вниманием, интересом, попытками понять социальное значение и будущее этого массового явления. Оказывается, экран способен показывать не только детские сказки и нелепые фантазии, которых я вдоволь насмотрелся подростком, и не только выдуманные и вымученные страсти, а и в какой-то мере отражать реальную жизнь, живых людей в столкновениях, противоречиях, борьбе.

Особенно покорила меня возможность — в отличие от театра — выносить действие под открытое небо, на улицы города, в деревню, в леса и горы, на морские просторы и на поля сражений, показывать не только небольшие группы действующих лиц, но и массы, толпы, многотысячные демонстрации, битвы, включать в действие животных, автомобили, корабли.

Больше всего захватывали зрителей многосерийные приключенческие фильмы — детективы и вестерны, где с первыми кадрами на экран врывались героическая борьба сильных и храбрых людей с подлыми врагами, стремительные погони, острейшие перипетии запутанных фабульных ходов.

Помню, как по воскресеньям с утра мы, полпредская молодежь, целой компанией перебегали из кинотеатра в кинотеатр, торопясь не пропустить очередных серий «Дома ненависти», «Невесты солнца» или «Всадника без головы».

Дело было, разумеется, не в наивно-романтических сюжетах, заимствованных из романов Брет Гарта и Фенимора Купера, а в естественности атмосферы событий, ясности характеров героев и обаянии их исполнителей, страстности схваток, динамизме действия. В вестернах, кроме того, покоряла поэзия дикого Запада — необозримые просторы прерий и могучие леса, смелые красивые парни, умеющие укрощать диких коней, на скаку поражать из лука летящего ястреба, биться на смерть за правое дело.

И невольно возникала мысль: а почему бы у нас, в Советской стране не делать такие же захватывающие героико-приключенческие ленты, иные по идейной направленности и жизненному содержанию, но столь же динамичные, бурные, темпераментные? Разве классовая борьба, революция, гражданская война не дают еще более яркого, красочного материала для таких лент?

Интересно, что творится в нашей кинематографии? Что показывают в кинотеатрах? Восстановлено ли производство фильмов?

Судя по изредка встречавшимся в центральной прессе информационным заметкам на эту тему, дела обстояли не блестяще.

А жаль! Какая замечательная область приложения революционной энергии! Какая увлекательная форма воспитания молодежи!

Вернусь домой — обязательно займусь кинематографом!

...В Риге я не задержался.

В начале осени у меня произошел крупный разговор с одним из руководителей Полпредства. Я высказал ряд замечаний о поведении некоторых сотрудников в быту. Руководитель не согла-

сился со мной, и я подал заявление с просьбой откомандировать меня в Москву. На заявлении было начертано: «Согласен. В приказ»...

В Москве я не вернулся в Отдел по подготовке переговоров с Антантой, а был направлен в распоряжение Отдела печати и информации НКИД.

Чтобы иметь больше времени для учебы (я возобновил занятия на ФОН МГУ), попросил руководство отдела не включать меня в штат, а зачислить литсотрудником.

Отделом заведывал И. П. Гольденберг-Мешковский, высокий, красивый человек лет под пятьдесят, старый революционер со сложной судьбой. Участник революции 1905 года, член ЦК большевиков в 1907—1909 годах, представитель ЦК при фракции большевиков III Государственной думы, он в период первой мировой войны перешел на социал-шовинистические позиции, не принял Октябрьской революции, эмигрировал. Только с переходом к новой экономической политике вернулся в партию и был назначен членом коллегии и заведующим Отделом печати и информации НКИД. Тяжело больной туберкулезом, он много работал, был внимателен к сотрудникам, доброжелательно отнесся он и к моей просьбе.

Я был зачислен в находившуюся в процессе формирования группу по обслуживанию наших зарубежных газет — рижского «Нового пути» и берлинского «Нового мира».

По рижскому опыту я знал, как нуждались эти газеты в квалифицированных статьях, корреспонденциях, репортажах из Москвы. До сих пор эти материалы присылались от случая к случаю. Сейчас создавалось нечто вроде московского филиала этих газет. Сюда поступали заявки редакций, мы находили авторов, вели с ними переговоры и уже отредактированные материалы посылали по назначению.

Из работавших в филиале помню руководителя группы только что демобилизованного из армии политработника-журналиста Гранника; старого знакомого по РОСТА и Грузии В. Ерофеева; популярного в те годы театрального критика В. Блюма (Садко). Мы вчетвером и составляли организационное ядро филиала.

Статьи, очерки, обзоры заказывали московским журналистам, писателям, научным работникам.

Я писал главным образом для «Нового пути». Чаще всего в форме развернутых корреспонденций — «Московских писем» — на самые разные темы.

Одновременно я печатался в московских и периферийных газетах («Труде, «Рабочей Москве», «Нижегородской коммуне» и других).

Это было продолжение школы, которую я прошел в рижском «Новом пути».

Как и там, срочность и разнообразие заданий требовали большой оперативности, быстрого вхождения в новый материал, умения ориентироваться в непривычной обстановке, постоянного накопления знаний, непрерывной работы над собой.

Во многом помогали учеба в университете и самостоятельное чтение книг, особенно марксистской литературы. Именно в это время начал понимать гениальность Ленина не только как величайшего политика и государственного деятеля, но и как философа, мыслителя, публициста. Не меньше давала практика, знакомство с новыми сторонами жизни, общение с интересными людьми.

Особенно поучительными были встречи в связи с подготовкой к четвертой годовщине Октябрьской революции.

В конце октября Отделом печати и информации НКИД было намечено организовать ряд интервью с руководящими деятелями Советского правительства с тем, чтобы материал мог быть опубликован в праздничные дни в сочувствующей нам зарубежной прессе.

Для этого были заготовлены письма к народным комиссарам республики за подписями наркоминдела Г. Чичерина и заведующего Отделом печати И. Гольденберга с просьбой принять сотрудников отдела для получения интервью.

У меня сохранился подлинник письма на имя Ф. Э. Дзержинского:

РСФСР
НАРОДНЫЙ
КОМИССАРИАТ
ПО ИНОСТРАННЫМ
ДЕЛАМ
Отдел печати и Информации
27 октября 1921 г.
№ 4359
тел. 95—40

Тов. Дзержинскому

Уважаемый товарищ, Иностранная пресса проявляет в настоящее время усиленный интерес по отношению к Советской России в связи с приближающейся 4-й годовщиной Октябрьской революции. Было бы очень важно подготовить для редакций

благожелательных Советской России иностранных газет, а также для редакций зарубежных русских газет, стоящих на советской платформе, соответствующий литературный материал, правильно освещающий различные стороны русской жизни. Ввиду этого Народный Комиссариат по иностранным делам просит Вас не отказать принять в один из ближайших дней представителя Отдела печати и информации комиссариата для беседы по вопросам, входящим в круг Вашей ближайшей компетенции, в связи с наступающей годовщиной.

Не откажитесь сообщить, когда именно и где Вы могли бы принять для этой цели представителя Отдела печати и информации комиссариата.

Народный комиссар по иностранным делам — Чичерин.

Заведующий отделом печати и информации — Гольденберг.

Я должен был попытаться взять интервью у Ф. Э. Дзержинского, И. В. Сталина и А. И. Свидерского.

Времени было в обрез: чтобы не опоздать к годовщине, нужно было всю работу закончить в три-четыре дня.

Первая неудача постигла меня в тот же день. Позвонив в ВЧК, узнал, что Ф. Э. Дзержинский уже несколько дней занят в Наркомпути. (В то время Дзержинский одновременно руководил тремя крупнейшими учреждениями — ВЧК, Наркоматом внутренних дел и Наркоматом путей сообщения). В Наркомпути мне сообщили, что Феликс Эдмундович в командировке на периферии и вернется не раньше, чем через неделю. Надежда на интервью отпала, посылать ему письмо Чичерина стало бессмысленным, так оно и осталось у меня...

Итак, первый блин комом. Что ждет меня дальше?

...Некоторым утешением был ответ А. И. Свидерского. Связавшись с ним по телефону, я получил приглашение сегодня же вечером прийти к нему домой.

Профессиональный революционер, член партии большевиков с 1899 года, журналист, многократно подвергавшийся репрессиям со стороны царского правительства, Алексей Иванович Свидерский с февраля 1918 года работал членом коллегии Народного комиссариата продовольствия, занимаясь планированием и руководством работой по хлебозаготовкам.

Я неоднократно читал в «Правде» его обстоятельные статьи по этому вопросу, а В. И. Ленин не раз ссылался на Свидерского, как на источник наиболее достоверной информации о положении с заготовками хлеба.

Поэтому рассчитывал получить самые последние и самые точные сведения по этой животрепещущей проблеме.

Жил Свидерский в Кремле, в здании, которое в ту пору называлось «офицерским корпусом»; там после переезда правительства в Москву жили многие члены ЦК, наркомы, члены коллегий наркоматов.

Внутри здание походило на общежитие: длинный широкий коридор без окон, освещенный тусклыми электрическими лампочками, и по обе стороны — обитые клеенкой двери с фамилиями жильцов.

Найдя табличку с надписью «А. И. Свидерский», постучал. Меня встретил хозяин, провел в маленький кабинет, заставленный книжными шкафами, письменным столом, креслом и видавшим виды кожаным диваном, на котором, видимо, и спали.

По внешности и манере держаться Свидерский напомнил мне председателя ВУЦИКа Г. И. Петровского. Та же непоказная, а внутренняя интеллигентность, душевность, скромность.

Разговор, естественно, пошел о хлебозаготовках.

— Положение с хлебом,— сказал Алексей Иванович,— как вы знаете, продолжает оставаться тяжелым. Засуха в Поволжье и на юге Украины лишили страну сотен миллионов пудов хлеба. К этому нужно добавить, что в текущем заготовительном году мы впервые перешли от системы разверстки к системе продналога. И для того, чтобы крестьяне почувствовали облегчение, план хлебозаготовок значительно снижен.

Конечно, будет трудно, и часть хлеба придется закупать по рыночным ценам и за границей. Но уже начало нового заготовительного года (он исчислялся тогда с 1 августа по 1 августа следующего года.— *Н. Л.*) показывают всю благотворность перехода на продналог...

Свидерский вооружился сводками:

— Уже за первые два месяца мы значительно перегнали «разверстку». Вот, например, данные по ряду благополучных по урожаю губерний. Если в прошлом году на 1 октября в них было заготовлено меньше 8 миллионов пудов, то в текущую кампанию поступило на то же число 29 миллионов пудов — в три с половиной раза больше.

Свидерский назвал еще ряд цифр. Я старательно записывал, не представляя, однако, конкретно масштабов этих цифр в сравнении с реальными потребностями народа.

Мой собеседник не скрывал сложности, возникшие перед продорганами: нельзя нажимать на крестьян, как это делалось в период военного коммунизма, но нельзя и допускать малейших недоимок, ибо это значит недодавать хлеба городам и Поволжью.

— Наш лозунг,— сказал Алексей Иванович,— ни одного лишнего пуда с крестьянского хозяйства, но и ни одним пудом меньше того, что причитается государству. Собрано пока треть плана, две трети — впереди. Предстоит еще поработать и поработать.

И все же,— закончил беседу Свидерский,— приближающуюся четвертую годовщину Советской власти мы встречаем с лучшими показателями, чем встретили третью. Это вселяет в нас веру в будущее...

От всего сердца поблагодарив хозяина, я, приободрившись, зашагал из Кремля на Кузнецкий, в редакцию, где после первых неудач Гранник и Ерофеев стали встречать меня с плохо скрываемой иронией и жалостливым сочувствием.

Так вот вам, одно интервью все же есть!..

...Меньше всего я рассчитывал на успех, когда пытался связаться по телефону с И. В. Сталиным.

Он руководил двумя наркоматами — по делам национальностей и Рабоче-крестьянской инспекции, а последние месяцы исполнял сверх того обязанности секретаря ЦК партии.

Еще со времен работы в Политотделе Южного фронта у меня сложилось представление об И. В. Сталине как о крупнейшем политическом и военном деятеле, талантливом стратеге и организаторе с железной волей, но человеке суровом, замкнутом, малодоступном.

И не без трепета звоня то в секретариат ЦК, то в Наркомат национальностей, то в Наркомат РКИ, был готов к тому, что в конце концов получу отказ.

И вдруг — после третьей или четвертой попытки — мужской голос сообщил, что соединяет меня с товарищем Сталиным.

В первый момент я даже опешил. Затем, взяв себя в руки, торопливо рассказал о цели своего звонка.

Каково же было мое удивление, когда в трубку услышал не громкий и властный, как ожидал, а, наоборот, тихий, спокойный, чуть иронический голос с грузинским акцентом. Возможно, что ирония относилась к моей взволнованной, косноязычной речи.

Сталин ответил, что он согласен меня принять и просит прийти завтра в семь часов вечера в Кремль, на квартиру, пропуск будет заказан.

На другой день, когда у дежурного по Троицким воротам я получил пропуск, выяснилось, что Сталин живет в том же «офицерском корпусе», где я был вчера, даже в том же коридоре — только по другой стороне.

Такая же обитая клеенкой дверь. На дощечке — «И. В. Сталин». На стук вышел юноша в полувоенной форме, пригласил в комнату, видимо, столовую: посреди — накрытый скатертью стол, вокруг несколько стульев, в углу — небольшой буфет.

И. В. Сталин вышел из соседней комнаты. Он был во френче защитного цвета и такого же цвета брюках, заправленных в высокие мягкие сапоги.

Сталин приветливо пожал руку, предложил сесть. Принесли самовар. Хозяин налил два стакана чаю, пододвинул мне и себе, предложил печенье.

Разговор начал он:

— Вы работаете в Наркоминделе? В Отделе печати? Давно ли?

Вопросы были заданы просто, спокойным голосом, доброжелательно. У меня сразу же исчезло напряжение.

Ответив, я сделал попытку перейти к цели моего визита. Сталин мягко перебил:

— Скажите, а как, с вашей точки зрения, как журналиста-большевика, обстоят дела в Наркомате? Все ли в порядке?

Я объяснил, что лишь недавно вернулся из Риги, бываю только в Отделе печати, о положении в Наркомате знаю со слов других сотрудников.

— Ну, а как работает Отдел печати? — продолжал расспрашивать Сталин,— Как прижился новый руководитель?

Я рассказал о Гольденберге-Мешковском, несколько задержавшись на его политических ошибках, неприятии Октябрьской революции, недавнем возвращении в партию. В рассказе звучала нотка снисходительности по отношению к заблудившемуся и раскаявшемуся человеку.

Это явно не понравилось Сталину.

— Все это так,— сказал он, вставая из-за стола и прохаживаясь по комнате,— партия знает о его серьезных ошибках. Но Мешковский,— Сталин остановился, чтобы зажечь трубку,— один из образованнейших марксистов нашей партии. А это многого стоит.

Коммунистов,— снова остановился Сталин и чуть назидательно посмотрел на меня,— у нас много, а вот марксистов маловато. А чтобы стать марксистом, нужно много и долго учиться...

Я почувствовал, что сказанное относится и ко мне. Но не стал говорить, что, разделяя эту мысль, второй год усердно учусь в университете.

Беседа продолжалась минут двадцать пять — тридцать, и все время инициатива оставалась в руках хозяина.

Только в конце встречи И. В. Сталин попросил уточнить, чего ждет от него Отдел печати.

Я вкратце повторил письмо Чичерина, добавив, что, поскольку Сталин является руководителем двух наркоматов, было бы желательно получить от него два материала: о национальной политике партии и деятельности РКИ.

Сталин ответил, что, к сожалению, сейчас у него нет больше времени, но завтра в двенадцать часов он пришлет в Наркоминдел на мое имя статью по национальному вопросу...

На другой день ровно в двенадцать курьер привез в Отдел печати пакет с четырьмя машинописными страницами — статьей под заголовком «Октябрьская революция и национальная политика русских коммунистов».

К статье была приложена написанная от руки записка, в которой Сталин сообщал, что копия статьи одновременно послана в «Правду» для октябрьского номера.

Статья Сталина так же, как и интервью Свидерского, была срочно переведена на английский, немецкий и французский языки, размножена в десятках экземпляров и разослана в редакции сочувствующих Советской России зарубежных газет...

...Продолжая работать в Отделе печати НКИД, писать для разных изданий, учиться в МГУ, однако не забывал о кинематографе.

По возвращении из Риги присматривался к московским киноделам, старался увидеть новые фильмы, искал информацию о состоянии советской кинопромышленности.

Увы!

Первое время мне вообще не удалось обнаружить никаких признаков киножизни: ни рекламных огней у кинотеатров, ни объявлений о киносеансах, ни самих киносеансов.

Оказалось, что осенью 1921 года в Москве не было ни одного регулярно действующего кинотеатра.

После более тщательных поисков выяснил, что иногда, главным образом по праздникам, на площадях демонстрируется кинохроника и агитфильмы. Изредка на привокзальных агитпунктах устраивают сеансы. Продолжают выезжать на периферию агитационно-инструкторские поезда ВЦИК, кинопередвижки с небольшими комплектами агитационных и просветительных лент.

Но обычные — коммерческие — кинотеатры (которых ранее насчитывалось в Москве свыше восьмидесяти) не работали: не было топлива, не было электроэнергии, не было фильмов.

Только к концу года — с общим оживлением экономики стра-

ны — начало возрождаться и подорванное гражданской войной кинохозяйство.

Был разрешен отпуск электроэнергии кинотеатрам, начала восстанавливаться киносеть, возобновилась работа десятков экранов.

На сеансы повалила истосковавшаяся по кино публика, особенно молодежь и подростки.

Но тут обнаружилось, что прокатные конторы не в состоянии удовлетворять быстрорастущий спрос на киноленты. Национализированные фильмофонды были давно исчерпаны, стремительно пронеслись по экранам ленты, реквизированные в освобожденных от интервентов районах, а прожорливые кинотеатры требовали все новой и новой пищи. Наступил острый голод на фильмы...

На экраны хлынул поток зарубежных картин, разными путями попадавших в СССР.

Среди этих картин изредка попадались интересные, талантливые произведения. Но они тонули в море бездарной, пошлой, мещанской макулатуры, пропагандировавшей буржуазную мораль и художественную безвкусицу.

Ну, а где же советские фильмы? Почему их нет на экране? Что делает наше кинопроизводство?

Выяснилось, что замершие во время гражданской войны кинофабрики все еще стоят, и, за исключением кинохроники и небольшого числа короткометражных лент, они ничего не могут предложить прокату.

У Наркомпроса, которому было подчинено кинодело и который занимался не только школой, но и высшими и средне-техническими учебными заведениями, издательствами и культурно-просветительной работой и всеми искусствами, до кино не доходили руки.

...Но особенно обескураживало невнимание к кинематографии общественности и печати.

И тогда мне стала ясной первоочередная задача: нужно во что бы то ни стало привлечь внимание к экрану! Нужно разъяснить величайшие просветительные и воспитательные возможности его в нашей стране. Нужно добиться скорейшего восстановления фильмопроизводства.

Я — журналист, мое оружие — перо: *буду пропагандистом кинематографа*!..

Весной и летом 1922 года выступил сначала в театральной печати, а затем и в «Правде» с рядом статей о значении кино для Советской страны, доказывающих преимущества его перед театром, призывающих к оказанию срочной помощи кинoорганизациям.

Статьи вызвали дискуссию, привлекли внимание к киноделам. МК партии направил меня на работу во Всероссийский фотокиноотдел Наркомпроса.

Так началась моя литературная, общественно-организационная, научно-творческая деятельность в новой и интереснейшей области культуры. В ней я и продолжаю трудиться по сей день.

Здесь мне довелось быть свидетелем и участником многих ярких кинематографических событий и незабываемых встреч, острой творческой борьбы, не раз испытать радость побед и горечь поражений.

Но жить и работать было интересно.

СОДЕРЖАНИЕ

Николай Алексеевич Лебедев

СМОЛЬНЫЙ, МОСКВА, РОССИЯ

Редактор И. В. Стабникова
Художник А. Д. Суима
Художественный редактор В. В. Щукина
Технический редактор О. Ю. Цишевская
Корректор Г. М. Ульянова

ИБ № 890

Сдано в набор 29/VIII-77 г. Подп. к печ. 9/II-78 г. Формат бум. 60×84 1/16. Физ. печ. л. 13,0. Усл.-печ. л. 12,09. Уч.-изд. л. 13,19. Изд. инд. ХД-134. А08437. Тираж 50 000 экз. Цена 55 коп. Бум. № 1 типогр. Заказ № 378.

Издательство «Советская Россия» Государственного комитета Совета Министров РСФСР по делам издательств, полиграфии и книжной торговли. Москва, проезд Сапунова, д. 13/15.

Книжная фабрика № 1 Росглавполиграфпрома Государственного комитета Совета Министров РСФСР по делам издательств, полиграфии и книжной торговли. г. Электросталь Московской области, ул. им. Тевосяна, 25.

